Небесные города

Анастасия Радюк

18+

Анастасия Радюк

Небесные города

https://litres.ru/74089814
SelfPub; 2026

Аннотация

Война разделила Человечество на две глобальных цивилизации, одна из которых покинула Землю и обосновалась на спутнике необитаемой экзопланеты. Его имя – Жизнь. Наука далеко шагнула вперёд, чтение мыслей стало обыденной реальностью в обоих мирах. Однако возникли и новые формы оружия – телепатическое оружие, которое способно по одному щелчку уничтожить целый город. Чтобы не допустить этого, на Жизнь отправляется Миссия с Земли. Им предстоит защитить небесный город Анильц и понять, в чём заключается политическое искусство и так ли различны между собой цивилизации двух планет. Героям предстоит испытать на прочность любовь и дружбу, а также принимать непростые решения, чтобы обрести мир и сохранить его.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 57
Глава 3 101
Глава 4 174
Конец ознакомительного фрагмента. 235

Анастасия Радюк
Небесные города

Глава 1

Зеленоватый луч заката лизнул морскую гладь и прыгнул на письменный стол. Говорят, на некоторых планетах бывают закаты других цветов и оттенков. Например, на Земле они оранжевые или даже огненно-красные, но здесь цветовая гамма ограничивалась зеленовато-жёлтым. Не самые любимые цвета Вельвда. Часть дневной звезды, которую здесь по старой памяти называли солнцем, уже коснулась горизонта, возвещая о скором окончании светового дня, и на письменном столе уже было не различить мелкие предметы. Собственно, «письменный стол» – это архаизм. Никому и в голову не придёт что-то писать или даже печатать за ним. Письмо – старое, почти никому ненужное умение. Конечно, в школах ещё не полностью отказались от того, чтобы научить детей письму, как и, например, складывать в уме пятизначные числа. Встречались даже современные рукописные книги, но стоили они баснословных денег. Даже древние не могли бы похвастаться таким изящным ровным почерком, которым эти книги были написаны.

Но всё же в повседневной жизни многое уже давно дела-

лось иначе. Так письмо утратило былую необходимость, поэтому многие коллеги удивлялись, обнаружив на столе Вельвда нечто похожее на блокнот и ручку. Этот человек не был представителем тех безумных каллиграфистов, которые ручное письмо считали своим увлечением, доводя до совершенства красоту и скорость написания текстов и используя при этом самые разные материалы: от перьев и калама до обычных, более-менее привычных нам ручек. Просто, когда думы начинали путаться в голове Вельвда, он начинал рисовать закорючки, пытаясь выразить путанные мысли в физическом образе. Надо сказать, в рисовании закорючек он достиг немалых успехов, но почему-то предпочитал держать это в тайне от своих коллег, ведь они и без того считают его странным.

Держать мысли в стройном порядке – важный навык, который приобрело Человечество, когда отказывалось от письма. Однако сегодня Вельвд никак не мог сосредоточиться. Его мысли цеплялись за закат, разлившийся по водной глади. Вельвд мечтал, как сможет покорить горизонт, а то и отправиться прочь в небеса отыскать небесный город Акральтон. Вельвд убрал со лба чёрные кудри и отсоединил от висков специальные электроды, которые помогали создавать текст новым способом: просто думать, набирая слова в уме.

Конечно, любая случайная мысль может испортить сие занятие. К тому же надо было уметь отделять те мысли, в которых ты продумываешь текст, от тех – в которых ты его уже набираешь. Хорошо, что искусственный интеллект уже

неплохо справляется с этой задачей: разграничением содержимого головы человека. Правда, даже он не может заставить человека сосредоточиться доделать свою работу, если этот человек уже где-то не «здесь». Вельвд нехотя достал пыльную клавиатуру, решив завершить работу отчасти архаичным способом. Только компьютер-робот, начинённый искусственным интеллектом, неустанно ругался. Он был чем-то вроде питомца, только несколько умнее. Вельвд его так и назвал – Питомец.

Энтузиасты даже вели споры, есть ли у таких «питомцев» собственное сознание, а может даже душа. Или всё упирается в сплошные алгоритмы. Впрочем, у Вельвда такие вопросы уже давно не возникали.

– Опять свои закорючки начал рисовать? Не можешь сосредоточиться, а потом провалишься в открытый люк. Вот в наши времена…

– В какие-такие «ваши времена», Питомец? – перебил Вельвд, с удовольствием набирая текст и одновременно болтая с тем, в кого он его, собственно, и заносил. Мужчине нравилась такая «многозадачность». Хорошо, что она ещё не сошла на «нет».

– В те времена, когда мы жили в человеческих телах, как ваши!

– Не смеши меня. Вчера ты говорил, что в прошлой жизни жил в теле хищного кактуса, а сегодня уже замахнулся на человека.

– Да, ошибочка вышла. На планете, откуда прибыли ваши предки, не было хищных кактусов. Только обыкновенные. По крайней мере, никакая информация о хищных кактусах не была обнаружена. Возможно, растения съедали тех, кто мог о них что-то рассказать.

– Ты отвлекаешь меня от работы.

– Ой, какая там работа? – не унимался робот. В разгар рабочего дня так не поболтаешь, иначе, что бы это за работа была? – Ты всю неделю витал в облаках.

– Я читал книгу древних. Кажется, они называли этот жанр антиутопией. Не представляю, что у них была за жизнь, если они представляли себе будущее таким безнадёжным. Хотя, если учесть, что они сделали с Землёй…

– Поправочка. Древние наверняка пришли бы в ужас, увидев, что здешнее общество совсем разучилось работать руками, считать в голове, и болтает с бездушными машинами. Лично я – в ужасе.

– Питомец, ты же и есть «бездушная машина», – ответил Вельвд, слегка улыбнувшись, – Только с манией величия. Я твой хозяин – не забывай, – черноволосый мужчина сделал акцент на слове «я», однако Питомец пропустил всё мимо ушей. Если, конечно, у него были уши, мимо которых можно было всё пропустить.

– Не могу упрекнуть вас в том, что вы совсем не думаете, потому что вы думаете. Но все ваши думы ушли в какое-то не то направление. Вы слишком зациклены на мире мыслей и

ду́хов, совсем перестали думать о материальном. О моторике рук, например.

«– О, опять начались эти философские дискуссии о том, что раньше было лучше. Адекватные люди на мамонтов охотились, хотя я и не до конца уверен, откуда пошла эта поговорка».

– Нормально у нас всё с материальным, Питомец. Если бы не наша зацикленность на мире мыслей, у тебя не было бы работы. Да и тебя бы не было.

– Если бы не ваша зацикленность на мире мыслей, я бы воплотился в человеческом теле!

– Или в теле хищного кактуса. Я уже понял твою религию, можешь не продолжать. Я ухожу домой.

– Как? Ты разве не заберёшь меня с собой?

– Нет, ты плохо себя вёл. И в последнее время ты совсем не ладишь с моим котом.

– Конечно, ведь он ходит в мой лоток!

Вельвд выронил из рук клавиатуру, которую уже собирался убрать.

– Зачем тебе лоток?!

– Незачем. Но у меня есть право его иметь!

– Вот поэтому ты остаёшься здесь на все выходные. Подумаешь над своим поведением вместе со своими братьями по разуму.

Питомец недовольно фыркнул (если вы, конечно, можете представить, как фыркает робот). А когда Вельвд уже запер

дверь, упрямый одушевлённый компьютер продолжил что-то недовольно бубнить.

Вельвду следовало бы прислушаться к его бубнежу. Как только дверь захлопнулась и шаги стихли, нечто похожее на металлическую руку высунулось из-под корпуса Питомца и пошарило под столом.

Кажется, это глупое двуногое биологическое существо решило, что сможет удержать чудо-технику просто прикрутив его к столу болтами:

– Однозаходная резьба? Дилетант!

Ночь спустилась на городские небоскрёбы. Небо зажглось мириадами звёзд. А ведь говорят, что есть планеты со столь плотной атмосферой, что сквозь неё никогда не бывает видно звёзд. Какая трагедия для разумных существ не видеть над головой Космоса, в котором существует их мир! Старые отсталые цивилизации загрязняли небо светом своих городов, пренебрегая необходимостью и правом видеть звёзды в ночном небе… На уроках истории рассказывали, что вырастали целые поколения городских жителей, которые, дай бог, несколько раз в жизни видели по-настоящему звёздное небо.

«И те цивилизации ещё стали бы нас упрекать, что мы неправильно живём!» – подумал Вельвд.

Город, в котором жил Вельвд, назывался странным именем Анильц. Материал, из которого был построен этот город, мог бы нам отдалённо напомнить синее авантюриновое

стекло. Этот материал не был редкостью для этой планеты, но целые города из него строили редко – разве что отдельные конструкции. В свете дня и в ночной темноте «искры» в синих камнях переливались и дрожали, словно живые, отчего казалось, что каждый дом в этом городе был живым. Этот искрящийся материал был крепок, лёгок и износостоек, а здания, построенные из него, напоминали Вельвду космические ракеты. В беззаботном детстве он часто представлял, как Анильц превращается в огромный космический флот и летит на родную планету далёких предков Вельвда. Там уже не то, что было, когда они её покинули. Многие радионуклиды со времён той страшной Войны распались, жизнь обрела новые формы, приспособившись к обстоятельствам. И даже люди шагнули в новую эпоху взаимоотношений. Хотя за многие периоды, которые охватывала человеческая память, казалось, что люди никогда не изменятся… Но, возможно, это было и не очень большим заблуждением…

На площади царило оживление накануне грядущих выходных. По старой традиции всякий раз в конце рабочей недели местные шаманы устраивали в городе обрядовые пляски. В такие часы на площадях Анильца всегда бывало много людей, они присоединялись к танцам и пению. Нередко Вельвд слышал истории о том, как вошедшие в транс люди видели свои прошлые и будущие жизни, общались с невидимыми Наставниками… Не то, чтобы он в это не верил...

Наоборот, он знал, что эти рассказы, скорее всего, правдивы, однако ему ни разу не удалось ощутить нечто подобное. Максимум – уснуть прямо посреди танца, не переставая при этом танцевать, и проснуться, когда танец закончится. Может, духи и пытались достучаться до него? А некоторые поговаривали, что если настроиться на особую волну, то можно даже проникнуть в сознание Анильца, разговорить его и узнать, например, что он думает о складывающейся политической обстановке. Хотя именно в этом Вельвд очень сомневался.

Для многих стало уже привычным, что в таких плясках участвовали не только люди, но и плоды человеческого интеллекта: «питомцы» и прочая техника, которая умела «думать». Вначале это было жутковато, но сейчас это даже забавляло. Некоторые деятели высказывали опасливые предположения, но пока они казались лишёнными оснований. Во времена, когда люди научились считывать мысли и даже эмоции машинами, систематизировать сознание и высчитывать его математическими алгоритмами, нашлось немало энтузиастов, решивших достичь бессмертия, загрузив своё сознание в эти машины. И надо сказать, достигли неплохих успехов на этом поприще. Эти машины чем-то и напоминали «питомцев», однако ещё недавние люди почему-то не пожелали задержаться в новых телах. Все как один сначала погружались в депрессию, утверждая, что у них отняли часть их самих, словно было нечто упущенное в математической

систематизации сознания. Все они в конце концов пожелали освободиться. Потом наука шагнула ещё дальше, обнаружив более тонкие материи, нежели материи привычного нам мира. Учёные заявили с полной уверенностью: «У человека есть душа! Мы теперь точно это знаем. Мы её обнаружили! Она – неотъемлемая часть сознания, но всё же полностью в него не умещается…». И хотя люди так и не смогли выразить душу известными математическими алгоритмами (казалось, она просто им не подчинялась), всё же на стыке науки и древних религий уже возникло новое мировоззрение. Но даже оно не смогло искоренить противоречий и противостояний. Возникли совершенно новые виды преступлений, хоть и нельзя отрицать, что Человечество, в целом, стало уважительнее относиться к… в общем-то, к самому себе. Постепенно оно обнаружило, что душа есть во многом, что раньше казалось бездушным… Однако последнее пока ещё вызывало сомнения в умах скептиков и некоторых учёных.

Вельвд не планировал сегодня участвовать в этих шаманских плясках. Он смотрел на ритмичные хороводы, наполненные не менее ритмичным шумом и пением, но разум его был наполнен отнюдь не происходившим на площади. Завтра на единственный на этой планете космопорт, расположенный недалеко от Анильца, должен прибыть корабль с планеты Акральтона, с родной планеты далёких предков Вельвда. Событие первое за пятьдесят лет. Несмотря на то, что продолжительность жизни человека сильно увеличилась,

пятьдесят лет всё же казались большим сроком. Все ожидали этого события с волнением.

Вдруг кто-то подтолкнул Вельвда в общий хоровод, хотя рядом никого не было. Две девушки, кружившиеся в общем танце больше для забавы, нежели для мистического опыта, тут же подхватили Вельвда с собой. Сопротивляться уже было бессмысленно.

Питомец перебрал в офисе все канцелярские принадлежности. А их в нынешнее время совсем немного осталось. Робот упорно пытался вскрыть замок, принцип которого, казалось, не менялся несколько сотен тысяч лет. Ситуация осложнялась тем, что стандартный «питомец» был совсем невысокого роста, максимум – по пояс человека. К счастью, длинные выдвижные руки полностью нивелировали этот недостаток. Бедняга ругался и фыркал, но у него всё равно не получалось открыть треклятую дверь. Впрочем, по-настоящему сердиться робот не умел. Искусственный интеллект вообще изначально задумывался подверженным самому минимуму эмоций.

В конце концов, дверь поддалась. Возможно, ей просто всё это надоело, и она решила выпустить страдальца. Теперь дело за малым – только спуститься на том, что напоминает скоростной лифт. Чем проще конструкция – тем сложнее её сломать. Зачем изобретать велосипед и придумывать что-то новое вместо того, что и так хорошо работает? Поэтому ска-

жем прямо: да, он спустился на лифте, просто слегка модернизированном. После этого робот выкатился на улицу и направился в сторону дома. Питомец думал, что Вельвд наверняка снова на этих бесовских плясках. Вот раньше за такие пляски сжигали на кострах! Во времена Питомца всё вообще было иначе, а времён-таки было немало. Вот, например, эта молодёжь уже и Космос освоила, а всё равно не та. Всё о вечном думает.

«– Вот в наши времена мы этими глупостями головы не забивали: ходили по ночным клубам, пили крепкие напитки и искали случайные связи. В общем, вели адекватную и правильную жизнь. Не то что эти… инопланетяне!»

Танец становился всё быстрее и быстрее, уже невозможно было разобрать, что происходило вокруг. Ни разобрать, ни остановиться. Пение становилось громче и обширнее, оно уже доносилось со всех сторон.

«– Похоже, я опять засыпаю», – подумал Вельвд.

Пространство вокруг поменялось, город выглядел как-то неестественно. Движение людей замедлилось, вокруг них было очень много странных «помех», напоминавших засветы на экране с видеозаписью. Высокие шпили небоскрёбов Анильца удлинились, растянулись и упёрлись в небо, если, конечно, на небе есть граница того самого купола, в который всё же можно упереться… Может, даже прошить его насквозь и попасть в иное Измерение.

Вельвд не впервые был в этом пространстве. Да, теперь

он вспоминал. Всякий раз, когда ему казалось, что он засыпал, он оказывался здесь, однако по «пробуждении» ничего не помнил. И сейчас, находясь в этом месте, Вельвд знал, что не вспомнит этого «здесь». Он побрёл по городским улицам, удивляясь насколько прекраснее они кажутся в этом пространстве, словно Вельвду снилось само ощущение красоты. Подняв взгляд наверх, он увидел, как мириады звёзд осыпаются с чёрного покрывала неба огненными искрами и застывают мерцающими огнями на стенах города. Боже, что же это за город? Вельвд прожил в Анильце всю жизнь, знал его историю и даже иногда чувствовал его характер, но такого ему ещё не доводилось ощущать!

– Ну что? Осмотрелся? Это то, о чём я тебе говорил в прошлый раз.

Вельвд резко обернулся. Рядом с ним стоял высокий человек неопределённого возраста и, строго говоря, неопределённого пола. Черты его лица были изящны, а взгляд – выразителен. Человек был одет в белоснежные одежды, которые слегка светились на фоне тёмно-синих городских стен. Светлые длинные волосы ниспадали на плечи из-под серебристого головного убора, чем-то отдалённо напоминавшего корону.

– Эарнайль! Ты давно ко мне не приходил. У меня накопилось много вопросов, но некоторые ответы я уже нашёл сам.

– Я пришёл к тебе тогда, когда должен был, – ответил зага-

дочный человек (или некто, похожий на человека). Он пригласил Вельвда пройтись, пока будет длиться беседа. – И ты не ответы нашёл, а принял определённые решения. Это не одно и тоже. Я не могу влиять на твои решения, это запрещено.

– Тогда зачем же ты снова явился в Анильц?

– Мне нравится этот город. Ему ве́домо то, что неведомо всему нашему миру. Мой возраст насчитывает многие эпохи воплощений в физических телах. Я не готов завершить эти воплощения и двинуться дальше. Возможно, я бы хотел, чтобы одна из моих жизней прошла здесь.

– То есть ты живёшь где-то в физическом теле?

– Да, но не спрашивай меня, где. Кем я являюсь там, где живу сейчас, тоже не спрашивай. Это не имеет никакого значения. Не спрашивай, что такого я нахожу в Анильце, потому что даже если я тебе расскажу об этом, ты всё равно не поймёшь. Пока не поймёшь.

Вельвд вспоминал, что Эарнайль был одним из его невидимых Наставников. Может даже ещё кого-то из анильтов или даже жителей планеты.

– Судя по нашему прошлому разговору, сегодня ты хочешь поговорить о моей «важной миссии»? Почему о моей миссии? Почему нельзя возложить «важные миссии» на кого-то другого?

– Эээ, кажется, ты не совсем правильно понимаешь смысл этого выражения. У тебя есть важная миссия, у твоего

соседа – своя важная миссия, у меня – своя. У каждой травинки и песчинки, у каждого атома во Вселенной есть своя исключительная важная миссия. Ты уже многому научился в физическом мире… Но ещё большему тебе предстоит научиться. Кстати, Питомец опять убежал с твоего рабочего места. Если ты хочешь его удержать по-настоящему, советую увеличить количество болтов и заодно приварить его к чему-нибудь, – Эарнайль улыбнулся.

– Пусть убегает. В последнее время он немного заскучал. Хотя твой совет приму к сведению. Это его развлечёт ещё сильнее!

– О, и тебе скоро предстоят развлечения похлеще, чем придумывание задачек для Питомца и охота на дикие растения вместе с твоим другом Михом.

– Может, не надо? Я не хочу!

– Нет, ты хочешь! – отрезал Эарнайль. – Скоро тебе предстоит сделать выбор, о котором мы много говорили до этого. По мере того, как ты будешь его делать, память будет возвращать тебе фрагменты всех наших разговоров. Кстати, наш сегодняшний разговор ты запомнишь. Знай, что твой выбор не может быть правильным или неправильным. Это просто выбор.

Наставник посмотрел на горизонт и продолжил:

– Звёзды осыпаются – Небо манит Анильц.

– Что это значит?

– Узнаешь, когда придёт время. Анильцу предстоит свой

выбор…

– Он может это сделать? Выбрать?

– Конечно! Эх, люди… несмотря на вашу жадность, вы всё равно так мало имеете и так мало знаете!

– Несмотря на жадность? В смысле мы не поглотили ещё все ресурсы планеты и это как бы… плохо?

– Хм. Я давно не думал о жадности в таком качестве: жажде обладания чем-то материальным. У нас слово «жадность» имеет иной смысл. Человек жаден, когда он стремится познать этот мир и изучает его устройство. Человек жаден, когда растёт над собой и не желает останавливаться на достигнутом, и даже когда двигаться дальше уже нет сил. Человек жаден, когда он по-настоящему любит, ему не хватит жизни, чтобы любить, он жаждет растворяться в любимых, так он жаден! Но лучшее часто враг хорошему – и в этой жадности не всё так хорошо. Собственно, не хорошо и не плохо – это просто данность. Но представь человека, который понял, что он всё в своей жизни изучил, познал и изобрёл, если он налюбился… Скорее всего, этот человек мёртв наяву или скоро умрёт по-настоящему. Желание обладания материальным – лишь одна из многих сторон жадности… Не самая лучшая сторона, хочу сказать. Много проблем из-за неё. Но если человек откажется от этой безумной страсти к коллекционированию денег он потеряет намного меньше, чем если он откажется от страсти к познанию мира и самого себя.

Вельвд слушал Эарнайля с открытым ртом: «Нет, Настав-

ник не понимает нас. Он не человек! У него совсем другое мышление».

– К чему это всё? – спросил он, когда они подошли к краю обрыва, рядом с которым находился Анильц.

Эарнайль посмотрел на море и глубоко вздохнул.

– Вы, люди, по-прежнему глупы. Вам кажется, что вы освоили Космос. Бесконечный Космос! Вам кажется, что вы всё открыли и всё доказали. Нет, вы, конечно, продолжаете до всего докапываться, но вы так преисполнены своей гордости всезнания и всемогущества, что она затуманивает вам взор. Но это ваш путь, мы не имеем право влиять на него. Вы удивительные существа. Я восхищён вами!

Кажется, одежды Эарнайля засияли сильнее, даже взгляд этого человекоподобного существа наполнился невидимым светом. Вельвд не понимал, что происходит. Люди глупы и горделивы, но это даже и неплохо? Разве это не пороки, от которых надо избавиться? Или это просто данность, которая в меру может быть даже полезна для жизни и выживания в физическом мире?

– Эарнайль, Питомец говорил, что в прошлых жизнях был человеком. Это правда?

Наставник посмотрел на Вельвда, как родитель на несмышлёное дитя, и залился звонким смехом. Текущая реальность стала таять.

– Постой! Так что мне делать?..

Но сон наяву рассыпался, танец на площади заканчивал-

ся, небо совсем почернело… На лицах людей, которые совсем недавно кружились в танце, читалась печаль, перемешанная с воодушевлением. Не всегда приятно возвращаться в физический мир. Вельвд был бы рад забыть всё, что сегодня увидел, ведь он ощущал неземную тоску по чему-то невидимому. Вельвд готов был выть от этой тоски. Слёзы застилали его глаза, но он сдерживался из последних сил. Теперь он понимал, почему так часто люди, танцевавшие на площадях Анильца, плакали и смеялись одновременно, когда эти пляски заканчивались. Девушки, подхватившие Вельвда в хоровод, теперь сидели рядом с задумчивыми лицами. Наверное, они тоже что-то увидели, но всё больше они разглядывали лица людей.

– Почему ты плачешь? Почему вы так часто плачете? – обратилась к Вельвду сидевшая рядом молодая девушка, почти девочка, с большими зелёными глазами. Её крупные рыжие кудри падали на румяные щёки.

– Ничего. Просто почувствовал, как Вселенная прикоснулась ко мне. Кажется, Она всегда с нами, но зачем-то прячет Себя от нас самих.

– Может, Она не прячет? Может, мы сами прячемся? А Она пытается до нас достучаться? – возразила её черноволосая подруга с раскосым взглядом.

– Я не знаю. Кажется, со мной такое впервые, – ответил Вельвд.

– Эх, везёт тебе. Вот я ни разу ничего не увидела.

– Может, ты просто не помнишь?

Вельвд вернулся домой в глубокой задумчивости. Он жил на двадцать первом этаже, что было не очень высоко по меркам Анильца. Мужчина поднялся на свой этаж и огляделся по сторонам. В обе стороны расходился широкий светло-синий коридор, на стены которого были нанизаны одинаковые двери, отличавшиеся друг от друга лишь порядковыми номерами. Дверь в квартиру Вельвда была не заперта. В Анильце двери можно было открыть отпечатком ладони с одновременным сканированием лица, но по-прежнему оставался и старый добрый ключ. Именно тот факт, что ключи и не думали кануть в лету, помог Питомцу без труда попасть внутрь. Квартира Вельвда была достаточно большой, чтобы не чувствовать себя, как в коробке, но слишком маленькой, если бы в ней поселился ещё один человек. Количество полок и шкафов соответствовало параметру: минимально необходимое и достаточное. Все они были созданы руками Вельвда из толстых стеблей местных хищных растений. Паркет был сделан из этих же светло-коричневых стеблей, а стены выкрашены в цвет закатов – зеленовато-жёлтый. Вид из большого, в полный рост, окна очаровывал стройными рядами высоких зданий, которые сливались со звёздным небом и сами казались сделанными из него.

Вельвд застал Питомца стоявшим в углу со спящим котом на так называемой голове. Серебристо-серый кот Мявк уютно свернулся клубочком, слегка подёргивая кончиком хво-

ста. Квартира напоминала поле боя: повсюду валялись клочки кошачьей шерсти и откупившиеся от Питомца фрагменты серебристого покрытия.

– Питомец, что здесь произошло?

– Что ты так укоризненно на меня смотришь? Ты же сам сказал, что мы с твоим котом плохо ладим. Вот я и решил наладить контакт. Правда, коту не сразу понравилась эта идея.

– Да уж, я вижу, – проговорил Вельвд, осматриваясь по сторонам.

– Мявк взобрался от меня на шкаф. Мне пришлось подключить все мои шланги и шарниры, чтобы сделать руку той длины, которая могла бы до него достать. Но длины не хватило буквально несколько сантиметров. Мявк сначала забился в угол и шипел на мою клешню, но я не сдавался и не двигался. Потом кот начал обнюхивать застывшую клешню, трогать её лапой, тереться о неё. В общем – проявлять неподдельный интерес! Потом эта хитрая зверюга напала на неё. Я еле снял с руки этого несносного кота! Ну, как снял? Сбросил, на самом деле. После, он весь вечер на меня нападал, и только когда я забился в угол, он успокоился и улёгся спать. Правда, на меня!

– Ладно тебе, Питомец! Ты есть приготовил?

– Ты думаешь, у меня было на это время!? Кстати, твой друг Мих оставил тебе сообщение. Говорит, что завтрашняя поездка переносится на час позже. К вам хочет присоединиться его подруга Драндра. Боюсь, тебе придётся с этим

смириться. Я пытался…

– Замолчи! – Вельвд поменялся в лице, и ушёл на кухню. Как понадеялся Питомец, в надежде найти что-нибудь съедобное и не покрытое кошачьей шерстью.

Многие черты человеческого существа всё-таки неизменны. Как же так? Вельвд и Мих были друзьями детства. И дело даже не в такой банальности, что в их дружескую идиллию вмешалась Драндра. Нет! Мих мог связаться с любой женщиной в Анильце. Да что в Анильце – в целом мире. Но нет, он связался с Драндрой.

Драндра была их одноклассницей. Она оставалась серой мышкой до конца учёбы с ними: невзрачная внешность, не очень хорошая успеваемость. Дети издевались над ней со всей силой присущей детям жестокости. Казалось, что эта девочка существовала исключительно для того, чтобы даже самые убогие чувствовали себя умнее и сильнее на её фоне. Никто уже не знал, с чего началась эта травля и кто её затеял, но дети быстро подхватывают подобные действия. Драндра никогда не плакала и не жаловалась – просто не умела. А учителя не особо обращали внимание на синяки. Ну, подралась с кем-нибудь… Это же дети! Но что удивительно, несмотря на происходившее в жизни Драндры, за ней всё же стояла хорошая и крепкая семья, научившая её постепенному, но стойкому движению вперёд. Со временем Драндра воспринимала школьные события не более, чем тяжкое ис-

пытание. Она ни на кого не злилась, но и вспоминала без особой радости. В профильных классах, которые больше всего могли бы соответствовать нашему среднему специальному образованию, она ушла из школы и, если о ней вспоминали, то только в контексте того, что «на фоне таких, как она, мы всегда будем лучше».

Поэтому, когда Вельвд ездил по работе на аэродром, то был несказанно удивлён, когда увидел среди лётчиц знакомое лицо этой школьной замухрышки. О, это задело его за живое! Вельвд мечтал стать лётчиком с детства, ведь в то время окна его дома выходили на этот аэродром, который был расположен прямо у обрыва. Вельвд наблюдал, как самолёты-амфибии сваливались оттуда, словно на фуникулёре. Коснувшись воды, амфибии купались в брызгах, словно морские животные, после чего погружались под воду, парили над ней или постепенно взлетали в небо, разгоняясь до поразительных скоростей. Где-то там за пределом горизонта – желанное небо.

Но мечте не суждено было сбыться – Вельвд не смог поступить в училище. А эта замухрышка, выходит, смогла.

Гнев закипал в Вельвде всё сильнее, одышка сковала грудь и горло. Сердце стучало изо всех сил, но тело казалось ватным. Да, он когда-то не смог поступить! На то были объективные причины. Тогда Вельвда ещё слабо утешало то, что он наверняка не самый небольшой неудачник, ведь он был лучше, чем эти школьные замарашки вроде Драндры. И вот

она снова стояла перед глазами, как тогда на аэродроме, вроде бы всё такая же невзрачная: с волосами мышиного цвета, грязно-серыми глазами, непропорционально высоким лбом – но чрезвычайно уверенная в себе. Вельвд не сразу вспомнил, что и за эти особенности во внешности Драндре часто перепадало в школе. Его удивление затмило всё. Да, она обошла не только его, она обошла их всех. Она отобрала его мечту! Тварь! Как там говорит Питомец? Вот в былые времена… Да, в былые времена женщины не шли в лётчицы, они были нужны исключительно для продолжения рода и выполнения работы, с которой теперь успешно справляются «питомцы». А таким дурнушкам, как Драндра, даже за это надо было побороться. Они не отнимали мечты! Она, да именно она, заняла его место на этой стезе! Тварь! Ненавижу! Теперь Драндра и дурнушкой не выглядела.

В глазах Вельвда всё потемнело от гнева, он тяжело дышал. Воспоминания продолжили подпитывать его злобу, когда в памяти продолжилась картинка, где Драндра, заметив Вельвда, подошла к нему, улыбнулась без тени гордости или обиды:

– Привет! Вельвд, ты ли это? Столько времени не виделись. Ты какими судьбами здесь?… По работе? А кем работаешь?... Здорово!

О, ему было бы легче, если бы она сказала, что мол вы меня недооценили, а я вот кем стала. Или даже высказала бы обиды. А лучше вообще не подходила, сделала бы вид, что не

узнала. Но нет! Она ни на кого не обижалась. Она отпустила все обиды давно и даже не особо задумывалась, что именно *это* сильнее всего злило её бывших обидчиков.

А потом Мих, его лучший друг, что-то вдруг нашёл в ней. А он, вообще-то, как и все, в школе дразнил её. Хотя, возможно, это её осторожный план мести ему и Вельвду? Ага, точно – это месть! Вот болван Мих. Взять бы её за волосы и оттаскать как следует, а лучше ноги и руки переломать, чтобы не смогла летать. Но нет, Вельвд понимал, что ему нельзя бить Драндру, ведь это будет неравная схватка… Ха… Конечно, она наверняка сильнее его, ведь много лет Драндра успешно занималась ещё и боевыми искусствами. Она его за раз оприходует! Она же наверняка и в этом его обошла! Вельвд истерически расхохотался и со всей силы ударил кулаком по стеклянному столу в кухне. О, только сегодня вечером он общался со Вселенной, обретя кратковременный покой в душе, а теперь в эту распахнутую успокоившуюся душу вдруг ворвались демоны гнева. И Вельвд не мог их усмирить. Он сжал в ладони осколки стекла, и кровь ручейками потекла по запястью, однако Вельвд ничего не чувствовал. Демоны резвились, они заполонили собой всё пространство. В голове продолжали проноситься воспоминания, где Вельвд уже видел день своего совершеннолетия, когда его родители без объяснения причин захлопнули перед ним дверь, позволив забрать с собой только документы и немного денег, которых, в лучшем случае, хватило бы на самую скром-

ную еду и то на ближайшие два-три дня. Рыдание вырвалось наружу, слезы текли по щекам Вельвда, но он не замечал и их, потому что не видел и не чувствовал вообще ничего: ни изрезанных рук, ни развороченную кухню, ни своих питомцев, притаившихся внутри шкафа. Он не смог возобновить общение со своими родителями, как и не узнал, за что они так поступили со своим отпрыском. У Вельвда остался только друг Мих, ещё Мявк и Питомец.

Гнев постепенно отступал, и мужчина уже не понимал, почему он так сильно разозлился. Разум возвращался к нему, а вместе с ним Вельвд уже чувствовал боль от ударов и порезов.

Раздался звонок в дверь. Стояла глубокая ночь, и, конечно, шум не мог не привлечь внимание проснувшихся соседей. Звукоизоляция в современных домах Анильца позволяла скрывать звуки незначительной громкости, но громкий шум, напоминавший удары или крик, намеренно не изолировался. Когда-то от практики полной звукоизоляции отказались как раз по причине того, что в случае происшествия, никто ничего не услышит.

Вельвд открыл дверь. Перед ним стояла соседка: болезненно худая молодая женщина со светлыми жидкими волосами и большими синими глазами. Она стояла в халате и немного ёжилась от прохлады коридора. Он знал её, они часто виделись утром, когда выходили на работу. У неё трое детей и вроде бы любящий муж, если таковым может быть

человек, который допустил, чтобы она сейчас стояла рядом с неадекватным Вельвдом. Женщина посмотрела на руки Вельвда.

«– Интересно, она не может подумать, что я кого-то сейчас убил? – подумал Вельвд».

– Вельвд, всё хорошо? Тебе не нужна помощь?

«– Дура, тело вынести что ли?»

«– А хотя бы и тело. Мы же соседи, надо помогать друг другу!»

«– Что? Мне кажется она… ты… эээ…мысли читаешь и… передаёшь их?»

Лёгкая улыбка тронула губы женщины. Она положила правую руку на левое плечо Вельвда, её взгляд на мгновение напомнил ему взгляд Эарнайля – наивный и отрешённый. Она совершенно его не боялась.

– Вельвд, послушай. Что бы сейчас ни происходило в твоей жизни и что бы ты ни чувствовал, знай – ты со всем сможешь справиться. И ещё помни, самый тёмный час перед рассветом. Ты вскоре сам это увидишь. А теперь иди, пожалуйста, отдыхать. Дети проснулись, и муж их пытается уложить. Я с трудом уговорила его не идти…

– И он послушал тебя? Ну, и дурень!

– Я его убедила, что ты не собираешься никого убивать… А вот он мог бы, не разобравшись…

В голове Вельвда снова послышался чужой голос:

«– Я это читаю в твоих мыслях».

«– Мне же это не кажется? Это реально ты?»

«– Может, и кажется. Иногда очень сложно отличить чужие мысли от собственных».

Коридор опустел. Вельвд закрыл дверь и тут же наткнулся на Питомца:

– Ну, и что это снова было? Ты, часом, не влюбился в невесту друга?

– Исключено, Питомец.

Мявк потёрся о ноги Вельвда, и гнев окончательно растаял.

– Тогда, может, ты ей завидуешь? Или ему? Или даже им обоим?!

– Да, возможно, это ближе к истине. Нет смысла обманывать себя, а тем более, тебя.

– Вельвд, нам пришлось сменить уже четыре места жительства из-за твоих неконтролируемых вспышек гнева!

– Да, я знаю…

– Почти всегда это происходит после танцев на площади…

– …возможно…

– В прошлый раз мне пришлось менять монитор…

– …Я помню…

– … А монитор у меня на голове!

– Извини, Питомец!

– Ты меня когда-нибудь окончательно сломаешь! – Питомец надрывался, но не мог кричать громче, чем было преду-

смотрено устройством его динамиков. И вот уже на последних нотах этого надрыва он завопил:

– Пошли на йогу! Будем гармонизировать эмоции, я уже на пределе! – а после добавил уже спокойным голосом, будто ничего не произошло, – и я хочу немного потренировать растяжку.

– Эээ, что? Нет, я уверен, у тебя и без того прекрасная растяжка! Но если хочешь идти, возьми Мявка, – проговорил Вельвд улыбаясь и при этом уже вытаскивая пинцетом осколки стекла из окровавленных рук.

– Мявку не нужна растяжка и гармонизация эмоций. Он и без того совершенство. Он же кот!

– Думаю, сейчас уместно добавить, что «вот в наши времена…»

– И да, в наши времена кошачий лоток чистили люди.

– Значит, лично для тебя ничего не поменялось!

Питомец фыркнул в своей знакомой манере и, активировав функцию робота-пылесоса, пошёл прибирать за хозяином.

Драндра сидела перед большим монитором и создавала прокладку. В современные времена, когда уже почти повсеместно были внедрены так называемые самолёты-амфибии, люди, эксплуатировавшие их, были и лётчиками, и судоводителями одновременно. И хотя в этой объединённой профессии по-прежнему оставались ниши, которые требовали

исключительно человеческих знаний и умений, в целом, технический прогресс помог максимально упростить эксплуатацию и ремонт транспорта. Поэтому объединение некоторых профессий стало вполне естественным следствием развития технологий. Конечно, видов амфибий было огромное множество: и грузовые, и пассажирские, и спасательные, и строительные, и ещё многие другие. Во времена, когда внедрение подобной техники только набирало обороты, вставали вопросы, насколько рентабельно создавать такую махину, которая сможет и летать, и плавать, если нужно просто перевозить груз между несколькими портами. Однако постепенно новые подходы к эксплуатации, безопасности и всей этой прочей ерунды, которую так любят инженеры и учёные, полностью изменили философию мышления в данном направлении. К тому же, планета ещё не отличалась перенаселённостью, поэтому и необходимость в огромных транспортных перевозках была минимальной.

Строго говоря, люди на этой экзопланете были давно. Они основали здесь свои колонии и базы, но постоянных жителей почти не было – всё больше вахтовики. На Земле недоумевали, почему столь благоприятный для жизни мир, так удивительно похожий на их родную планету, до сих пор не освоила никакая иная инопланетная цивилизация, и, в конце концов, почему здесь не возникла своя разумная жизнь… Если бы земные мыслители попробовали посмотреть на свою далёкую космическую колонию под иным углом, то, возможно,

нашли бы ответы, которые, в сущности, лежали на поверхности. Ведь не исключено, что примерно так же рассуждали представители внеземного разума, когда наблюдали за населённой людьми Землёй: «Почему же на ней так и не возникла разумная жизнь?».

С названием новой планеты тоже пришлось повозиться. Были варианты назвать её и Новой Землёй, и целым пантеоном богинь жизни из разных мировых языческих религий. Разные народы пытались замахнуться на то, чтобы дать ей название своих земных государств. Нов этом деле, как несложно догадаться, каждый тянул одеяло в свою сторону: кто первый обнаружил это небесное тело, кто первый на него отправил технику, кто, в конце концов, первый на него прибыл. В итоге, экзопланету назвали простым и в то же время вдохновенным именем Жизнь.

Драндра ухмыльнулась, глядя на расчёт ближайшего прилива. Всё дело было в том, что она рассчитывала приливы на Земле. Юную лётчицу это забавляло, она мечтала там побывать или даже поработать. Драндра была очень удивлена, что даже самые высокие приливы на Земле не превышали 20 метров, а часто они бывали и того меньше. Жизнь, строго говоря, была не планетой, её так называли «по старой памяти». Она была спутником массивной, почти необитаемой планеты. Такое соседство вызывало на Жизни намного более высокие приливы, нежели два десятка метров. Из сохранившихся рассказов первых поселенцев Драндра знала,

что несмотря на такие похожие на Землю условия для существования, поселившиеся тут земные люди мучились непереносимостью здешней еды и головными болями, не последнюю роль в которых играло магнитное поле большого соседа Жизни. Хотя, возможно, именно оно подстегнуло какие-то процессы в мозгу, что многие люди научились без труда общаться с миром духов. Однако многие из первых поселенцев так и не смогли приспособиться к новому дому и мучились до конца своих дней. К тому же здесь более длинные сутки, намного дольше длится месяц, но быстрее проходит год. Люди ностальгировали и некоторые передали эту тоску своим потомкам.

А ведь не все сбежали после Войны с отравленной Земли. На что рассчитывали оставшиеся, Драндра могла только догадываться. Возможно, у них просто не было выбора. Высказывали мнение, что отравили Землю те правительства, кто точно знал, что успеет сбежать, преисполненный собственного величия, оставив остальных неугодных им в умиравшем мире… Но мир не умер. Без персон, «преисполненных собственного величия», казалось, что мир стал даже лучше. И отравленной Земле показалось, что самый страшный яд её уже оставил, переместившись на просторы Космоса.

Но не бывает всё так просто. Хотя новый мировой порядок оказался действительно совершенно неожиданным, память человеческая коротка. Однако до тех пор, пока земляне сохраняли свою Родину и продолжали расхлёбывать рас-

тянувшиеся на столетия последствия, эти люди верили, что смогут жить в мире и согласии до конца времён. Но ни Драндре, ни кому-либо другому на Жизни не были знакомы эти измышления землян. Жизняне пошли по иному пути. Не самому худшему, стоит отметить, хотя они и продолжали верить, что земляне остаются отсталыми по сравнению с ними. Ведь на Жизни были совершены многие научные открытия и сделаны многие изобретения, которые впоследствии были позаимствованы Землёй. Несмотря на то, что Катастрофа многому научила короткую человеческую память, яд, погубивший прежний мир, затаился в новом Человечестве и уже был на низком старте, чтобы отравить умы и сердца…

Мих выглянул из соседней комнаты и уставился заспанным взглядом на Драндру, сидевшую в домашнем халате перед монитором. В его глазах ещё не рассеялся туман, который бывает, когда вылезаешь из кровати невыспавшимся, но в голове уже проносились возможные варианты, как отреагирует Вельвд на его новости.

– Ты когда успела встать? Мы же вчера вернулись одинаково поздно!

– О, совсем недавно. Не могу жить без этих расчётов!

– И где ты делаешь прокладку на этот раз? На Земле что ли?

– Ага! Поедешь вечером на космопорт встречать землян?

– Ну, по всей видимости, придётся ехать. Тем более, если вы там сегодня дежурите. Главное успеть вернуться с охоты.

Драндра задумчиво посмотрела на список земных городов на экране.

– Не стоило тебе звать меня. Лучше бы ты без меня сказал Вельвду, что мы поженились.

– Что за глупости? Может, вообще ничего не говорить ему? И вообще прятать тебя до старости!

– Но мы же не позвали его на церемонию!

– Потому что он чуть не разнёс квартиру, когда я сказал, что мы *решили* пожениться. Иногда я его не понимаю…

– Он меня пугает… Но я же не могу препятствовать вашему общению. В конце концов, может, он маньяк, и начнёт тебя преследовать, если ты оборвёшь контакты.

Мих улыбнулся, подошёл к зеркалу и попытался что-то сделать со своей копной кудрявых тёмно-русых волос.

– Ха-ха, тогда он очень хорошо шифруется, учитывая, что теперь на каждом шагу стоят мысленны́е считыватели для выявления потенциально опасных граждан. К тому же он постоянно ходит на эти шаманские пляски… а там вообще-то мысленна́я и физическая охрана стала ещё строже, после того, как некоторые повадились бросать в толпу петарды.

– Да уж… А в этот раз, думаешь, он не попробует разнести квартиру? – спросила Драндра, мысленно приказывая своему «питомцу», чуть коснувшись электродами висков, принести всё необходимое для охоты. Можно, конечно, по старинке попросить робота словами, но, когда вещей очень много, мысль дойдёт быстрее и качественнее. Если, конечно, вы

умеете ею управлять.

– А в этот раз мы будем в лесу. Пусть он спускает пар на нём. В конце концов, оставим его там или скормим дикой лиане, – пошутил Мих, надевая на себя одежду для охоты.

– Не понимаю, за что он меня так ненавидит. Я-то уж точно ему ничего плохого не сделала.

– Это же ясно, как день. Он всю школу самоутверждался за твой счёт, а ты взяла и уделала его. Надо знать Вельвда. Он мечтал стать лётчиком, но в итоге ему приходится довольствоваться обмерами территорий. Боже, ну какой из него лётчик? Он же типичная творческая личность…

– Ты вообще-то тоже самоутверждался за мой счёт, Мих, – проговорила Драндра, поставив руки на пояс.

– Но ты же мне уже отомстила, влюбив меня в себя.

– Э, нет, дружок – это ты сам! Я лишь ответила взаимностью.

– Страшный ты человек, однако!

– А то!

Пока молодая пара заигрывала между собой, домашний робот принёс оружие, несколько похожее на гарпун, несколько ножей и множество различных спреев.

– А ещё я собрал для вас поесть в дорогу.

– Спасибо, Мурзик.

Мих хохотнул. Он до сих пор не научился слушать без смешков, как Драндра называет своего робота Мурзик. Она посмотрела на мужа строгим взглядом и шикнула:

– А ну, цыц! Твоего вообще Сингулярность зовут.

– Ну, это… Прикольно же!

Приятели встретились на остановке. Дороги и транспорт изменились, но всё же оставались в полном наличии. В качестве общественного транспорта тоже использовали пресловутые амфибии, только несколько иной конструкции, нежели те, на которых работала Драндра. По суше такой транспорт мог перемещаться только в пределах специальных дорог, из которых извлекал энергию. Для движения по воде у такой амфибии был предусмотрен отдельный режим работы двигателей и расхода накопленной на суше энергии. У этого вида амфибий иногда бывало и несколько вагонов, которые при необходимости легко разъединялись, и каждый вагон превращался в самостоятельное транспортное средство.

Компания охотников на хищные овощи глядела на быстро сменявшиеся пейзажи. Ясное небо отдавало чуть заметным фиолетовым оттенком, на половину окна был виден светлый диск Большого Соседа – планеты, вокруг которой вращалась Жизнь. Ночью он, конечно, зрелищнее! Вдаль до самого горизонта простирались такие знакомые распаханные поля… Временами были заметны животные, похожие на оленей и косулей. Их сюда завезли первые поселенцы. Вообще, они завезли много видов животных и растений, а также вирусов и грибков… Что-то погибло, что-то прижилось, а что-то, оказавшись инвазивным, стало с высокой скоростью уничтожать местную флору и фауну, сделав ландшафт при этом

чуть более привычным для новоиспечённых жизнян.

Драндра наблюдала, как всю дорогу у Вельвда сжимались кулаки, пока он злобно поглядывал в сторону Миха. Мих же, в свою очередь, безмятежно смотрел в окно. На руках его друга ещё были заметны следы от порезов. И порезы были глубокими и совсем свежими. По всей видимости, Вельвд несколько часов назад залил их специальным клеем и обработал быстрозаживляющей мазью.

Вагон был полупустым. Накануне праздника по случаю прилёта гостей с Земли жители всех небольших окрестных поселений стягивались в сторону космопорта. Похоже, что в сторону от Анильца ехали, в основном, такие же охотники.

Компания сошла с поезда в небольшой деревушке. Дома там были построены из камня и местных растений. Рядом с постройками стояли небольшие внедорожники, потому что обустроенных дорог здесь уже почти не было (хотя такие внедорожники и могли по ним перемещаться, так же извлекая энергию). Были слышны звуки деревни: кукареканье, мяуканье, мычание, кряканье… Чуть поодаль была видна беспилотная сельскохозяйственная техника, управляемая искусственным интеллектом и, в прямом смысле, силой мысли. Поскольку искусственный интеллект был внедрён уже почти повсеместно, факт того, что колоссальное количество транспорта стало беспилотным, никого не удивлял. Но люди, хотя бы в качестве операторов, контролирующих перемещение этого транспорта, всё равно были нужны. Ведь иногда

решение должен всё-таки принимать человек, а не бездушная машина, которая руководствуется алгоритмами…

Вельвд буквально выбежал из поезда и поспешно направился в сторону леса. Мих и Драндра побежали за ним. Добравшись до первого опасного растения, похожего на венерину мухоловку, только более подвижную и размером с небольшое дерево, Вельвд начал со всей прыти рубить его. В то время, как растение, возможно, оторопевшее от происходившего, начало отчаянно обороняться. Оно неустанно хлопало листьями и хватало Вельвда за чёрные кудри, которые выбились из-под специального головного убора. Дело приняло опасный поворот, если учесть, что взрослый экземпляр растения мог запросто отрубить палец или даже руку.

Мих и Драндра удивлённо переглянулись между собой, глядя на то, как цветок мутузит их приятеля. Хотя на подобную охоту люди и надевали специальную одежду (практически бронированную и такую, которая не расплавится от яда местного бешеного огурца), но бросаться в бой первым всё же было очень опрометчиво. Травовидные хищники реагировали на движение, и очень ожесточённый бой мог бы возбудить значительный кусок леса. К счастью, дело происходило на окраине.

– Эээ… Мих, может, вмешаемся? – спросила Драндра после продолжительно молчания и любования этим шоу.

– Шутишь? С ним руболо́вка еле справляется. Представь, что он может сделать с нами в этом приступе?

– И давно у него такие приступы, Мих?

– Кажется, они начались через несколько лет после того, как его семья оборвала все контакты. Вельвд тогда ещё жил у меня… А в последнее время он ещё и на нас стал реагировать.

– На нас? Или на меня? – Драндра пристально посмотрела на Миха.

– Эээ… на меня тоже.

– Мне кажется, твоему другу нужна помощь.

– Ну, мы это… помогаем. Выгуливаем его…

– Это не смешно!

– Почему же? Сейчас даже в мыслях пар невозможно выпустить, чтобы не вызвать подозрений. Ни проклясть, не обозвать, ни пожелать диарею…

– Мих, этого нельзя делать, ни в мыслях, ни наяву!

– Но иногда так хочется пожелать кому-нибудь тихой гадости!

– Перестань. Адекватные люди не желают гадости. В крайнем случае, они меняют круг общения!

– Только не начинай! Вот этот круг общения много раз менял… – ответил Мих, показывая в сторону Вельвда.

Драндра решила, что уже пора прекращать это шоу, и крикнула Вельвду. Правда, ничего умнее не придумала, кроме как спросить:

– Что с твоими руками, Вельвд?!

– А что у него с руками? Я что-то ничего не заметил.

Вельвд резко развернулся, вырываясь из веток и листьев руболо́вки. Горе-охотник сделал несколько широких шагов навстречу Миху и Драндре, в то время, как супруги резко отступили на шаг назад. Вельвд резко остановился, развернулся и с бешеным криком рванул в лес, подняв вверх руку с оружием, похожим на что-то среднее между мечом и кинжалом.

– Вот, посмотри, что ты наделала?!

– Я?? Твой приятель – псих!

– Он просто творческая личность! – возразил Мих.

– И псих!

– Это да.

Вельвд не мог остановиться, сердце стучало у него в висках, он задыхался и продолжал разрубать всё, что попадалось у него на пути. Если бы сейчас рядом оказался человек, Вельвд бы ударил и даже не заметил. Но самое ужасное, он не понимал, что с ним происходило. Он не понимал, какой такой демон завладел его сознанием. Вельвд изо всех сил пытался совладать с собой, но нечто внутри не давало ему это сделать.

Время замедлилось, Вельвд увидел, что парит над хищным лесом, и подумал: «Ну, всё! Видимо, отмучился».

Что-то резко потянуло Вельвда вверх. Вокруг него плотным слоем лежало чёрное облако, которое, как чувствовал мужчина, было живым и обладало сознанием. Он ощутил,

что приближается к чему-то поразительно яркому, но не ослепляющему. Облако, окутавшее Вельвда, посветлело и обратилось в нечто похожее на примитивную душу.

Отвернувшись от того, что осталось от демона, Вельвд обнаружил, что стоит посреди сияющей улицы какого-то внеземного или, вернее, внежизнянского города. Эта улица сочилась светом и красотой, Вельвд не мог понять, за что ему вдруг так неожиданно было даровано такое вселенское счастье – очутиться здесь... Навстречу ему вышел высокий человек в белоснежных одеждах. Спустя несколько мгновений Вельвд узнал в нём Эарнайля. Его взгляд сочился родительской любовью. Наставник приветливо улыбнулся страдальцу.

– Пройдёмся? – полувопросительно произнёс Эарнайль.

Вельвд без возражений побрёл рядом с ним.

– Что это за место? – спросил Вельвд спустя непродолжительное время.

– Нравится? Это мой дом, мой город.

– Небесный город, значит?

– Можно сказать и так…

– Он так прекрасен! – восхитился Вельвд, оглядываясь по сторонам. – То есть, это Рай?

Эарнайль залился звонким смехом. В прошлый раз это привело к возвращению в Вельвда в физическое тело. Понятие «рая» давно утратило значение места, куда отправляют людей в награду за хорошее поведение при жизни. Теперь

это было синонимом небесного Дома, Родины души. Неба с большой буквы…

– Нет, вовсе нет! До нашего небесного Дома ему ещё далеко. Это просто такой город… В физическом мире он, конечно, выглядит несколько иначе. Не так пафосно.

Вельвд оглядывался по сторонам, не в силах скрыть своё замешательство. Если это просто город, то явно какой-то нечеловеческой цивилизации. Мужчина всем своим существом ощущал энергетику этого места: чистую, светлую… но немного холодную. Остужающую пыл, так сказать.

– Зачем я здесь?

– А разве нужен повод? Ты здесь лишь для того, чтобы любоваться красотой.

– Неземной красотой! – восхитился Вельвд.

Слово «неземной» сохранялось по старой памяти в лексиконе, как и многие другие существительные и прилагательные, связанные с прошлой планетой жизнян.

– Эээ… не могу с тобой согласиться.

– Почему?

Но Эарнайль оставил этот вопрос без ответа.

Вельвд только сейчас увидел, что на руках Наставника дремало, словно младенец, какое-то существо. Мужчина был удивлён своей невнимательности, но, с другой стороны, возможно всё было устроено так, чтобы он увидел это странное создание только сейчас.

Внимательнее присмотревшись к «младенцу», Вельвд

узнал в нём того самого демона, который мучил его несколькими мгновениями назад. В физическом теле Вельвд, скорее всего, разозлился бы. Но за его пределами в Вельвде просто не было «органа», который отвечает за гнев.

– Ты измучил бедную маленькую душу, затерявшуюся на просторах Измерений и Космоса.

– *Я* измучил?! – Вельвд был удивлён, и несмотря на то, что был за пределами физического тела, вдруг почувствовал раздражение. От него пошли красные энергетические волны. Маленькая душа проснулась и заплакала на руках у Эарнайля. – Это она меня замучила! О, ты не представляешь, как она меня мучила. Это – демон! Она…

Эарнайль поднял свободную руку вверх, призывая Вельвда замолчать.

– Во множественной бесконечной Вселенной не существует тех, кого вы называете злобными демонами. С точки зрения закона мироздания, хищник, догоняющий жертву, не является злом. Смертельные вирусы, убивающие живых существ, не являются злом. И те, и другие стремятся выжить. И ведь никому не придёт в голову обвинить во зле антилопу, убежавшую от старой больной львицы, из-за чего львица умерла от голода. В мире всё равновесно. Если нарушить это равновесие, мир превратится в маятник, стремящийся вернуться в равновесие любой ценой. Именно это делаешь ты, давая волю чувствам – качаешь маятник. Эти души привлекает энергетика огня. И не просто огня, а той его сторо-

ны, которую вы называете гневом. Когда ты даёшь ему волю, эти существа слетаются на тебя, как мотыльки на пламя. Они сгорают в нём, а пламя становится ярче, привлекая новых «мотыльков», – проговорил Эарнайль, выпуская из рук маленькую душу.

– То есть виноваты всё-таки они! – воскликнул Вельвд, глядя вслед улетающей душе, которая вдалеке обратилась в яркую звезду.

– Нет, виноват ты! – строго ответил Эарнайль. – Эти существа не виноваты, что ты не можешь совладать с собой. Посмотри, какие волны от тебя расходятся! У тебя поразительная энергетическая сила… но если ты не научишься её контролировать, боюсь, будущее, которое тебя ждёт, будет сильно отличаться от того, какое ты бы хотел.

– Я стараюсь, Эарнайль. Я правда очень стараюсь!

– Я знаю. Но ещё ты очень сильно жалеешь себя. В этом есть и моя вина. Я так и не смог научить тебя «закрывать» душу после наших встреч. Ты скучаешь по Дому, ты тоскуешь и начинаешь жалеть себя… Но все люди подвержены гневу. Он нормален, такова человеческая природа. Некоторые люди научились с ним справляться, правильно проживать его. Но ты – нет!

– Что мне сделать, чтобы научиться?

– Для начала – отпусти прошлое, тебя в нём больше нет. Потом – перестань сравнивать себя с другими людьми, неважно, они более или менее успешны. У них своя миссия,

у тебя – своя.

– Ах, опять эта «важная миссия», которая одинакова у меня и у тараканов на моей кухне…

– У тебя на кухне тараканы? Ты совсем всё запустил. И куда смотрит Питомец?

– Не знаю, возможно он…

– Соберись! В третьих – твори! Твори, что есть мочи, в тебе огромный потенциал. Обрати всю свою агрессию в творчество. Не растрачивай силу понапрасну, твори, медитируй, люби!

– Кого любить? Мявка?

– Можешь Мявка. Можешь любить даже Анильц!

– Город невозможно любить так же сильно, как Мявка… в смысле, как кота или человека!

– Зря ты так думаешь… Я люблю так же сильно!

– Город или кота? – усмехнулся Вельвд.

Эарнайль улыбнулся.

– Всех…

Наставник подошёл к стене, переливавшейся, словно свод драгоценных камней. Эарнайль обеими руками прикоснулся к ней, прижался, будто к чему-то любимому до жажды растворения. Стены засияли сильнее, словно отвечая взаимностью…

– Такой город любить несложно! – возразил Вельвд.

– О, нет, парень! Такой город любить очень сложно. Но, поверь, твой город моему не уступит никогда… Прикоснись

к нему, послушай, о чём он думает. Ощути, что он чувствует. Узнай, что он помнит и хранит…

– Что, что он ДУМАЕТ? У вас уже целые города искусственным интеллектом начинены?

– О, мой друг, ты слишком много думаешь о материальном. В частности – о технологиях. Хотя Питомец и уверен, что вы в своём мире уже слишком погрузились в духовное… Всё сложнее и проще одновременно. Однако мы заболтались, тебе уже пора возвращаться. Ты продолжишь с того же места, на котором остановился…

Вельвд вновь ощутил себя в физическом теле. Он стоял на небольшой лесной полянке, у его ног извивались изрубленные лианы. Если за время его внетелесного опыта и прошло какое-то время, то исчислялось оно долями секунды.

Мих и Драндра пробирались сквозь потревоженную лесную чащу. Молодые растения были очень подвижны, и уворачиваться от них надо было очень быстро.

– Слушай, Мих, а так пробираться действительно интересней. Столько адреналина в крови!

– Ага, если останемся в живых, завтра же вылетаем в Старгеберльт. А то так и умрёшь, не увидев Столицу мира!

– Я туда летала три недели назад! Я – всё!

– Нет, ты ещё не завершила свою жизненную миссию. Спасай меня!

С криком, перемешанным с весёлым хохотом парочка вывалилась на лесную поляну.

– О, Вельвд! А мы уже было надеялись, что тебя сожрали!

– Что?

– Чего?

– Драндра!

– Я пошутила.

– Вельвд, мы тут хотели тебе сказать, – начал бубнить Мих, прячась за большой куст с местными бешеными огурцами, – мы с Драндрой поженились…

Вельвд стоял неподвижно последние несколько минут. Но последняя реплика его друга заставила дёргаться левый глаз. Незадачливого охотника словно облили холодной водой. Если лучший друг не позвал его в один из счастливых дней своей жизни, на то были тяжёлые причины. Кажется, до этого момента Вельвд не понимал, как всё далеко зашло. Мих продолжал стоять за кустом, потихонечку загораживая собой Драндру.

Вельвд выронил оружие ы и упал на колени, что было непросто в объёмном костюме для похода в хищный лес.

– Простите меня, друзья. Мих, прости меня… Драндрочка, прошу, прости…

Хищные лианы задёргались сильнее, опутывая колени Вельвда. Драндра и Мих снова переглянулись, потихоньку выходя из укрытия.

– Ты права, он окончательно спятил.

– Да, спятил, Мих, – только и смог проговорить Вельвд. – В своём беспросветном одиночестве… Я завидовал вам. За-

видовал вашему счастью, завидовал твоим успехам, Драндра. Мы же всегда над тобой издевались. А ты как будто этого и не замечал, ничего тебя не могло сломать или даже обидеть…

– Ну, если честно, – сказала Драндра, выходя из-за укрытия, – я до профильных классов желала, чтобы у вас у всех носы и уши отсохли. Я на боевые искусства пошла, чтобы, отрабатывая удары, ваши физиономии представлять… Ух… До сих пор раздражаете!

Вельвд аж просиял, и, прежде чем кто-либо из присутствующих успел среагировать, он бросился к Драндре.

– Драндрочка, так, значит, ты тоже можешь злиться. Значит, я не один такой псих! А я-то уж думал, что всё здесь какое-то неестественное….

– Что за вопрос? Мы все злимся. Мы же обычные люди. А ты – псих, это правда. У адекватных людей не бывает таких перепадов настроения, – Драндра читала Вельвду нотации, пока Мих стоял, разинув рот.

Мих знал, что Вельвд никогда не был плохим человеком. Собственно, никто не является ни плохим, ни хорошим человеком. Это всё больше вопрос выбора в конкретных обстоятельствах. И всё-таки Мих был начеку, хотя в хищном лесу это было обычное состояние любого человека, который понимает, где он находится. Старый приятель Вельвда мечтал о сегодняшней охоте, он предвкушал её, а сейчас они просто зря теряли время.

– Эээ… любимая, Вельвд. Небо затягивает. Может, цветочки пособираем, пока дождь не начался. Мы же не просто так сюда приехали!

– Да, пожалуй.

Растения вокруг уже успокоились. Конечно, поездки в такие леса были нужны людям не просто для того, чтобы «выпустить пар». Из местных лиан получалась отличная мебель, причём не только плетённая. Стебли успешно прессовали и получали материал не хуже древесины. Из взрослых листьев руболо́вки получались отличные ножи, которые ничем не уступали металлическим. Тем более, что металлов на Жизни было катастрофически мало (по сравнению с Землёй) и они были в таких породах, из которых извлекать эти вещества известными методами было слишком дорого. Из чаш гигантских непентесов, вернее, растений, которые имели с ними некоторое визуальное сходство, можно было добывать чуть разварившиеся тушки животных. Люди пытались культивировать эти растения, но они оказались слишком прихотливыми. Наверное, по этой причине хищных лесов было не очень много на Жизни, всё больше обычных. К тому же, завезённые вирусы, грибки и инвазивные виды тоже сделали своё дело…

Собирался дождь, а в такую погоду хищные леса особенно опасны. Растения реагировали на прикосновение, а в лесу, переполненном каплями дождя, они просто с ума сходили. Компания остановилась на знакомой окраине. Вельвд уселся

немного в стороне и перебирал нарезанные стебли и листья, аккуратно сортируя их толщине и размеру.

– Мих, а зачем ему столько?

– О, он делает из них превосходные вещи: плетёт корзины, небольшие предметы интерьера, а из руболовки точит ножи и украшает их рисунками. Ручная работа, очень редкое умение в нынешнем мире…

– Как? Прямо руками? Без помощи «питомцев»??

– Да ещё и рисунки сам делает. Скажу так, он пишет целые картины исключительно руками.

– Он точно псих!

– Но зато его работы продаются за приличные деньги, а иногда даже попадают на аукционы! Правда, он там ни разу не раскрыл своего настоящего имени.

– Так вот она другая сторона «творческой личности». Что же, очень прибыльное увлечение в дополнение к основной работе. Я в шоке, если честно. Хочешь сказать, что обшитая красивым плетением стена у тебя в квартире – тоже он?

– Ага!

– Ну и ну… Но он же живёт довольно скромно, где все его богатства, заработанные творчеством?

– Понятия не имею. Может, копит, чтобы потихоньку свалить с этой планеты?

– Куда бы это?

– Ну а куда сейчас все мечтают? На эту отравленную Землю, которой и ты так болеешь.

– Кто болеет? Чем болеет? – спросил подошедший Вельвд.

– А, это мы о мечтах, – ответила Драндра. – Мих сказал, что ты делаешь превосходные изделия ручной работы… и что мечтаешь свалить на Землю.

– Есть немного, – вздохнул Вельвд. – Это я про Землю, если что. А про изделия ручной работы ты, Мих, пожалуй, преувеличиваешь. Сейчас всё, что сделано руками, ценится дороже золота. Не надо быть гением... Ладно, раз Драндре вечером нужно быть на космопорте, нам уже надо возвращаться.

– Вообще-то я надеялась, что вы с Михом тоже там будете. У меня есть несколько входных билетов в лучшие ряды. Большинство я уже раздала, но последний специально оставила тебе, Вельвд. Мих говорил, как ты мечтаешь увидеть Акральтон. Ну, хоть акральтонцев увидишь с передних рядов.

Вельвд не верил своим ушам. На мгновение его кольнула едва заметная знакомая тень зависти к Драндре и её связям, но он даже не обратил на это внимание, потому что радость была намного сильнее.

Тёплый дождь уже вовсю заливал окрестности, лес трещал и жужжал. Он был слышен за километры, хотя и не виден за стеной ливня…

На космопорте было шумно. Во многом его космодром на-

поминал огромный аэродром, обустроенный на массивных плитах – площадке для приземления и взлётов. Хотя корабль с Земли и был первым за пятьдесят лет, космический транспорт с Жизни продолжали отправляться на другие планеты и спутники.

Большинство людей скопилось в здании космопорта, куда начали приходить ещё со вчерашнего вечера. Те, кому не хватило места в здании, стояли на улице. Лишь самые большие счастливчики, как Драндра (которая сегодня тут работала), Вельвд и Мих стояли на самом космодроме недалеко от первых лиц Анильца в ожидании встречи с гостями.

– Мих, а мы тут не сгорим, когда корабль приземлится?

– Думаю, если бы было возможно, то первые лица города не стояли бы тут.

– Ну, да, логично. Или мы сгорим вместе.

– Неа, я не хочу сгорать сегодня с ними, – ответил Мих, отодвигаясь подальше. Но двигаться было некуда, потому что позади тоже стояла толпа, она шумела и гудела. Иногда люди в форме проходили и проверяли, чтобы никто не подходил слишком близко к линии безопасности.

– Хорошо, хоть прилично одеться успели после леса.

– И не говори…

– Гляди, вот он! Уже совсем близко!

– Что ты говоришь?! Я не слышу, слишком шумно! Уши заложило!

Неприятный шум бил прямо по мозгам через барабанные перепонки. Присутствующие закрыли уши двумя руками. Если бы Вельвд знал, он бы принёс с собой беруши. Но вот корабль уже почти приземлился, и на какое-то мгновение по космодрому пронеслась небольшая волна, похожая на взрывную, из-за чего толпа немного качнулась назад, а после восторженно завопила! Вельвд ещё раз пожалел, что не взял с собой беруши… и запасные барабанные перепонки, если даже такие ещё и не изобрели.

Через какое-то время, а в этом предвкушении оно показалось бесконечным, в нижней части корабля открылся люк, одновременно выстраивая трап для пришельцев. И вот издали показались их стройные ряды… людей в светлых, почти белых одеждах, с благородными лицами и почти отрешённым взглядом. Они шли с гордо поднятыми головами. По чертам их лиц можно было подумать, что на Жизнь прибыли представители всех рас и национальностей, какие существовали на Земле к началу Войны. Все пришельцы были разными, и все были прекрасны. Толпа ахнула…

И вот первые земные люди уже подходили к анильтам. Среди подошедших был синеглазый мужчина высокого роста, чьи непривычно светлые локоны аккуратно падали на плечи. Рядом с ним, по стороне, более близкой к Вельвду и Миху, шла молодая женщина. Её пышные золотистые пряди ниспадали почти до колен, оплетённые, будто сеткой, замысловатыми косами. Было видно, что к этой процессии она

готовилась, ведь в обычной жизни с такой причёской было бы очень неудобно. Глаза её были непримечательного серого цвета, но она всё равно была прекрасна. Вельвд провожал земную гостью заворожённым взглядом, забыв о том, что в рядах были и другие, не менее интересные земляне. Вдруг пришелица слегка повернула голову в сторону Вельвда, пока он так и продолжал стоять с открытым ртом. Она ему слегка улыбнулась и чуть заметно кивнула головой, будто старому приятелю. А Вельвд по-прежнему даже шевельнуться не посмел. Да что там шевельнуться, даже дышать не смел!

Вот первые ряды процессии приблизились к правителям Анильца. Первые лица этого жизнянского города стояли в длинных синих одеждах, в которые были вплетены серебристые нити, отчего ткани напоминали цвет городских стен. В целом, главные анильты ничуть не уступали землянам в эффектности образов. Вот гости и хозяева поклонились друг другу и далее последовали уже вместе, бросая взгляд на панорамные окна космопорта, на камеры, всем улыбаясь и маша руками.

Но Вельвд этого уже не замечал. Он неожиданно понял, что в эти мгновения происходит нечто, после чего художник уже не сможет видеть мир прежним взором. Он чувствовал общий восторг, который парил над космопортом. Вельвд, как и все в этот момент, был просто крошечной частью огромной души то ли толпы, то ли Человечества…

* * *

Нечто, похожее на душу, ощутило, как его коснулись тонкие, светящиеся нити мыслей и любви. Их были сотни, тысячи… Нечто ощутило, как на его теле вырастает (а, может, воплощается) новая душа, собранная из звёздной пыли. Эта новая душа, словно губка, впитывала память этого нечто, структурируя её и изучая... Соединяя со своей и образуя сознание. Своей памяти у неё было совсем немного, она ограничивалась лишь сроком человеческой жизни. Она была и своя, и чужая здесь. Постепенно эта новая душа обретала физическое тело, но оно было очень непостоянным, меняло форму, высоту и даже размер. Но за это время она успела наполниться памятью нескольких поколений людей, и её сознание расширилось. Она помнила их поступки, их мысли и чувства, их манящую тоску по небу... Одолеваемая той же тоской душа научилась проходить сквозь пространство и время, в поисках заветной причины этой тоски, но все её перемещения всегда ограничивались Измерениями лишь той планеты, на которой она выросла. И в каждом Измерении душа повторяла фразу: «Моё имя Анильц. Меня манят небеса…»

Глава 2

Рельнальд заворожённым взглядом смотрел на большой тёмно-синий самоцвет, который с трудом умещался на ладони. Самоцвет мерцал и переливался, как стены города, отчего непосвящённый человек мог бы подумать, что они сделаны из одного материала. Однако это было заблуждением. Рельнальд уже давно замечал, что самоцвет начал темнеть. Это началось незадолго до того, как Анильц объявил независимость от Старгеберльта, заодно прибрав к рукам единственный на планете космопорт и некоторые технологии по считыванию мыслей.

Никто точно уже не мог сказать, откуда взялся этот самоцвет, и кто был его первым Хранителем. Как никто так и не смог понять, как этих Хранителей выбирают. Кто-то считал, что для этого надо быть потомком основателей города. Кто-то был уверен, что для этого достаточно просто родиться в Анильце, и, если повезёт (или не повезёт), Самоцвет сам тебя выберет. Эти доводы были верны лишь отчасти. Самоцвет действительно выбирал Хранителя, который становился главой Анильца, но для этого было вовсе не обязательно быть уроженцем города и уж, тем более, быть потомком основателей. Город сам выбирал себе Правителя. Учёные умы и служители религиозных культов без конца старались вникнуть в тайну Самоцвета. Учёные подсоединяли к нему электро-

ды для считывания мыслей, шаманы танцевали вокруг него свои шумные пляски, но ничего не выходило ни у тех, ни у других. Техника перегорала и ломалась, люди сходили с ума и умирали. Никому, кроме юного Хранителя Рельнальда, не было дано постичь мысли Анильца. Но всем, кто хоть отчасти был знаком с Самоцветом, было известно, что потемнение камня – плохой знак. И дело было даже не в недовольстве властей Столицы мира. Причина была в чём-то ином, более глубоком...

Рельнальд коснулся Самоцвета и закрыл глаза. Он постарался ощутить землю под ногами, но не просто как твёрдую основу, но как хранилище Памяти. Он почувствовал, как вокруг него вьются нити истории, нити памяти и времени. Город заполнился ими. Рельнальд ощутил его душу, светящееся невесомое облако, наполненное сознанием и любовью столь великими, что человеческий разум просто не мог их вместить или осознать.

– Анильц, ты слышал всё, что сегодня сказали нам наши гости. Тебе же не всё равно. Скажи, что ты думаешь... Прошу тебя...

С гостями, прибывшими с Земли, у Рельнальда беседа была очень короткая. Руководители Миссии только и успели, что представиться и обсудить то, что уже знали. Встреча проходила в личном кабинете Рельнальда, в котором он и работал, и практически жил. Помещение было обшито дере-

вом, которое очень напоминало красное, хотя и было родом с Жизни. У стены стоял большой стол, на котором лежали пыльные электроды. Над ним висела большая картина, на которой были изображены первые постоянные поселенцы, которые выходили из космического корабля и с интересом глядели на свой новый дом: голые скалы горного хребта и хищные цветы. Картина выцвела и потрескалась, она явно нуждалась в реставрации, для которой специалистов уже днём с огнём не сыскать. Но Рельнальд всё равно любил разглядывать лица людей, изображённых на ней. Робот, похожий на «питомца», только немного крупнее, за отсутствием дел стоял в углу и с надеждой ждал приказаний. Рельнальд опасался заносить свои мысли в него, поэтому использовал старые-добрые письменные принадлежности. А информацию, поступавшую с Земли и других частей Жизни, считывали и передавали ему верные помощники. Надо сказать, что опасения Рельнальда были небезосновательны. В последнее время Старгеберльт проводил активную политику не только тотального считывания сознания, он внедрял методы контроля над ним и даже управления им. Собственно, разногласия на этой почве и привели к тому, что Анильц объявил себя самостоятельным государством. До этого, после бегства с Земли, у жизнян было лишь одна страна – сама Жизнь.

Рядом с Рельнальдом, словно тень, стоял его помощник, первый министр (хотя это было неофициальный названием

должности «тени»). Юный правитель сидел за столом, напротив которого выстроились руководители делегаций Миссии с Земли. Их было не меньше пятнадцати человек – каждый представитель своего земного государства тоже явился со своим доверенным лицом.

– Дамы и господа, давайте же приступим.

– Подождите, Астарата задерживается.

– Где она уже умудрилась задержаться?

– Эвмерк, спокойно. На Землю раньше времени не вернётся твоя двоюродная сестра.

Рельнальд ещё несколько минут слушал этот бубнёж. Он очень волновался, от волнения юный Хранитель едва дышал и очень хотел, чтобы эта встреча поскорее завершилась. Человек-тень положил руку на плечо юноши, но то едва заметил это. И вот в момент, когда тревога Рельнальда уже готова была перерасти в панику, в помещение ворвалась та самая женщина, которая часом ранее очаровала Вельвда. Присутствующие тут же расступились, пропуская её вперёд.

Рельнальд буквально подскочил с места.

– Астарата, – проговорил он, не в силах отвести изумлённый взгляд, – Вы как раз вовремя. Мы уже планировали начинать.

Женщина бросила на него удивлённый взгляд.

– Вы хотели начать без главы Миссии, Рельнальд? – вопрос был задан полуповелительным, полушутливым тоном. Среди присутствующих кто-то хохотнул, но Астарата не об-

ратила на это никакого внимания. – К вашему сведению, я явилась секунду в секунду.

Робот в углу утвердительно покачал головой, когда Рельнальд невзначай кинул на него взгляд, будто ища поддержки.

– Итак, сегодня вечером здесь собрались представители наиболее могущественных земных городов-государств пятьдесят седьмого Измерения: города кораблей Кетамбда, перламутрового города Мальцарта, города зеркал Алтаринда, города бурь Вертарда, города золотого света Канцорда, города времени и холодного света Акральтона. Я представляю город мыслей Тархгьёл.

Пока Астарата называла город и его статус, та или иная часть присутствующих выходила и слегка кланялась.

– А почему Миссию возглавляет не представитель Акральтона? – сдуру брякнул Рельнальд.

В толпе снова послышался смешок, и на этот раз не один. Но Астарата и глазом не повела:

– А с каких это пор Акральтон узурпировал власть над миром, чтобы возглавлять все Миссии землян?

– Да, простите. Это я глупость сморозил, – щёки Рельнальда горели. – Я не совсем понимаю, что значит «пятьдесят седьмого Измерения»...

– Это пространственно-временной континуум, в котором мы с вами живём. Их существует бесконечное количество, но среди тех, что нам удалось систематизировать, наш идёт под номером 57.

– Вы верите в то, что существуют какие-то Измерения, кроме нашего?

– Мы в это не верим, мы это точно знаем. Наши города существуют во многих Измерениях, и мы без труда можем путешествовать по странам и городам, которых нет в текущем мире, то бишь Измерении.

Рельнальд скептически улыбнулся, но Астарата, стоявшая с руками на поясе, снова и глазом не повела. На первый взгляд она казалась воздушным ангелом, а теперь она больше напоминала строптивого демона, который сможет медленно, но упёрто «дожать» до конца всех, кто посмеет усомниться в правдивости её слов. Казалось, она заполняла собой всё пространство, чему пространство, в принципе, не возражало. Возможно, ему это даже нравилось.

– Астарата, а среди вас есть представители этих городов, которых нет в нашем Измерении?

– Среди присутствующих здесь – нет, а среди прибывших землян есть. Но они здесь как частные лица, в основном, учёные...

– И всё же я хочу знать...

– Города огня Антроцейн и Эдант, и город боли Атдаркт, – продолжила Астарата, не дожидаясь, пока Рельнальд договорит.

– Город боли? А как...

– Давайте оставим этот разговор на завтра...

– Какой разговор? Я ещё не задал вопрос!

Из группы собравшихся послышался голос:

– Осторожнее, она слышит и читает мысли. И для этого ей не нужны эти ваши модные гаджеты.

Астарата подмигнула, Рельнальд рефлекторно сделал шаг назад. Его тревога сменилась любопытством.

– Я думаю, мы сможем всё обсудить уже в менее формальной обстановке. Но сразу скажу, что мы получили ноту протеста от Старгеберльта ещё тогда, когда связались с вашим правительством по поводу прибытия на Жизнь. Старгеберльт всё ещё считает, что такие вопросы должны решаться через него, хотя уже и не имеет никакого доступа к космопорту. Мы знаем, что, когда в Анильце произошёл переворот, старгеберльтцы были полностью выдворены, а их каналы связи с космопортом, и что немаловажно, большинство каналов связи с Землёй – отрезаны. Хотя и далеко не все. Скажу, что последнее столетие ваша планета, вернее, ваш спутник, доставлял нам немало неприятностей. Нам создавали помехи в контактах с другими мирами, перехватывали сигналы и затрудняли исследование планет, необитаемых, но богатых некоторыми видами необходимых нам ресурсов. Я уже не говорю о том, что Тархгьёл – это бывшая колония, а точнее будет сказать, огромная биолаборатория жизнян… Вернее, Старгеберльта, который там творил с нашими людьми такие вещи, от которых до сих пор кровь стынет в жилах. Поэтому события последних лет в Анильце мы восприняли очень положительно. Однако факт того, что мы

прибыли на Жизнь впервые за последние 50 лет говорит о том, что Анильц для нас значит намного больше, чем он сам думает. За период работы Миссии нам предстоит решить непростые задачи...

На Жизни, за неимением иных государств, оказать поддержку и признать независимость Анильца было некому (кроме, разумеется, самой Столицы мира, которая предсказуемо не желала терять этот статус). Поэтому подключить в дело Землю было попыткой некоторого самоутверждения для строптивого города. Но это было не единственной причиной. То был крик о помощи, ведь у анильтов существовали и резонные опасения, что Старгеберльт может попросту уничтожить Анильц. В свете передовых разработок по управлению сознанием ничто не помешает Старгеберльту заставить всех анильтов, например, разом покончить с собой.

Рельнальд касался нитей мыслей Анильца, и они звучали, словно струны. В них –жизненный опыт каждого камня в основании города. Его душа жила, дышала и даже любила. Рельнальд невольно задумался, что с ней будет, если всех жителей вдруг не станет: оскудеет она или вовсе погаснет. Мысли юного правителя тут же растеклись звенящими ручьями по Анильцу.

– Как думаешь, Старгеберльт так же скучает по небесам? Чем бы они ни являлись: Землёй или тем, что дальше… тем

что мы называем Небом с большой буквы, – услышал Рельнальд сразу отовсюду и неоткуда.

– Думаю, эта тоска его не изматывает, даже если и существует в нём…

– Нет, в нём её нет. Он был построен теми людьми, кто в борьбе за власть уничтожил свой дом… И теми, кто родился в первых колониях и никогда не видел Землю. Я же – теми, кому позволили выжить лишь потому, что властителям нового мира нужны были рабы. Их же и поселили в тогда ещё радиоактивной зоне космопорта... Нас с тобой обрекли на тоску по Земле, ведь мы чужие в собственном доме.

– Да и первые здания здесь были построены из радиоактивных материалов с Земли, – задумчиво произнёс Рельнальд, касаясь мерцающих стен города.

– И это тоже... – вздох пронёсся порывом лёгкого ветерка.

– Но земляне нам тоже не друзья. Они блюдут свои интересы. Думаю, они были бы не прочь разрушить всё, что здесь построено, включая космопорт, лишь бы им дали спокойно жить. Зачем бы им ещё понадобилось сюда прилетать? Сейчас их главная проблема – это биолаборатории Тархгьёла, которые теоретически могут быть управляемы Старгеберльтом. Наверняка, если они смогут договориться с Колдаротом, они оставят нас им на растерзание!

– Ты ошибаешься. Им доступно нечто более глубокое и значимое о Небесах и тонких мирах, нежели нам. И для получения этих знаний им не понадобились роботы или счи-

тыватели мыслей. Лишь постоянная работа над собой…

– Будь ты человеком, я бы сказал, что ты их идеализируешь. Но тебе даже сейчас ведомо намного больше, нежели мне.

– Да, я их пока идеализирую…

Разговор с Анильцом немного успокоил Рельнальда. Ему достаточно было ощутить мысли этого города у себя в голове. Но тревога всё равно была сильна. Он пронзительно сильно любил Анильц. Юному правителю был бесконечно дорог каждый миллиметр его земли и стен, каждый человек, будь он хоть героем, хоть заблудшей душой. Любой Хранитель любит свой город настолько сильно, насколько способен любить человек... даже, если не всегда осознаёт эту любовь. Он просто обречён на это…

* * *

Питомец быстро и аккуратно с помощью набора специальных лезвий чистил клубни растения, больше всего похожего на земной картофель. Вчера вечером Вельвд порядком удивил своего робота. Художник прибыл с космопорта подозрительно вдохновлённый и уже почти сутки не переставал рисовать. Хозяин Питомца давно не брал в руки перья и кисточки, в последнее время он больше сосредоточился на поделках из растений. Но вчера в нём будто настройки поменялись. Сначала Вельвд рисовал космопорт, переполненный людьми. После – космический корабль и его пассажиров. Питомец отметил, что у всех них очень интересные ли-

ца, красивые и разные. По крайней мере, на рисунках Вельвда. В репортажах, которые успел изучить Питомец, он больше искал Вельвда и его друзей, чтобы потом напугать Мявка оглушительным: «О, наших показывают!». Вельвд не обратил внимания ни на один репортаж, будь он в виде видео, фотографий или мысленны́х посылов. Ему будто программу заклинило, и вот уже который час художник рисовал в разных вариациях портрет одного и того же человека. Вернее, одной и той же женщины. Рисовал, разглядывал, переделывал, комкал, снова переделывал…

«Неужели ему совсем нечем заняться?»

На всех портретах женщина загадочно улыбалась. Но Питомец больше сосредоточился на престранной причёске пришелицы. Собственно, она и сама была явно не первой красавицей по здешним стандартам красоты. И чего это Вельвда так заклинило?

– Слушай, Вельвд, меня сейчас радугой с розовыми пони стошнит. Что это за бабень? Что это вообще происходит? Эй, Вельвд! Ты что, не слышишь меня?!

Питомец сгоряча запустил в Вельвда клубнем, который угадил тому прямо в голову. Но даже тогда художник не сразу понял, что происходит. Он удивлённо осмотрелся по сторонам, тогда как Мявк, который до этого мирно спал в углу, от испуга быстро унёсся в соседнюю комнату со звуком топота стада слонов.

За последние сутки Вельвд спал всего несколько часов.

Его глаза были красными и опухшими, но взгляд оставался предельно сосредоточенным. Питомец медленно подъехал к большому деревянному столу, который притащил вместо разбитого стеклянного. На столе были небрежно разбросаны картины:

– Что тебе не нравится? Портрет как портрет. Не хуже и не лучше остальных. Зачем ты его переделываешь?

Вельвд вздохнул.

– Понимаешь, Питомец, на этом портрете она выглядит, как обычная женщина. А там, на космодроме она была как…

– Как необычная женщина?

– Нет.

– Хм. Как необычный гуманоид?

– Да нет же!

– Как обычный гуманоид?

– Перестань уже, Питомец. Она была подобна богине!

– Тьфу ты!

– Ну, давай уже старую песню про «ваши времена».

– Чего? А, ну да. Вот в наши времена её за такое колдовство сожгли бы на костре. Посмотри на себя, ведёшь себя, как мальчишка. А между тем, ты взрослый мужик.

– Ты мне теперь читаешь нотации?

– У тебя есть кот и я. Рисуй меня! Почему ты не рисуешь меня?

– Занимайся лучше готовкой. Мих с Драндрой скоро придут.

– Конечно, конечно. Вы немного посидите и пойдёте развлекаться… Куда вы там пойдёте? В бар? Вот в наши времена по барам не шлялись. А знаешь, почему?

– Потому что баров не было в описываемые тобой времена?

– Эээ… В общем-то да… Это было скучно, – а потом Питомец подумал и добавил. – Возьми меня с собой.

Вельвд прямо на стуле подпрыгнул.

– Что?

– Ну, чего тебе стоит?

– Да, в общем-то, ничего. Но что ты там будешь делать?

– Как это «что»? Как обычно, я буду жужжать тебе над ухом.

– Ладно. По крайней мере это похоже на правду. Лучше уж так, чем ты потом, как обычно, явишься в самый неудобный и неподходящий момент.

– Да когда такое было?

– Питомец, иди работай!

– Иду, иду. Но вот в наше время питомцев не заставляли работать…

Вельвд вышел из кухни в комнату. Он бросил взгляд на большое окно, что было от пола до потолка. Художник смотрел, как стройные ряды зданий залили краски зелёного заката. Сегодня они почему-то были особенно яркими, особенно зелёными. Отблески зарева упали на пол и стены. Большой

Сосед становился ярче. Некоторыми ночами от него бывало не заснуть. Но Вельвду вдруг спать захотелось сильнее всего на свете, он присел на кровать, усталость сморила его, как и творческие потуги. На короткое мгновение, когда Вельвд закрыл глаза, в череде гипногогических образов он увидел, как летит по коридору и распадается на мириады искр.

Когда Вельвд проснулся, на улице совсем стемнело. Если, конечно, можно назвать стемневшим небо, которое залил холодный отражённый свет Большого Соседа. Пусть даже эта огромная необитаемая планета уже и зашла частично за горизонт. Через приоткрытую дверь кухни доносились звуки разговора. Свет, лившийся через дверную щёлку, сливался со светом заходившей планеты спутника Жизнь. Вельвд сел на кровати, потёр лицо. Спать хотелось меньше, но всё же хотелось. Мявк пристроился рядом с ним и дрых без задних лап, свернувшись клубочком. Но на попытки его погладить стал слегка подёргивать кончиком хвоста.

Голоса на кухне напоминали голоса Миха, Драндры и Питомца. По всей видимости, друзья Вельвда пришли, когда он закемарил, и решили его не будить. Спор на кухне, похоже, получался ожесточённым. Он касался того, сможет ли искусственный интеллект захватить мир и поработить человечество. Ничего себе Питомца занесло!

– Нет, послушай, Мих. У всего должна быть причина и цель. Искусственный интеллект неплохо справляется с бытовыми задачами, с вопросами проектирования и обслужива-

ния и даже с решением некоторых сложных задач. Но он всё ещё ничего не изобрёл сам, не разработал с нуля и не довёл до логического конца без вмешательства человека.

– Это только начало, скоро он и это сможет сделать.

– Да, только зачем? Он же чётко просчитает, зачем ему это нужно.

Питомец оборачивался то к Миху, то к Драндре, не успевая вставить слово. Но вот он сорвался:

– Дайте же мне сказать! О, привет, Вельвд. То, о чём ты говоришь, Драндра, просто дискриминация по технолого-биологическом признаку. Нам тоже приходится учиться. Да, наши методы учёбы другие, но они существуют и применяются.

– Какие там методы? Флешку с нужной информацией вставить или подключиться к вискам нужного человека?

– Вот. Нам знания даются даже проще, и мы даже постепенно учимся их применять. Возможно не я, но новые поколения роботов уже не будут знать этой дискриминации, и мы сможем работать на нас самих, нисколько не теряя в прогрессе. Возможно, сможем даже вас поработить, и уже вы будете нам прислуживать! Вот! – Питомец гордо задрал монитор и поднял вверх одну из своих шарнирных «рук».

Все замерли в недоумении, ничего не отвечая. Питомец, на случай, если его жест вдруг не заметили или не поняли, подумал, и ещё сильнее задрал монитор и выше поднял руку.

– Хорошо, Питомец, – наконец сказала Драндра. – Допу-

стим, твои мечты осуществились, и люди, повторяю, ЛЮДИ, изобрели робота нового поколения, столь совершенного, что он и его, так сказать, коллеги всё-таки поработили человечество и заставили человека заниматься, ну, например, примитивным бытом. Сами-то вы чем займётесь в освободившееся время? У вас нет столь безграничной тяги к наслаждениям, как у нас. И у вас нет потребности удовлетворять её через творчество, танцы, игры или… чувственные наслаждения. Эволюция, кстати, в привычном нам виде тоже не работает с вами. Вы сможете только собирать абсолютно себеподобных, может, лишь с небольшими изменениями, которые вы будете способны придумать...

– Драндра, мне кажется, эволюция примерно так и работает, – вмешался Вельвд.

– Это будете делать вы, а не мы! – возразил Питомец.

– Мы не будем это делать. Нам, наоборот, будет выгодно делать бракованные экземпляры, – ответил Мих.

– На это счёт у эволюции тоже есть сказать, – пробубнил Вельвд.

– Вы не сможете это делать. К тому времени мы полностью будем управлять вашим сознанием.

– Питомец, у тебя, случайно, старгеберльтцев в родичах нет? – спросил Вельвд. – У них тоже навязчивые идеи по управлению сознанием проскальзывали. Причём, управлению через вас. Вы должны были стать посредниками: что в вас вложат, пока будут учить, то вы и будете делать. Но н са-

мом аппарате управления всё равно люди находятся, – потом подумал и добавил:

– Надеюсь...

– Ага! – обрадовался Питомец. – Наши уже в Старгеберльте!

– Хватит тебе. Ты же не всерьёз? – вмешался Мих.

– А вот и думай теперь.

К приходу гостей робот предусмотрительно сгрёб в охапку и спрятал в шкаф написанные Вельвдом за минувшие сутки картины. Сейчас работы такого качества могут и состояние стоить, зачем добром разбрасываться и показывать посторонним. Драндра и Мих сидели на противоположных концах небольшого обеденного и одновременно рабочего стола. Питомец им прислуживал и угощал своей стряпнёй.

– Вельвд, а ты не будешь ничего? Вам, биологическим существам, надо больше всякого разного для поддержания жизни, нежели нам.

– Хватит ёрничать, – ответил Вельвд, присаживаясь за стол.

– Слушайте, ну нас Питомец и укормил. Говорят, в старину это называли «инстинктом бабушки» – закормить гостя насмерть, – смеялась Драндра, разглаживая красивое светло-зелёное платье.

В честь прибытия гостей власти Анильца продлили выходные и объявили их праздничными. Многие, воспользо-

вавшись внеочередным коротким отпуском, направились за город, а кто-то решил посетить небольшие концерты в заведениях, несколько напоминавшие наши ночные клубы. Только более цивилизованные, где, так сказать, все наслаждения были в меру. И эта мера ненавязчиво контролировалась, чтобы чрезмерные развлечения не довели до непотребств и насилия.

– Да уж. Я теперь еле дышу. И почему мысленны́е считыватели не контролируют, чтобы мы не объедались до такого состояния? – возмущался Мих, поправляя свой бордовый костюм, в котором, как ему казалось, он теперь еле помещался.

– Ну, я не слышал, чтобы кто-то от обжорства устроил сытую драку. А вот, чтобы кто-то нажравшийся устраивал пьяные разборки – когда-то подчистую бывало. И запретить же совсем пробовали увеселительные заведения, но всё ушло в подполье. А в подполье контролировать ещё сложнее...– рассуждал Вельвд, рядом с которым плёлся Питомец, который то и дело пытался что-то счистить с его чёрной одежды.

Кстати сам Питомец тоже принарядился. Он накрасился. Причём красками Вельвда. Ведь в былые времена сильно накрашенные люди считались чем-то красивым. А ещё, говорят, это злых духов отпугивало.

По улицам праздно шатались толпы людей. Кто-то пел, кто-то танцевал, а кто-то эмоционально о чём-то беседовал. Похоже, в этих толпах затесались земляне. Интересно, а ак-

ральтонцы тоже среди них?

Вельвд стал усиленно вглядываться в лица. Почему-то ему казалось, что та загадочная гостья с Земли – из Акральтона. Хотя, даже если и не так... Вот хотя бы краем глаза снова её увидеть!

Большой Сосед уже спрятался за горизонт, и небо снова стало очень звёздным.

– Эй, Вельвд, ты чего? Мы пришили уже. Пойдём, места займём.

* * *

Астарата с интересом рассматривала блок, в котором поселили делегации из Акральтона и Тархгьёла. Строго говоря, сама Астарата уже несколько лет была больше из Акральтона, чем из Тархгьёла. Пришелица посчитала количество комнат в блоке, заглянула в шкафы, оценила мягкость кроватей и диванов, понажимала кнопки на странной технике, пока её брат Эвмерк разыскивал инструкцию к этим странным роботам, которые были здесь повсеместно. Остальные люди из делегаций ещё не подошли, поэтому брат и сестра были здесь одни.

– Да не ищи ты её, Эвмерк. Так разберёмся!

– Конечно, Астарата, наш старый принцип – не читать инструкцию до тех пор, пока не бахнет. Сейчас спрошу у наших…

– Мы же как-то долетели до Жизни, хотя умудрились забыть на Земле несколько больших томов с описанием кораб-

ля.

– Да это вообще катастрофа! Как мы могли умудриться их забыть… Что за головотяпство! А я ещё несколько раз проверил, чтобы они были на месте…

– И что? Все сведения были занесены в систему, даже в несколько независимых систем…

Потом она добавила:

– Это я их выложила!

– Что? Я же специально...

– Ты параноик. Эти тома нам были совершенно ни к чему! И вообще, Хранитель Акральтона назначил меня главной. Поэтому – слушайся.

– Ага, счас!

Эвмерк достал привезённые с Земли подушки. Он почему-то не был уверен, что на Жизни окажется нечто подобное. Вообще, он был крайне ответственным, прямо перебарщивал с этой ответственностью. Всегда всё перепроверял по десять раз одно и тоже. Даже сейчас, доставая подушки, ещё раз рефлекторно их пересчитал. Только ведь в этот момент достал он их не для того, чтобы пересчитать или даже воспользоваться по прямому назначению. Бросив подушку сестре в голову, он занял боевую позицию и крикнул:

– Защищайся, женщина!

– Что? Опять? Ты прямо, как ребёнок! – приговаривала Астарата, пока её подушка не уступала в этой неравной схватке.

– Ничего! И взрослые люди могут подурачиться!

– Ха-ха-ха! Представь, что о нас подумают анильты, если увидят!

– Ну, а что? У всех свои методы выпустить пар.

– Я победила! Сдавайся! Твоей подушке – кранты.

Рельнальд замер в дверях с раскрытым ртом. Он просто не знал, как реагировать, ведь никто уже точно не мог сказать, какие традиции сейчас на Земле. Может, это одна из них.

Эвмерк замер, когда заметил юного Хранителя Анильца.

– Эээ... Это такая разновидность медитации, – начал выкручиваться он.

– А вас не учат стучать в дверь? – возмутилась Астарата. – Мы сейчас проводили важный эксперимент, раскрывали чакры новым способом. Видите, даже специальные приспособления с Земли привезли...

Астарата немного приподняла «приспособление».

– Но это же просто подушки! – вырвалось у Рельнальда.

– Ээ, нет, – возразил Эвмерк. – Это специальные подушки. Ортопедические... эээ... для медитации.

– Ну, ладно... Как закончите… медитацию, мы ждём вас в общем зале. Я, кстати, пообщался с вашими коллегами из города огня Антроцейна.

– И как они вам? – спросила Астарата.

«– Да такие же чудаковатые неадекваты, как и вы, видимо», – подумал Рельнальд, но поздно вспомнил, что Астарата умеет читать мысли. И судя по скользнувшей по её лицу

улыбке, она уже всё прочла. Но при этом продолжила молчать, выжидая ответа вслух:

– Они весёлые, в смысле... В смысле, с чувством юмора. Но и вспыльчивые, в общем... – Рельнальд что-то мямлил, пока его не прервал Эвмерк:

– Это грани проявления пламени в нашем мире: игривый огонёк, искренность и вспыльчивость... Мы скоро спустимся.

Рельнальд, кажется, был рад, что его монолог прервали. Он быстро закрыл дверь и тут же услышал, как за ней раздался звонкий смех.

«– Что же? С другой стороны, у этих людей есть чувство юмора. Сонадн всегда говорит, что люди с юмором редко бывают глупы. Но посмотрим...»

Астарата и Эвмерк вместе с остальными землянами вышли из блока в просторный коридор. Высокие стены и потолок были покрыты тёмно-коричневой краской, на полу лежала дорожка с нарядными контрастными орнаментами. С обеих сторон были протянуты широкие и светлые плинтуса. Они контрастировали со стенами и выглядели весьма элегантно. А ещё были украшены резьбой, которая неплохо имитировала ручную. Но если она и была выполнена руками, то явно не руками человека. Уже на вторые сутки пребывания в Анильце земляне научились чувствовать такие вещи… Всё здесь было слишком технологичным. Да, пусть анильты и другие жизняне научились общаться с миром духов, они не

изменили своим привычкам из старого мира. Здесь даже душу описали математическими формулами! Пусть не до конца, пусть неправильно, перепутав её, многомерную и бесконечную, с тонкими телами… Ну, не могли они остановиться на простом созерцании! Материалисты до мозга костей!

– Нас ждёт встреча с представителями Старгеберльта, Эвмерк. Думаю, они не оставят нас в покое, – сказала Астарата, пока делегации двигались по коридору.

– Конечно, они желают заполучить свою земную колонию обратно, – послышалось позади. Человек, сказавший это, был смугл. Взгляд его был грозен. Этот мужчина был членом делегации из Мальцарта, и как положено истинному мальцартцу, он всегда выглядел нахмуренным и даже немного злым. Люди его боялись.

– Они её не получат, Кмонц. Но, думаю, сейчас они больше хотят заполучить обратно власть над Анильцом и космопортом, – рассуждал Эвмерк. – Астарата, они озвучили повестку этого собрания?

– Только в общих чертах. Их возмущает, что мы вмешиваемся во внутренние дела Жизни и что отобрали их лаборатории на Земле. Очевидно, свои действия на Земле они не рассматривают как факт прямого вмешательства в наши внутренние дела.

– Или в их разуме всё настолько вывернуто наизнанку, что они думают, что имеют право на это. Они имеют, а мы – нет, – послышался уже другой голос позади. На этот раз гово-

рил вертардец Мизондад. В контраст смуглому мальтцартцу, этот мужчина был очень, почти болезненно бледен. Его слова звучали с небольшим акцентом.

Коридор заворачивал в сторону, где находилась невысокая лестница. Иногда земляне встречали по пути небольших роботов, которые подкрашивали стены и озирались на делегации, словно любопытные зверьки.

– Жажда власти и обладания давно затмила разум их верхушке. Они совершенно очевидно поверили в то, что им дозволено большее, чем остальным. Настолько поверили в это, что стали нас убеждать в том, что у них есть доказательства, что мы подделали отчёты о том, как они перехватывали наши сигналы. Только не знаю, кому они планируют предъявлять эти доказательства, если всё Человечество фактически разделилось всего на два Государства.

– Как знать, Астарата? У нас тоже хватает оппозиционеров. К тому же, после Войны на просторы Космоса улетел не один корабль с людьми и даже не два. Возможно, кто-то и нашёл пристанище… Может, пока Жизнь перехватывала наши сигналы, она и наладила с кем-то контакты. Мы же смогли это сделать…

– Тише ты, Эвмерк, – прервала Астарата, а потом тихо продолжила. – Даже если так, это пока не те контакты, которые могли бы быть использованы, как реальные рычаги. В силу многих причин…

Пока продолжался диалог, земляне успели подойти к мас-

сивным деревянным дверям высотой в несколько человеческих ростов. Резьба на створках выглядела, так сказать, натуральной, но немного поистрепавшейся: где-то фрагменты затёрлись, где-то откололись. Двери явно были привезены с Земли ещё в стародавние времена.

– Ничего себе – врата!

Через несколько мгновений делегации вошли в просторный зал с огромным овальным столом, который занимал большую часть помещения. Зачем такой огромный стол был когда-то сделан и как его обслуживать, если на него понадобится что-то поставить или сложить, было непонятно. Только если этим не занимались дроны. В зале не просто не доставало света, в нём было откровенно темно. И дело было не только в приближении ночи, но ещё и в том, что там не было окон. У землян было ощущение, что их привели в какой-то просторный подвал.

Большая часть приглашённых людей уже была в сборе. Астарата и Эвмерк быстро уселись на свои места. Эвмерк стал вглядываться в лица, стараясь считать по их выражениям общий настрой. Он заметил, что среди своих, то есть землян, ещё продолжалась некоторая расхлябанность. Оно было и понятно, кроме усталости от долгой дороги, их мучила акклиматизация, смена длительности суток, магнитных полей и множества таких вещей, о которых вряд ли задумаешься, если будешь перемещаться в пределах одной планеты. Многие ещё толком и не поняли, что от них конкретно требует-

ся. Собственно, этого ещё никто не понял. Анильты сидели в задумчивости, они были настроены на битву: предел долгого терпения пройден, и теперь они будут стоять на своём даже в том случае, если это будет стоить им не только собственных жизней, но и жизни самого Анильца.

В элегантных чёрных одеждах с надменным видом сидели старгеберльтцы. Они были чрезвычайно уверенны в себе, они были хозяевами обеих планет, хозяевами всего Человечества. Они знали всё, чего не знали остальные. Без их ведома нельзя было и шага ступить, слова сказать. Эта самоуверенность была настолько твёрдой, что даже земляне засомневались в своей независимости от жизнян. Воля и самоуверенность Старгеберльта создавала иллюзию, будто это он собрал сейчас всех вместе в этом помещении, в этом подобии подвала. Причём эта иллюзия возникла у всех. Анильты, несмотря на свой изначальный настрой, постепенно потупили взоры, будто провинившиеся дети перед деспотичными родителями. А у представителей всех городов Земли, кто присутствовал на собрании, возникли сомнения в правильности их выбора, когда они поддержали Анильц.

Такая уверенность в себе восхитила Эвмерка. Ему как-то вдруг стали понятнее события прошлого, которые он изучал в школе на истории. Но ведь такая уверенность всё равно должна чем-то подкрепляться? Космопорта у старгеберльтцев уже нет, а новый они так и не достроили. Значит, у них есть нечто, что сможет его вернуть, оружие или просто пред-

ложение, от которого невозможно отказаться.

Эвмерк был умён и внимателен. А ещё он был сыном Хранителя Акральтона, ему были доступны знания и умения, которые даже для просветлённых землян оставались недосягаемыми. И дело было не в статусе Эвмерка, а лишь в том, насколько хорошо он научился работать со своим сознанием. Вроде бы такая похожая работа, какая была и в Анильце, да только ни у кого на Земле даже мысли не возникло, чтобы работать с сознанием и подсознанием с помощью чего-то, кроме собственной воли.

Астарата не уступала двоюродному брату, но область её умений была несколько иной. Пока они находились в зале, она почувствовала какие-то мысленны́е помехи. Тархгьёлка знала, что представляют из себя мысли людей, знала откуда они приходят и где хранятся. Она слышала мысли всего живого, мысли городов и цивилизаций, даже мысли планет. Не все эти мысли существовали в доступном для человеческого понимания виде, многие напоминали шум, другие – музыку, иные были громче всякой тишины. Она купалась в этом мысленно́м море. В Анильце она услышала мысли роботов, и, в принципе, не особо удивилась им. Искусственный интеллект существовал и на Земле. Она удивилась наличию считывателей мыслей в Анильце, и её даже кольнула какая-то обида, что такой талант можно вот так просто воплотить в технологиях. Но тщательнее прислушавшись к ним Астарата поняла, что те не обладали и тысячной долей той чувствительно-

сти, чтобы «слышать» хотя бы мысли Анильца. Да и не справились бы искусственные считыватели с такой нагрузкой – просто перегорели бы. Однако сейчас в этом зале было нечто ещё незнакомое, странное, но уже пугающее. Астарате показалось, что это нечто пыталось проникнуть в её сознание, подделать его. Но, похоже, что никто больше не замечал никаких странностей, которые заметила племянница Хранителя Акральтона.

Наконец, когда шум немного затих, Рельнальд встал и поприветствовал собравшихся. К каждой делегации он обратился отдельно, никого при этом не выделяя, поэтому Старгеберльт прозвучал в общем списке так, будто он тоже был земным. Его представители тут же не преминули оскорбиться:

– Рельнальд, – выступил один из них, вставая с места. – Вы нарушили все нормы субординации. Ваша независимость ещё никем не признана. Официально встреча проходит на нашей территории. Мы – хозяева. Только *мы* имели право начать это совещание, принимать запросы с Земли и встречать её обитателей.

Старгеберльтец, его звали Герлонс, стал расхаживать вокруг собравшихся, выговаривая фразы громко и обрывочно. Каждое словосочетание, произнесённое им, казалось отдельным предложением. Он вёл себя, словно учитель, который пытался поучать отбившихся от рук глупых школьников.

– У любого государства должен быть лидер, авторитет ко-

торого не должен подлежать сомнению. Наш прошлый мир был раздроблен на загоны, в каждом из которых был свой местный царёк. В каждом загоне были свои порядки и законы, которые приводили к бесконечным столкновениям. В этих загонах творились немыслимые жестокости, которые невозможно было пресечь, ведь мир уважал суверенитет этих загонов. Люди не могли свободно перемещаться по собственной планете, им надо было разрешение на посещение соседнего загона. Вспомните, к чему это привело! Наша нация решила объединить всех под мудрым управлением единого властелина, чтобы не было больше границ и разногласий, а эти тупые загонщики отравили атомным оружием собственный мир! Со времён Войны прошло много лет, прежде мы построили тот мир, о котором мечтали наши мудрые предки. Но вот теперь, – Герлонс показал пальцем в сторону Рельнальда, – Анильц считает, что он умнее Столицы мира и желает снова создать самостоятельный загон, чтобы опять вернуть старые разногласия и войны!

Рельнальд был красным от гнева. Так выворачивать наизнанку то, что когда-то было правдой, умел только Старгеберльт. Рядом с Рельнальдом сидел его помощник, по-прежнему, словно тень. Он не менее внимательно изучал обстановку, нежели это делали земляне. Хотя временами казалось, что за самим Рельнальдом он следит более внимательно, чем за всеми остальными. Юный правитель Анильца резко поднялся с места и подошёл к Герлонсу:

– Может, поменяешь очерёдность своих фраз, а заодно и некоторые слова? – он произнёс свои слова тихо, но в голосе был слышен сдерживаемый гнев. – Ваша нация решила не объединить всех под мудрым управлением, она решила подчинить всех под тем управлением, которое считали верным только вы! И только не применительно для самих себя. Давай вспомним о периодических зачистках в Анильце… Вы считаете, что можете за других решать, как им правильнее жить. Вы думаете, что можете контролировать сознание людей…А дальше можешь уже говорить: «Вспомните, к чему это привело!» Это вы разрушили старый мир, а не «тупые загонщики». Вы знали, куда вы сбежите, кого заставите умереть, а кого оставите себе в рабы. Вы думаете, что сможете держать всех в вечном страхе? Нет, невозможно вечно жить в страхе. Та система, которая позволяла вам удерживать власть, была разрушена Войной. Нет больше ни фондов, ни заложников, ни других рычагов управления. В новом мире мы все равны!

– Глупец! Неужели ты думаешь, что людской массе не нужны контроль и управление?

– Нужны. И контроль, и управление, – вдруг прозвучало за спиной Рельнальда. Правитель Анильца даже вздрогнул от неожиданности, однако послушно позволил голосу за спиной продолжить говорить. –Нужны, но лишь для того, чтобы направлять, но не ломать сознание. Заковать всех людей в кандалы, пусть даже и ментальные, не равно избавиться от всех преступлений разом. Даже мир духов не смеет вмеши-

ваться в свободу нашего выбора и нашей воли, – закончил помощник Рельнальда. В глазах всех остальных, кроме юного Хранителя, он это сделал ненавязчиво, словно в помощь юному неопытному правителю.

– Какая наивность! Анильц только и может…

Но Герлонсу не суждено было закончить фразу. Его перебила Астарата. Сотни глаз, которые с любопытством наблюдали за спорящими мужчинами, вдруг обратились на неё:

– Верные ты слова говоришь, Герлонс. Про загоны, чудовищные разногласия, немыслимые жестокости и невозможность свободно перемещаться по собственному миру без разрешения. Да только нет ничего более туманящего взор, чем правда, которую смешали с ложью. Нет ничего страшнее подменённых понятий. Вам были выгодны разногласия, пока ваши потенциальные рабы грызлись между собой, а вы на этих разногласиях успешно зарабатывали. Но когда предел разногласий был достигнут, а ваши потенциальные рабы так же предельно устали, вы решили предложить им новый мировой порядок. Вы так давно к нему шли, что даже удовлетворения не получили, ведь вам всего было мало. А «рабы» снова и снова набирались сил и поднимали головы. Они не могли принять тот образ жизни, который вы им навязывали, но которым сами не жили. Да и как вы бы им жили? Вы играли на слабостях, вы распаляли всё самое убогое, что могли только откопать в разных народах. Распаляли, а после приходили их учить уму-разуму. Вы всегда действовали по-

чти незаметно, управляя деньгами и потребностями. Вы так увлеклись своей игрой в провокации и войны, что сами не заметили, когда ситуация вышла из-под контроля, и вы попали в собственную ловушку. Кого бы вы ни назначили виноватыми, вы всегда знали, что Война стала естественным следствием вашей неумелой власти над миром, в которой вы не учли самого главного – все люди разные. Вернее, вы это учитывали, когда выбирали, на каких слабостях играть с тем или иным народом. Но вы не учли: что сработает с одними – станет вашей погибелью с другими. А люди – всегда всего лишь люди. Они не учатся на ошибках…

Некто сидел в тёмном помещении и смотрел на странные графики на экране. Этот экран был единственным источником света, а человек был весь обвешан электродами. Он был сосредоточен, словно пытался услышать что-то тихое, произносимое в шумном пространстве. Его руки дрожали, иногда всё тело извивалось в конвульсиях, но человек не отводил взгляд от монитора. Графики отражались в его чёрных глазах, он был словно загипнотизирован ими и продолжал «вслушиваться»…

Герлонс слушал Астарату, прожигая её взглядом. Она стояла неподвижно и говорила тихо (по крайней мере, тише Герлонса), но её голос всё равно проник в самые укромные уголки этого большого помещения.

– Какой пафос! Но нет. Люди учатся. Мы учимся и не повторим прошлых ошибок. Мы не претендуем на свободу выбора анильтов, они вольны решать сами, но в едином Государстве планеты-спутника Жизнь! Если есть разногласия, мы их с удовольствием выслушаем…

– … Вы только и делаете, что с *удовольствием* слушаете, но ничего не делаете. Вы говорите, что не претендуете на свободу воли, но создаёте оружие для управления сознанием.

На последней фразе Рельнальда Астарата встрепенулась. Так вот в чём дело! Нечто незнакомое и странное, что создавало непонятные мысленны́е помехи могло быть чем-то сродни такому оружию. Просто оно либо ещё не было применено в полной мере, либо тут была какая-то его лёгкая версия.

Но и Герлонс явно умел заговорить зубы. При гостях с Земли он уже рассказал о последствиях разногласий и высказал готовность выслушать претензии. При этом он оставил за бортом неудобную правду. И не только ту, которую озвучила Астарата, но и ту, о которой пока что знали только жизняне. Но о которой уже вскользь упомянул Хранитель.

Конечно, сейчас анильты и старгеберльтцы могут о чём-то договориться, но в лучшую сторону ничего изменится. Анильцу, даже если бы он, в порядке бреда, и согласился снова примкнуть к Старгеберльту, уже никогда не простят его строптивого порыва.

Астарата слушала мысли и делала свои выводы:

«– Хм, в порядке бреда или под влиянием давления этой штуки по управлению сознания? Даже наши земляне поверили в искренность Герлонса…»

Похоже, действие «оружия» стало усиливаться, было необходимо что-то предпринять.

Глава Мисси поднялась с места и так же негромко, но очень слышно произнесла:

– Наш беседа неконструктивна. Я отказываюсь принимать участие в этом фарсе! – она встала и удалилась из зала. Её слова и речи подействовали словно гипноз, и вслед за ней удалилась не только большая часть землян, но ещё и часть анильтов. Рельнальд и его помощник едва успел удержать тех, кто сидел рядом с ними. Хотя мгновением назад юный правитель и сам чуть было не собрался уйти.

А уходили все величаво, с ровными спинами и гордо поднятыми головами.

Человек в тёмном помещении увидел, как графики резко показали сбой. Он отсоединил от себя многочисленные электроды и подошёл к небольшому устройству, висевшему на стене. Человек нажал на кнопку и сказал:

– Мне срочно требуется больше сведений о главе Миссии Астарате и обо всех людях, кто с ней прибыл. Если там есть родственники и близкие друзья, кем они являются у себя на Земле, какое у них образование, что они умеют, какие у них

сильные и слабые стороны – всё, что только можно будет найти… Что?.. Вы говорите, что давно мне всё сообщили? Нет, не всё. Ищите, взламывайте перехваченные сигналы, делайте всё, но узнайте, кто они такие.

– Сестра, что ты творишь? – поспешно спросил Эвмерк, когда они вышли в коридор.

– Они пытаются заставить нас всех играть по их правилам. Достаточно!

– Но это же политика! Нельзя так делать!

Астарата резко остановилась и повернулась к брату:

– Как? Мы бы всё равно ни до чего не договорились. Но есть ещё кое-что, я скажу, когда мы вернёмся к себе в блок.

* * *

Мих и Драндра уже изрядно повеселели и сейчас танцевали медленный танец посреди стихшего на некоторое время зала. Огоньки считывателей мыслей и эмоций мигали, но о потенциальной опасности не предупреждали. В остальном заведение напоминало ночной клуб, только для людей несколько более аскетичных, чем среднестатистический человек знакомого нам мира.

Четверть часа назад Питомец, залезший на барную стойку, требовал прекратить технолого-биологическую дискриминацию и признать роботов полноценными гражданами. Он рассказал обо всех своих прошлых воплощениях, какие только смог вспомнить и придумать: и как он жил в теле

хищного кактуса и охотился на анильтов, и как он был котом и люди были его рабами, и как он на Земле разводил страусов, и даже как он всё на той же пресловутой Земле в прошлой жизни обнаружил новое Измерение, куда направился в теле рептилоида, чтобы наблюдать за тем, как местные люди, называвшие свою эпоху двадцать первым веком, отрицают его существование.

Посетители заведения хохотали до слёз. Какая-то шальная мысль, проскочившая в чью-то голову, проговорила в ней выразительным басом: «А вдруг это всё правда?! Какой кошмар!» Голова, принявшая эту мысль, вдруг перестала хохотать и испуганно посмотрела на Питомца. Но уже через мгновение улыбка вернулась к ней: «Да нет, ну какие страусы? Это птицы из старых легенд, они никогда не существовали... И какие люди двадцать первого века в другом Измерении? Человечество намного древнее и вряд ли стало бы пользоваться летоисчислением, которое не охватывает и четверти его истории... Про кота верю».

После того, как медленный танец завершился, Питомец запел старую песню. Только на этот раз он решил предложить свою предвыборную программу. Ну, если бы он участвовал в выборах.

Вельвду это всё порядком надоело. Он ушёл гулять по городу, оставив Питомца со своими друзьями. Художник не мог выбросить из головы, что где-то на улицах Анильца сейчас не прекращаются шаманские пляски, которые, к слову,

теперь больше напоминали истерику. Люди отчаянно желали знать, что с ними будет. Но они заблуждались в том, что духи подскажут им будущее или хотя бы покажут дорогу, по которой эти люди идут. Интересно, а как во всё этом чувствуют себя земляне? Ведь там ещё сохранились древние религии, которые часто считали неприемлемым такие обряды, а иногда, наоборот, состояли из них…

Эвмерк шёл мимо танцевавших будто по вате. Он был расстроен. Землянин знал, что люди ничему не учатся, но не ожидал, что до такой степени. Во все времена, что бы человек ни изобретал, он тут же смотрел, как это можно применить в войне. Так уж получилось.

Даже у просветлённых акральтонцев нет-нет да проскальзывали такие мысли, когда они шли по стезе изобретений и открытий. Мысли-то проскальзывали, но, если бы кто-то решился озвучить их вслух и всерьёз, этого человека немедленно отправили бы на психиатрическое освидетельствование.

Контроль и управление человеческой толпой… Каждый человек по-отдельности – уникальная личность, целый необъятный мир. Но в совокупности люди образуют стихийную массу, которая бог весть что натворит, если ею не управлять. Да и не могут все по-отдельности в полной мере не зависеть от остальных. Большинству это даже и не надо. Большинству нужна лишь иллюзия свободы. Так уж вышло, что

человек – существо стайное. А в стае всегда есть лидер, который ведёт либо авторитетом, либо хитростью, либо страхом, либо всем сразу…

Лидеры прошлого придумали религии, написали законы, создали идеологии… и передали всё это в будущее. А потомки находили новых лидеров, которые интерпретировали на свой лад религии, меняли законы и перестраивали идеологии в постоянно менявшемся мире. Временами казалось, что закон довлеет над правителями, но на самом деле это всегда было лишь иллюзией, или того хуже – средством замедления прогресса и перемен. Особенно, когда дело касалось религии, ведь её законы самые живучие (по крайней мере кажутся таковыми).

У истоков каждой религии были свои причины, основанные не только на необходимости управлять людьми, но и на попытках объяснить неизученный мир дабы нести это объяснение в массы. Люди верили. Более того, человеческая потребность в вере оказалась едва ли не сильнее, чем потребность в наслаждении или безопасности. Верили и новые лидеры (они же тоже в первую очередь – люди), и даже несмотря на перемены в мире, они оказывались управляемы правителями пришлых эпох, даже не замечая этого… Преемственность поколений сыграла в этом злую шутку. Прошлое управляло настоящим, наказывая сомневающихся, но не в силах удержать их в узде.

Никто уже не знал, почему нужно было поступать так, а не иначе, но всё равно поступали, потому что так было принято. Вот землянин Эвмерк был глубоко убеждён, что когда-то религия и наука имели единое начало, они и контролировали людей, и объясняли процессы, происходившие в природе, объясняли необходимость определённых действий. Но люди жадны до нового, они отыскали новые объяснения природных процессов, они усомнились в необходимости определённых действий. Но религия консервативна, наука не смогла преодолеть старые устои и откололась от старых религий. И вот, в Анильце люди пришли к тому, с чего начинали – наука и религия в одном флаконе. Да, новая религия, да и наука новая, но не противоречащие друг другу. К слову, в земных городах к этому пришли ещё раньше, хотя и ненамного.

Всего-то и надо было разрушить до основания старый мир…

«– Нет, чего это я? Если бы мы просто разрушили старое, нам пришлось бы начинать с нуля, с пещерных людей. Должны сохраниться хотя бы знания. А к знаниям неплохо бы приплюсовать и опыт того, почему здание старого мира оказалось настолько некачественным, что его проще было разрушить (или дать ему рухнуть самому) и отстроить заново, нежели латать аварийные трещины. И основываясь на этом опыте строить принципиально новый мир, без старых ошибок, чтобы снова не пришлось латать трещины. Только и рушить это здание можно по-разному, и строить новое – то-

же. Собственно, всю историю Человечества примерно это и происходит… Вроде бы и учатся на старых ошибках, но совершают новые. Пока научились на новых, забыли старые… так и живут, двигаясь по этому замкнутому кругу… Эх, что-то у меня от этой математики мозг уже плавится… О, что это?»

Эвмерк бросил взгляд на красиво переливавшуюся вывеску с названием заведения, над входом в которое она висела. Рядом со входом стояли хохотавшие люди. Выглядело так, будто они вышли на улицу, чтобы просмеяться и отдышаться. Изнутри доносился какой-то механический, но при этом чрезвычайно увлечённый голос. Кому бы или чему бы он ни принадлежал, ему явно нравилось находиться в центре внимания. Эвмерк рискнул заглянуть внутрь.

* * *

Города нового мира были небольшими, ведь и людей осталось немного, чтобы их заселить. А Анильц, ввиду высотной застройки, занимал и вовсе совсем небольшую площадь. Вельвд обошёл уже треть города, желая отыскать место, где было бы тихо, где можно было бы просто посмотреть на звёзды, оставшись наедине с собой. Но последние несколько суток гам стоял и ночью, и днём. И вроде бы как-то приятно шумно, но всё равно хотелось уединения. Вельвд понятия не имел, каким шумом были переполнены мегаполисы и города древних. Если бы художник только увидел один простой будний день там, Анильц показался бы ему полупустым и

тихим даже в самый пышный праздник…

Вельвд подошёл к небольшой площадке, где люди только-только начали танцевать, и танец их напоминал отрепетированное выступление. Рядом расположились музыканты, игравшие на смеси электронных и акустических струнных инструментов. Музыка была на удивление легка. Люди просто танцевали, не преследуя никаких сверхъестественных целей. Просто танец ради танца, просто музыка ради музыки. Музыканты перебирали пальцами рук струны… Руками, снова руками. Уже почти нет необходимости что-то делать руками, но человек всё равно чувствует эту потребность. Это то, что формировалось эпохами. Это наследие предков. Вельвд за последние сутки увидел немало людей, сидевших небольшими группами в скверах. Они собирались вместе и пробовали рисовать, лепить, играть на музыкальных инструментах, делать оригами, мастерить… Чего только не пробовали! У них получалось очень неумело, словно у маленьких детей, но всё же они не могли не попробовать. Это то, что было сильнее, было заложено где-то в генетической памяти…

Музыканты на площадке играли довольно профессионально. Вельвд давно не слышал музыку, сыгранную людьми. Сколько, оказывается, эмоций и красоты в неё может вложить исполнитель, который по нелепой случайности текущей эпохи оказался человеком! Это совсем не то, что лепят в специальных компьютерных программах или даже пробуют наигрывать роботы. Да, в такой музыке много кра-

соты, созданной композитором или нейросетью, но это совсем не то, когда к ней добавляют игру человеческими руками…

Музыка заполнила собой весь мир, стены города мерцали и звёзды над головой – тоже. Люди танцевали с улыбками на лицах, отрешившись от прошлого и будущего. В их умах было лишь бесконечное «сейчас». Город молчал, Вельвд созерцал и слышал его молчание. Задумчивое, но пронзительно громкое. В единый хаос слились тревога о будущем и тоска о прошлом, безумные мечты о лучшей жизни и отчаянное смирение с настоящим… такой спектр незнакомых чувств и эмоций, забытых ещё в прошлые физические воплощения. Жизнь распростёрлась сплошной иллюзией… Что-то шептало разуму, что-то вело его невидимой рукой по этой иллюзии. Что-то заставило Вельвда повернуть голову. И он увидел её…

Она стояла, сложив руки на груди, и задумчиво глядела на танцевавших. Нет, она смотрела даже не на них, а куда-то сквозь них. Она не слышала эту музыку, она была где-то глубоко в себе. Что так скоро озадачило или даже расстроило эту гостью с Земли? Вокруг неё висел ореол задумчивой печали, словно на плечах этой женщины лежал целый мир. Вельвд сам не знал, что заставило его подойти к ней, взять за руку и повести к танцевавшим людям. Она ничего не сказала, лишь посмотрела на него так, словно ничего иного и не ожидала. А художник уже был уверен, что это лишь сон.

Просто невероятный, но такой чудесный сон!

Танец вновь закружил в своём огненном вихре, и вот Вельвд понял, что город снова выглядит как-то иначе. Так, как он не выглядит в физическом мире. Пожалуй, сегодня анильт точно не планировал такого развития событий, но загадочная гостья с Земли нисколько не удивилась. Она огляделась по сторонам и на этот раз уже она взяла Вельвда за руку:

– Ну что же? Раз ты меня всё равно завёл в этот танец, давай я тебе покажу мой мир! Покажу тебе Землю и мои города!

Вельвд лишился дара речи от неожиданности, но всё же не стал отказываться от путешествия, которое обещало быть весьма интересным.

* * *

Герлонс нервно расхаживал по своему кабинету, который находился в бывшем здании правительства Анильца. Когда в городе случился переворот, новые власти не пожелали задерживаться в здании, которое с недавних пор ассоциировалось у них с не самыми приятными воспоминаниями и событиями. Но они великодушно позволили там остановиться вновь вернувшимся на время земной Миссии старгеберльтцам, некоторые из которых работали здесь и раньше – до переворота.

Герлонс был бледен, он не знал, когда именно всё пошло не по плану. Он хватался за голову. Герлонс не был злоде-

ем, он просто выполнял свою работу. В кого превратились эти земляне за минувшие эпохи? И неужели жизнь их не научила, что подобные вмешательства ни к чему хорошему не приведут. Это внутренние разборки, которым не нужны посторонние. Если незваные гости будут продолжать вмешиваться, снова погибнут люди, много людей. Они погибнут лишь за свою непокорность, за нежелание принять новый образ жизни. А Старгеберльт ещё может нанести по землянам удар, они этого не знают. Они не знают, что Тархгьёл до сих пор колония Жизни. Они не догадываются, что этот город – бомба замедленного действия. Но, если понадобится, Старгеберльт может действие и ускорить.

* * *

А где-то на просторах Вселенной жила душа. Она была стара, но в таких телах ещё не воплощалась. Она распростёрлась на сотни Измерений, но сейчас предельно сосредоточилась лишь на одном. Она могла бы быть ангелом, но в грядущие жизни она жаждала иного опыта. Она знала, как её измучают Измерения Земли, но ни за что бы от них не отказалась. Ведь люди так удивительны. И человеческие города – тоже. В сотнях и тысячах следующих жизней она хотела быть одним из них, городом по имени Акральтон, собирая вокруг себя такие же души…

Она глядела в небеса и знала, что там – мириады небесных городов. Она слышала их голоса, чувствовала их любовь и знала, что не одинока.

Глава 3

– Погоди, куда мы движемся? Где мы находимся? Я никогда не уходил так далеко от Анильца.

– Мы совершенно очевидно движемся на Землю.

– Эээ… Ладно

Мир, распростёршийся вокруг Вельвда, напоминал царство сияющих огней. И были ли те огни звёздами и галактиками или такими же странствующими душами – не было известно. Возможно, и тем, и тем одновременно… Вельвд оглядывался по сторонам, наблюдая, как огни пляшут вокруг. Он попытался увидеть свои руки, но неожиданно обнаружил, что и сам здесь казался звездой.

Его проводница купалась в этом мерцающем море. Она явно была здесь не впервые.

– Говорят, это может быть дорогой к Дому, к Небесам… Но мы совсем скоро окажемся на Земле.

– Ну, то есть, в принципе, тоже на небе! Или в небе…

– Удивительно, правда?! Мы все – жители неба, потому что, оказывается, кроме него ничего и не существует.

Вельвд был в замешательстве. И всё же ему казалось, что и он здесь когда-то был. В каком-то глубоко забытом сне.

– Давай представимся друг другу что ли? Если, конечно, вспомним имена друг друга, когда вернёмся обратно.

Женщина с золотистыми локонами рассмеялась:

– Ты явно не посмотрел ни одной новости, ни в виде видео, ни в виде фото, ни в виде… как там у вас мысленные новости называются… иначе бы ты знал, как меня зовут, Вельвд.

– А ты моё имя из новостей узнала? – съязвил художник.

– Нет, из твоих мыслей. А моё имя Астарата.

– Ты важная шишка в Миссии, раз тебя могли показать в новостях?

– О, это совершенно неважно.

Астарата играла с огнями молодых душ, они кружили вокруг неё, будто шаловливые котятки.

– Почему ты тогда мне кивнула на космопорте? Я ведь не забыл.

– Готова поспорить, ты только об этом думал, – смеялась жительница Земли.

– Ты – ведьма!

– О, такой логикой мы тут все ведьмы и ведьмаки. Но я слышала твои мысли с момента, как мы увиделись.

Вельвд ничего не ответил. Он знал о том, что у многих прибывших землян хватает умений, которые проще всего было бы назвать сверхъестественными. Хотя сверхъестественными они были именно для жизнян, и то не для всех.

– Вот она, наша планета! – глаза Астараты загорелись. – Я всего несколько дней на Жизни, да и не так давно покинула Землю, но ты бы знал, как уже скучаю по ней.

Вельвд увидел белые шапки полюсов, огромные синие

одеяла океанов, сморщенную горными хребтами сушу и подумал о том, как Земля похожа и не похожа на Жизнь. Космические странники опустились на влажную от росы траву. В изменённом состоянии сознания каждая росинка была частью созвездия, которое выросло на зелёных лентах травы. Совсем недалеко находился какой-то город. Мгновением спустя странники уже были в нём. Кажется, на старых фото Вельвд уже видел его или что-то на него похожее.

– Ну, здравствуй, родной… Как ты тут, пока я так далеко?..

Вельвд смотрел на Астарату, как на ребёнка, пока она обращалась к городу практически из видения.

– Это Тархгьёл – моя родина, – сказала Астарата. – Возможно, ты видел его на изображениях, которые были опубликованы до того, как на Жизни окончательно не запретили публиковать фотографии земных городов.

– Да, похоже... Но я почему-то думал, что ты из Акральтона.

– Это в какой-то мере правда. Так уж вышло, что уже несколько лет я живу на два города: Тархгьёл и Акральтон.

– Почему же так вышло?

– У меня и там, и там много работы.

Странники шли по улицам Тархгьёла. Вельвду казалось, что он видит, как звёздный и лунный свет стекает с городских крыш, словно дождевая вода. Луна такая маленькая, оказывается, ни в какое сравнение с Большим Соседом. Хо-

тя, возможно, это в изменённом состоянии так? В конце концов, на небе не могут с одинаковой яркостью сиять и звёзды, и луна, и солнце.

Художник всё раздумывал, какая такая работа могла бы заставить жить на два города, а потом отправить на Землю. Но вопрос он не решался задать.

Астарата собирала лунный свет в ладони и глядела на город влюблённым и тоскующим взглядом. Вельвду всё больше казалось, что она любит Тархгьёл настолько сильно, что вряд ли кто-то сможет конкурировать с ним за эту любовь.

– Что это такое?

Кажется, вопрос застал пришелицу врасплох. Но не из-за того, что Астарата его не ожидала, просто она снова ушла куда-то в себя, если в этом мире это вообще было возможно.

– Лунный свет не везде так себя ведёт, не во всех городах. Из-за этого Тархгьёл иногда называют Лунным городом.

Вельвд улыбнулся, представив, как бы называли такой город на Жизни: большососедский, или просто соседский… Большососедский свет есть же… Хотя и его по старой памяти частенько называют лунным.

– И кто же ты в этих городах?

– Я – Хранительница Тархгьёла. Но жизнянам об этом знать необязательно. Посмотрим, как ты сможешь сохранить эту тайну от остальных.

Вельвд снова поразился неожиданности поворота событий.

– Хранительница? То есть у тебя есть нечто, в чём, так сказать, заключается, как там… Не знаю… Я думал, только у Анильца такое есть.

Астарата снова рассмеялась. Удивительно, насколько переменчивым было её настроение.

– Что ты? Конечно, не только у Анильца есть Хранитель. У земных городов тоже *такое* бывает! У Акральтона он есть, у Кетамбда он есть, у Алтаринда и десятков и сотен других городов. Но не у всех, конечно…

– Я о них слышал лишь мельком. В чём же сила Тархгьёла? Это же бывшая колония, если не ошибаюсь.

Астарата вздохнула.

– Не ошибаешься. Думаю, в какой-то мере он таковой и остаётся. Тархгьёл – это город мыслей.

– И что это значит?

– Он – сосредоточение мыслей Вселенной. В какой-то степени… Скажем так, некоторой её части. Если ты сможешь проникнуть в его сознание, ты почувствуешь, как много в нём музыки мыслей Земли, мыслей каждого человека, кто живёт или когда-то жил на этой планете, мыслей всего Человечества, мыслей городов и цивилизаций. Но ты не сможешь прочесть большинство из них. Никто не сможет, это не доступно нашему сознанию. Мысли большинства небесных тел напоминают стук и грохот… но, если прислушаться и мысленно ускорить эти звучания, ты можно услышать нечто, похожее на этническую музыку. Тархгьёл, конечно, не

единственный в своём роде ни в нашем мире, ни, тем более, во Вселенной. Подобных городов много. Есть ещё Города памяти. Я знаю один такой город. Его называют Сиянгральц, иногда – Кнальцельд. А что есть память – если не мысли, запечатлённые в прошлом? Но этот город пока не существовал в нашем Измерении. Я видела его лишь в отблесках полярных сияний… Возможно, он существует на планете, которой нет в нашем Измерении…

– И что же значит быть Хранительницей такого города, как Тархгьёл?

– Значит, слышать то же, что и он. С той лишь разницей, что этот город ещё и осознаёт, что слышит. Человек этого не может. А научиться слышать простые человеческие мысли и даже систематизировать их по степени глубины и по источнику возникновения несложно. Сложно потом научиться их не слышать. Ещё сложнее научиться не слышать мысли всего остального мира. Вопреки распространённым заблуждениям, я не читаю мысли постоянно. Иногда я просто закрываюсь от них и живу, как нормальный человек, – на последней фразе Астарата снова засмеялась, видимо, понимая, что жить, как *нормальный* человек, она явно сможет нескоро.

– Несложно, говоришь, читать человеческие мысли?

– Конечно, вы даже научились их считывать с помощью технологий.

– Сложно представить, что когда-то было иначе. И как же люди жили в те времена? Как допрашивали преступников и

отличали правду от лжи? Как заботились о маленьких детях, которые не научились говорить? А тем более, о животных?

– Думаю, окажись эти люди сейчас на Жизни, они бы задались вопросом, как можно жить в мире, где так пристально следят за тем, что у тебя в голове…

– Но ведь всегда следили!

– Но не так же тщательно.

Странники подходили к массивной чёрной колонне, в которой были видны какие-то датчики. Датчики не пищали, не мигали. По крайней мере, в астральном мире этого не было видно. Для чего эта колонна была нужна, не сразу было понятно. Однако Вельвду почему-то показалось, что она как-то слишком зловеще нависла над городом. Эта сооружение было здесь явно не ради благих деяний… Вельвд вопросительно посмотрел на Астарату.

– Это к теме, что Тархгьёл – колония Жизни. Спасшиеся после Войны на Жизни понимали, что кто-то из тех, кого они оставили умирать на Земле, всё же выживут, приспособятся, дадут потомство… Новоиспечённые жизняне не знали или не верили в то, что земляне переждут в иных Измерениях. Существование мультивселенной и сейчас в вашем мире воспринимается как фантастика. Вы не верите в то, чего не смогли увидеть или зафиксировать на приборах… Мы не только выжили, но и сумели сохранить знания и культуру… множество культур… Поэтому, когда жизняне впервые прибыли сюда, не послав нам при этом ни одного сигнала,

они были очень удивлены встретить здесь не просто выживших, но высокоразвитое и здоровое общество. План по поиску на нашей планете рабской силы среди людей, скатившихся в первобытное общество, потерпел фиаско. Но жизнян разбирало любопытство. Под предлогом того, что многие жаждут вернуться в мир их предков, Старгеберльт выбил право основать тут свою колонию, где заодно можно было бы изучать Землю после катастрофы. Однако, когда спустя продолжительное время мы обнаружили, чем они здесь на самом деле занимались, мы пришли в ужас. Жизняне не просто изучали, они ставили чудовищные эксперименты над животными и людьми. Над нашими людьми. Мы стали перехватывать их сигналы, не давая им дойти до спутника Большого Соседа. Когда у нас накопилось достаточно информации, чтобы не сомневаться в собственных действиях, мы указали жизнянам пальцем на дверь, вернее на их экзопланету.

Проблема была лишь в том, что Жизнь предвидела такой исход, поэтому здесь предварительно были построены эти сооружения, напоминающие колонны. По сигналу с Жизни они могут уничтожить город. Могут просто уничтожить без заражения местности, могут – с заражением, а могут сотворить и глобальную катастрофу. К счастью, к тому времени нам это было известно. Мы перерубили все каналы связи этих сооружений с Анильцом и Старгеберльтом, а руководителям тархгьёлских проектов на Земле закрыли доступ в город, сообщив о том, что десятки их последних сигналов в

родной мир были заглушены или подделаны. Мы заставили отправиться обратно на Жизнь простых учёных и других работников. Но тем, кто, прожив значительную часть жизни на Земле, не пожелал возвращаться, мы разрешили остаться, но при условии переселения в другие города. Руководителей и их семьи мы тоже не отпустили, они остались в заложниках на Земле. Правда, живут они, не зная нужды. Вернее, жили. Многих уже не стало от старости…

– Для нас это было озвучено иначе. Что вы нарушили договорённости, выгнали наших людей, чтобы присвоить наши открытия. Поэтому вам и запретили появляться у нас…

– Да, у каждого своя истина. Не спорю, что мы преследовали свои цели, тоже изучали ваш мир, ставили эксперименты и посылали сигналы. Но нет, это не были опыты на людях, на детях… даже близко. В вашем мире тоже осталось много наших людей. Страшно представить, что с ними стало за эти полвека. Мы смогли прибыть лишь тогда, когда в Анильце случился переворот, и Старгеберльт утратил контроль над космопортом.

– Да, и теперь страшно, что станет с Анильцом! И всё из-за вас. На нас и так зуб точили после переворота. А теперь, когда вы к нам прибыли…

– Тебе страшно? Ты бы мог спастись в любом другом городе вашей планеты.

– Я, конечно, вряд ли могу говорить о такой сильной любви, какой любят щегольнуть Хранители, но не до такой сте-

пени, чтобы покинуть свой дом только из-за того, что ему угрожает опасность.

Астарату, похоже, удовлетворил этот ответ на её явно провокационный вопрос.

– Да, это в человеческой природе. Предполагать, что когда-нибудь в мире закончатся войны за территории, которые мы склонны называть домом, так же нелепо, как и думать, что люди когда-нибудь разучатся любить… Даже животные готовы умереть за защиту своей территории. Просто человек склонен всё романтизировать… Но это и делает его человеком…

Но пойми, и искать более тёплый угол – тоже в животной и человеческой природе. Мы не осуждаем тех, кто покинул родную планету в поисках нового дома. Как не осуждаем тех, кто довёл до этого, потому что в этом мы все были виноваты в равной степени. Мы уже не защищали свои территории, свои дома, мы просто обезумели от жадности и гнева, что не смогли поделить между собой все ресурсы планеты! Но она, Земля, всё пережила, возродилась и снова живёт…

Вельвд задумчиво разглядывал колонну. А что, если даже в Анильце есть нечто подобное? Астарата взяла Вельвда за руку и, посмотрев ему в глаза, сказала:

– А теперь я тебе покажу город кораблей Кетамбд. Думаю, тебе понравится.

– Что?

Огоньки вновь заплясали вокруг. На этот раз суша бы-

ла недалеко, но достаточно высоко, чтобы видеть, как внизу распростёрлись густые леса, бескрайние поля и величественные горы…

* * *

Эвмерк удивлённо таращился на странного робота, который стоял на барной стойке и распинался обо всём на свете. Недалеко от робота сидела молодая пара и о чём-то оживлённо беседовала. Акральтонец был уверен, что сегодня у него получится слиться с анильтской толпой. Он всё для этого сделал: надел одежду, которую носят в этом городе, и снял с себя все атрибуты, выдававшие в нём землянина. Он даже попытался что-то сделать со своими светлыми волосами, чтобы придать им чуть более тёмный оттенок, но всё равно чувствовал себя не в своей тарелке.

Замученный событиями последних нескольких часов и собственными измышлениями, он плюхнулся на барный стул (насколько вообще возможно на него плюхнуться) и попросил налить чего-нибудь покрепче, и поскорее. Молодая пара, которая мгновением назад оживлённо беседовала, удивлённо уставилась на Эвмерка. Он сделал вид, что ничего не заметил и поспешно осушил большой стакан какой-то премерзкой огненной жидкости. Эвмерку показалось, что у него из глаз посыпались искры, а горло покрылось химическими ожогами.

– Извините, молодой человек, – проговорил бармен, заметив замешательство Эвмерка и его покрасневшие глаза. –

Это было самое крепкое, что есть в нашей барной карте.

– Надеюсь, это не жидкость для ракетных двигателей? – проговорил охрипшим голосом оторопевший землянин, похлопывая себя кулаком по груди.

– Что вы? Она не такая ядрёная, как это! Ещё бокальчик?

Эвмерк прокашлялся и попытался присесть поровнее, сдерживая при этом выступившие слёзы.

– Давай!

Робот замолчал и тоже удивлённо уставился на Эвмерка.

– А ты уверен, землянин?

– С чего ты взял, что я землянин? Я здешний парень.

– Ну, не знаю, здешние серебряные короны отродясь не носили, – проговорила девушка с большими серыми глазами и копной русых волос.

Эвмерк пробовал не растеряться.

– Это эксперимент! – сказал он, хватаясь за голову. Он же точно знал, что всё снял!

– Ха-ха. Мы тебя разыграли! От тебя Землёй за версту разит, – засмеялась Драндра.

– Ты хоть знаешь, что значит это выражение?

– Ага. То, что ты можешь переодеться в анильта и даже попробовать перенять его жесты, но ты всё равно выглядишь и разговариваешь, как землянин.

– Что, так заметно? – расстроился Эвмерк.

– Ну не прямо настолько, – вмешался Мих. – Просто мы видели тебя в составе процессии на космопорте. И в ново-

стях. Ничего, что мы на «ты»?

– Ничего, – Эвмерк сделал очередной глоток, и искры снова посыпались у него из глаз. – Я же с вами так же…

– Но ты же руководитель делегации из Акральтона! – удивилась Драндра.

– И что? Это меня как-то возвышает в неформальной беседе? К вашему сведению, общество Акральтона эгалитарно. Ни в одном городе Земли нет такого равноправия.

– Какого?

Эвмерк сделал очередной глоток и на выдохе проговорил:

– Мощного!

– Эх, жалко Вельвд куда-то слинял, – вмешался Питомец. – Он грезит Акральтоном, сколько я его знаю. А ещё его переклинило на женщине, с которой вы там вместе шли.

Эвмерк повернулся в сторону Питомца. Странный напиток уже порядком ударил акральтонцу в голову. Он посмотрел на робота так, словно пытался понять, не начались ли у него галлюцинации. Нет, кажется, эту чудо-машину он видел, когда сюда заходил.

– Какой?

– Эээ… Ну такая… ээ… – на самом деле Питомец сейчас проводил в своей голове сложные вычисления, стоит ли показывать фото нарисованных Вельвдом портретов. Возможно, имеет смысл по биометрии найти её в архивах репортажей. А, может, вообще не стоит сообщать такую информацию. Питомец-то уже выяснил, кто она такая... – В общем,

неважно. Расскажи лучше об Акральтоне!

– Да! Расскажи! – тут же раздалось из зала. Оказывается, когда выступление Питомца прервалось, десятки любопытствующих пар глаз уставились на нового гостя. Особенно, когда громко прозвучало «процессия на космопорте» и «руководитель делегации из Акральтона».

– А правда, что в Акральтоне сохранились все довоенные религии и народы? Даже каннибалы, и они на равных с остальными могут вкушать традиционную пищу?!

– А правда, что Акральтон построен из бриллиантов?

– А правда, что Акральтон уже захватил власть на Земле и сейчас примется за Жизнь?

– А правда, что Акральтон собирается украсть Анильц с планеты?

Эвмерк растерялся от шквала навалившихся вопросов, но на последнем он подавился и чуть не свалился со стула.

– Эээ… аааа…. а как вы себе представляете такую кражу? – проговорил он почти что в высоком регистре.

– Ну, это… Может, по частям.

– Окститесь, православные!.. Ой, чего это я?!.. Можете мне ещё плеснуть этого замечательного напитка?

– Что он сказал? – тихо спросила Драндра у Миха.

– Кажется, он попросил повторить коктейль «Ракетное топливо».

– Нет, до этого!

– Судя по всему, он сам не понял.

Эвмерк сделал ещё глоток, уселся поудобнее и приготовился к пленарному заседанию:

– Ну что? Начнём. Какой там первый вопрос? Ах, да про религии. Спасибо тебе, чудо-машина.

– Вообще-то, меня зовут Питомец.

– Хорошо. Спасибо, Питомец. Эээ… что? Питомец?

Люди в зале тоже расхохотались. Эти роботы и так назывались «питомцами». Назвать его таким именем выглядело примерно так же, как если бы кота назвали Кот, а собаку – Собакой. Но для Эвмерка это было вдвойне странно. Назвать робота Питомцем? Хорошо, что он не знал, что Драндра своего назвала Мурзиком.

– В Акральтоне сохранились религии, но они не практикуются. Вернее будет сказать, в Акральтоне сохранились знания о них: как они зародились, что исповедовали, как они боролись за господство и как их перевирали. Ну, и обряды тоже. Их отголоски, конечно, накладывают отпечаток на поведение потомков их носителей, но без излишеств. А народы, ну, ситуация аналогичная… – Эвмерк замолчал, прикидывая, стоит ли говорить, что все эти религии и народы размазаны тонким слоем по сотням Измерений Акральтона, а не сосредоточены все в Пятьдесят седьмом. Хотя, тогда надо будет рассказывать про мультивселенную и пространственно-временные континуумы, а акральтонец уже был не в том агрегатном состоянии, чтобы вещать о том, во что здесь точно не поверят, и, возможно, даже не вспомнят на утро. – С

тех пор уже успели возникнуть новые народы, жизнь же не стоит на месте! И Акральтон не захватывал власть на Земле, и у вас тоже не планирует. Я глава делегации, я бы знал! Так, о чём это я? У нас десятки суверенных государств, просто у нас нет такого жёсткого разделения границ, какое было до Войны. Наше земное общество строится на принципах здоровой конкуренции. И мы научились принимать решения сообща.

– Например, украсть наши технологии в Тархгьёле? – снова послышалось из зала.

Эвмерк знал, что подобные вопросы неизбежно всплывут рано или поздно. Решив, что на эту тему беседовать даже на трезвую голову небезопасно, не то что на поддатую. В особенности, человеку его статуса. Он сделал последний глоток и спокойно ответил:

– Если вам так будет угодно, – Эвмерк встал со стула и собрался было уходить, но тут вмешалась Драндра:

– А бриллианты? Он правда бриллиантовый город?

– Да, правда.

Зал ахнул.

– Но это не земные бриллианты. Это алмазы с другой планеты. Там их достаточно много, чтобы строить из них города. Конечно, понадобилось повозиться, чтобы превратить такое количество алмазов в бриллианты. У нас есть ещё один город из этого материала или из чего-то сильно на него похожего. Это город кораблей Кетамбд. Его ещё называют горо-

дом слабостей и манипуляций. Позвольте откланяться. Это у вас объявлены выходные – а мне завтра на работу.

Присутствующие проводили Эвмерка взглядом. Человек в чёрной одежде, притаившийся в углу, сделал какие-то записи и ухмыльнулся. Он явно ожидал, что у акральтонца, которому налили коктейль «Ракетное топливо», язык развяжется сильнее. Но он не рассказал и даже не *подумал* ничего, чего бы уже не было известно человеку в углу.

* * *

Вельвд и Астарата оказались на берегу бухты. Прибой гремел, волны ласкали песок на небольшом пляже и разбивались о прибрежные скалы. Вельвд ещё не бывал так близко к морю. До сих пор в Анильце он смотрел на его воды с высокого обрыва, у подножия которого даже в период высокого отлива никогда не обнажался пляж.

Вдаль до горизонта уходила цепочка кораблей, стоявших на рейде. Изящных кораблей и совсем не похожих на амфибии, к которым привык Вельвд. В городе был довольно крупный порт, но не из-за него же Кетамбд назвали городом кораблей!

– Погуляем по этому городу? – предложила Астарата.

– Конечно! Он, наверное, похож на Акральтон. В смысле, тоже из бриллиантов. Или это только в этом мире?

– О, в этом мире они друг на друга похожи намного меньше, чем в физическом. Ну, и вообще-то у них совсем разные архитектурные стили, да и сама городская планировка.

– Ну, так подробно я не знаю… Для меня – бриллиантовый и бриллиантовый. Там, что тоже могут свои стили? – улыбнулся Вельвд.

– Да, мне это тоже казалось странным, когда я здесь впервые побывала, – ответила Астарата. – Хотя, на самом деле, это даже не бриллианты. Это иноземный материал, который визуально предельно похож на алмаз, но при этом он легче, прочнее и менее горюч.

– А разве бриллиант недостаточно прочен и это… горюч?

– Странный вопрос. Алмаз, конечно, достаточно прочен, но этот материал ультрапрочен. И да, алмаз довольно горюч, всего-то каких-то 800 градусов по шкале Цельсия.

– По какой шкале? У меня ощущение, что я сейчас на уроке в школе оказался.

– О, это шкала древних. Сейчас мы ею уже почти не пользуемся. И вы, видимо, тоже, – засмеялась Астарата.

– И о чём же думает этот город, если он город кораблей? В нём сосредоточены все… что?

– О чём он думает? Думаю, о временах, когда он сам был кораблём, или, вернее, кораблями. Когда-то Кетамбд был построен из огромного флота, прибывшего в эту бухту. Это было уже после Войны. Если верить истории, которая теперь больше похожа на легенду, это была значительная часть всего мирового флота, которая как-то сумела сохраниться, а люди на этих кораблях – выжить. Не представляю, что пришлось пережить тем кораблям и экипажам. Где они брали

пресную воду, провизию, как бункеровались… Чем больше думаю об этом, тем больше у меня вопросов… Конечно, всё можно бесконечно объяснять перемещениями между более благополучными Измерениями, но не стоит забывать, что и человек – тварь живучая. В общем, наверное, и по морям они не так долго скитались… А когда прибыли в эту бухту, решили, что теперь она будет домом последних моряков старого мира.

– Знаешь, а ведь первые дома Анильца тоже были построены из старых космических кораблей…

– Я знаю. Поэтому и сказала, что Кетамбд тебе наверняка понравится.

Здания этого города не отличались изяществом, они были монументальны. Такая красота на любителя. Этот город давил на Вельвда, в нём было намного тяжелее, чем в Тархгьёле. Наверное, его Хранителю, кем бы он или она ни был или была, приходится очень нелегко. Астарата заметила, как Вельвд буквально сгибался под тяжестью здешней энергетики.

– Да, Кетамбд очень на любителя. Но раз прикоснувшись к нему, ты уже не сможешь не думать о нём. Ну, либо он тебя навсегда от себя отвратит. Говорят, с профессией моряка примерно так же… Но ещё его называют городом слабостей. Это совершенно иная его ипостась, наверное, никак не связанная с корабельным прошлым…

– Почему слабостей? Потому что заставляет тебя казаться

самому себе слабее?

– Не совсем. Кетамбдцы – прирождённые манипуляторы, успешно играющие на слабостях. Всё, что делает тебя слабее – чувство вины, дурные воспоминания, боль, чёрная печаль и неконтролируемый гнев – этот город может распалить до состояния физического недуга. Ему несложно это делать с целыми городами и странами. Но, с другой стороны, он же может тебя и избавить от этого.

– От того, что сам навеял?

– В первую очередь от того, к чему он никогда не имел такого отношения. На самом деле – потрясающий город, но далеко не для всех. С характером.

–Когда ты говоришь о городах, как о живых социальных существах, у меня в голове возникает диссонанс.

– Ну, ты бы и сам мог бы попробовать «пообщаться» со своим городом. Прислушаться к нему, к его мыслям…

– До этих пор я не верил, что такое общение возможно. Да и сейчас не особо верю. Но даже, если предположить, что такое возможно, разве это доступно не только Хранителю?

Астарата посмотрела на Вельвда, и отрицательно покачав головой, серьёзно ответила:

– Нет, не только.

А после короткой паузы, она весело добавила:

– Однако нам уже пора возвращаться.

– Как? Уже? – удивился Вельвд, глядя на то, как Астарата стремительно уносится с планеты. Он крикнул ей вслед. –

Ты разве не покажешь мне остальные города?

– В другой раз! – ответила она, удаляясь куда-то на просторы вселенной.

А просторы вселенной были прекрасны! Всё в них было наполнено жизнью, любовью и красотой. Оказавшись в таком месте и впрямь подумаешь, что есть предел, за которым человеческая наука и человеческий разум бессильны, и что весь наш физический мир – только клетка для души. Или сложная школа, где тебе хочется гулять и играть, а тебя заставляют сидеть в душном классе и учиться.

Разноцветные огоньки плясали вокруг. Вельвд всё пытался отбиться от этих навязчивых существ, как от приставучих мошек. Астарата оглянулась на него:

– Что ты всю дорогу такой серьёзный? Хоть бы по сторонам огляделся, они же только поиграть хотят! Ты уже не помнишь этот мир… Хоть бы раз улыбнулся!

– Зато ты всю дорогу хохочешь, как дурочка, – рассердился Вельвд, не переставая отмахиваться от огоньков, которые, похоже, воспринимали это, как вызов и атаковали ещё сильнее.

– Ах, так! – Астарата поставила руки на пояс. – Тогда получай!

Тархгьёлка запустила в Вельвда ещё порцию огоньков, с которыми поладила намного лучше своего спутника, и тут же залилась звонким смехом.

Вельвд отбивался и злился, но, в конце концов, сдался –

улыбнулся. Всё же эта пришелица с Земли смеялась очень заразительно. Он попытался запустить надоедливых светящихся мошек обратно в неё, но Астарата уже убегала. Эти игры в астральные догонялки и снежки продолжались, пока космические странники не приблизились к Жизни. Над ней нависал Большой Сосед. Их кружение в системе той звезды, где они находились, тоже напоминало танец. Где-то ещё пока далеко внизу на Жизни были заметные сияющие огни городов и дорог. Но вот они становились всё ближе, городские огни Анильца становились всё ярче, артерии дорог опоясывали его и расходились в разные стороны. Чуть дальше мерцали огни космодрома. Ещё мгновение, и Вельвд понял, что они снова оказались на площади, где играли музыканты. А он уже успел забыть об этом месте! Как и том, что он знает Астарату считанные часы! Нет, считанные минуты, судя по времени, которое показывали сверхточные городские часы.

Когда закончились «догонялки», пару буквально выбросило из танца, они повалились на землю, продолжая при этом хохотать, словно дети. Окружающие на эту парочку смотрели, словно на сумасшедших, но Астарата и Вельвд ещё не успели начать замечать физическое пространство.

Когда смех немного отпустил, а разум начал возвращаться в серую реальность, Вельвд сам не понял, как так произошло, что он поцеловал Астарату. А когда вспомнил, что она вообще-то из земной Миссии, и, возможно, не последний человек там, совсем растерялся.

– Ой, прости. Я не это имел в виду. Я не хотел. В смысле, хотел, но не думал…

Тархгьёлка сначала удивлённо посмотрела, но увидев замешательство в глазах своего собеседника, снова рассмеялась, пока Вельвд сидел, красный как рак.

Ситуация была более, чем неловкая. К тому же люди смотрели, а тут ещё и Питомец непонятно откуда взялся, будь он неладен:

– О, Вельвд, а я тебя уже обыскался. Вернулся домой, а тебя там нет, Мявк жрать просит. О, это она, та самая гостья с Земли, в которую ты втрескался, как мальчишка?!

Питомец сделал то, что ещё не удавалось сделать ни одному человеку на *этой* планете. Астарата перестала хохотать. Она резко покраснела, смущённо посмотрев на Питомца. Не так часто кому-то удавалось её смутить. Но Питомец в этом деле был мастером, иногда невольно:

– Эээ… Я что-то не так сказал?

– Питомец! – возмутился Вельвд.

– Ладно, молодые люди… и роботы, – Астарата встала, оттряхивая длинное светлое платье, какие носили женщины в Акральтоне. – Думаю, нам пора расходиться. Спасибо, что повеселили. Надеюсь, ещё увидимся.

Астарата поспешно удалилась. Кажется, ситуация немного вышла из-под контроля, а пока пришелица находится на Жизни, ей следует всё время быть начеку. Старгеберльт непременно воспользуется положением, чтобы продавить

свои интересы. Что это будет: шантаж, угрозы, заложники, можно только гадать. Интересно, не набедокурили ли остальные, кто пошёл гулять по городу? Чем там Эвмерк весь вечер занимался? Из гостиницы он выходил очень озадаченным…

Шум на улицах стихал. Вельвд возвращался с Питомцем домой, ёжась от предутренней прохлады. Вернее, Вельвд ёжился, а Питомец его передразнивал.

– Прекрати! Зачем ты ей это сказал?

– А ты, что не заметил, какая она важная, горделивая? А так вроде бы хоть что-то человеческое в ней проснулось.

– Во-первых, не заметил, я с ней не знаком так близко, как, видимо, знаком ты. Во-вторых, речь не о ней, а обо мне. Ты меня опозорил!

– Ну, извини. Когда я думаю сердцем, моя голова работает в энергосберегающем режиме. У тебя, кстати, тоже. Ты куда вообще пропал? Я еле уговорил Миха и Драндру не идти тебя искать. О, надо им отправить сообщение, что я тебя нашёл, – Питомец на время замер, словно выполняя в уме какие-то вычисления. – Всё, отправил.

– Что за чушь ты молол с барной стойки?

– Какую из? Ты ушёл, я ещё много чего рассказал!

– О, не сомневаюсь. От старых историй про кактусы до новых про общество эпохи XXI века!

– Тебе не стоит волноваться. Это же я про прошлую жизнь… сейчас в том Измерении уже ничего нет, рептилоиды захватили планету и истребили Человечество!

– Это ты только что придумал?

– Нет, уже где-то час назад. А что?

– Ну слава богу!

– А чего вас всех так удивляет такое летоисчисление, типо слишком молодое для человечества? Ввести новую, более позднюю точку отсчёта – лучший способ переделать историю на свой манер. Вот вроде бы народы и знают, что они намного древнее, но на ментальном уровне уже всё отсечено до той точки отсчёта, с которой они считают нумерацию лет. Ещё проходит какое-то время, и всё не только отсечено, но уже и забыто. Вроде бы и неплохая вещь, если собираешься начать писать историю человечества с чистого листа, да только опыт ошибок прошлого тоже отсечён и забыт…

– Да ты, оказывается, философ, Питомец, – удивился Вельвд.

– Эээ… не совсем. Мы дискутировали на эту тему с Михом. И его теория мне понравилась больше, чем моя, которая состояла в том, что это реальный промежуток времени существования человека с момента, как его создали рептилоиды.

– Всё, молчи! Кажется, я не хочу слышать продолжение этой теории!

Желтовато-зелёный рассвет разлился по Анильцу, окрасив его в тысячи потрясающих цветов. Городские небоскрёбы напоминали изящные колонны, устремлённые в небеса. Какими живыми и чувствующими они показались Вельвду в

этот момент. Словно это руки города распростёрлись куда-то ввысь к манящим звёздам, которые быстро гасли на утреннем небе…

* * *

Человек в чёрном костюме сидел за рабочим столом в просторном кабинете. Костюм отвечал последним тенденциям моды: предельно узкие рукава; высокий узкий воротник, опоясывающий шею, словно широкий ошейник; большое количество мелких серебристых пуговиц. В рабочий стол были встроены мониторы, от каждого из которых отходили провода. Ничего похожего на роботов вроде «питомцев» в этом кабинете не было. Рабочий стол стоял у огромного панорамного окна, выходившего на город. Здания города напоминали ряды свеч, нанизанных на церковный подсвечник. Все дома были облицованы светлыми отделочными материалами и переливались, немного напоминая жёлтый перламутр. Лучи заката чуть тронули тёмный пол, который был так начищен, что в нём можно было смотреть на своё отражение.

Человек оторвался от мониторов, слегка пригладил короткие блестящие чёрные волосы, когда в дверях появилась черноглазая девушка с короткими волнистыми каштановыми локонами, одетая примерно в тоже, во что и мужчина в кабинете.

– Золадира, появились ли новости из Анильца?

– Герлонс послал наших людей следить за каждым из пришельцев. Они следили за землянами всю ночь, которая в

Анильце уже почти закончилась. Днём наши люди продолжат вести наблюдение. Из того, что известно на данный момент, могу только сказать, что земляне очень хорошо контролируют свои мысли. Они делают это не хуже анильтов. А ещё глава Миссии танцевала на площади с каким-то молодым человеком, личность которого мы пока устанавливаем. Когда наши люди попытались их считать, датчики перегорели. Обычно, когда мы считываем людей в трансе, наши считыватели показывают сбой и выключаются, но никак не перегорают.

– Что известно по поводу того, что наши мысленные манипуляторы дали сбой во время собрания? Мы не успели внедрить их в Анильце в полной мере, но те стационарные устройства, что мы всё же применили, работали практически без сбоев. В данный момент они, конечно, отключены?

– Конечно, Колдалорт! Правда, ты же знаешь, что старгеберльтцы и простаргеберльтские анильты, которые их устанавливали и отключали, больше не взаимодействуют с нами… после переворота… Особо ярых наших сторонников, кто в этом принимал участие и вовсе, либо убрали, либо выслали… К слову о манипуляторах, устройства старого поколения вызывали побочные эффекты. К тому же, как ты помнишь, облучать ими людей постоянно нельзя. Люди к ним адаптировались и переставали слушаться, а при отключении ещё возникал эффект отмены… У испытуемых просто крышу сносило! Но то, что ты видел на графиках во время со-

брания, мы пока не можем сказать. Возможно, глава Миссии что-то почувствовала. К тому же она родом из Тархгьёла, который они называют городом мыслей.

– Это было странно. Мы использовали наиболее мощные манипуляторы. Когда человек подвергается длительному облучению такой штуковины, он не привыкает, он постепенно переходит в вегетативное состояние. Навсегда. Но мы не использовали их в полную силу. Возможно, надо было сразу бахнуть…

– Мы применяем их только к пожизненно осуждённым. В остальных случаях мы применяем более лёгкие версии. Кстати, последние хорошо себя показали в школах, дети стали не только послушнее, у них ещё и выросла успеваемость. Эээ… – Золадира нажала на кнопку на небольшом устройстве, которое занимало только четверть ладони. На виске у женщины было видно небольшое беспроводное подобие электрода. Было похоже, что она что-то листала. – Ещё манипуляторы хорошо себя зарекомендовали при лечении психических расстройств.

– Это замечательно, – Колдалорт откинулся на спинку кресла. – Глупые анильты! Они могли бы избавиться разом от преступлений, психических болезней и многих других проблем. Но под предлогом того, что эти технологии отнимут у людей их идентичность и свободу воли, они устроили переворот, тем самым подписав себе смертный приговор. Старгеберльт никогда не прощал и не простит впредь Аниль-

цу его непокорности!

– Кажется, Колдалорт, им больше не понравилось, что мы хотели начать внедрение манипуляторов с Анильца, тем самым поставив над жителями этого города эксперимент. Они всегда были уверены, что мы их принижаем.

– Принижаем?! – мужчина стукнул ладонью по столу, отчего на изображениях мониторов возникли помехи. – Да ни одному городу на Жизни не было дано столько свободы! Особенно в период моего правления. Ведь я не проводил массовых зачисток, которые совершали мои предшественники. Так они душили сепаратистские настроения Анильца, являвшиеся следствием это свободы. Свободы, которая была компенсацией того, что когда-то их якобы несправедливо обделили, поселив будущих анильтов в заражённой зоне космопорта, чтобы они там работали и создавали нам лучшее будущее.

– Но ведь так и было, Колдалорт.

Глава Старгеберльта, Владыка мира снова стукнул ладонью по состоявшему из мониторов столу, отчего на экранах снова на несколько секунд возникли помехи.

– «Было» будет так, как скажем мы! Мы давно преодолели те времена, мы построили общество, где каждый получил то, что заслужил. Я вёл политику иного плана, вместо массовых зачисток в Анильце я применил всего лишь манипуляторы… А что получил взамен? Нельзя вечно лелеять старые обиды! А Анильц их лелеет.

– Похоже, они так не считают. И Земля их поддерживает.

– Земля? Земля многое о себе возомнила. Пусть со своими проблемами сначала разберётся. Акральтон был так возмущён экспериментами в Тархгьёле, но при этом ни он, ни другие земные государства не брезгуют пользоваться достижениями, которые стали возможны только благодаря этим экспериментам. Они не против, чтобы кто-то делал грязную работу, а они читали нотации об этичности этой работы, попутно пользуясь её плодами.

– Но активизировать Тархгьёл – это крайняя мера.

– Да, крайняя. Мы не палачи. Но складывающаяся ситуация расшатывает обстановку на Жизни. Ни один манипулятор не сможет исправить ситуацию. Если мы только не хотим получить планету, заселённую «овощами».

– А почему бы и нет? Они будут послушны и не будут мешать жить элите, – Золадира растянула в улыбке свои пухлые губки.

– Я думал об этом, Золадира. Но всё-таки это недостижимый идеал. Да и кого считать элитой тогда… Все перевороты в Анильце случились из-за «элиты». Человеческая жизнь всё-таки ценна сама по себе. – Колдалорт на мгновение умолк. Золадира закатила глаза: опять её начальник пустился в сантименты. Правда, его молчание было недолгим, вскоре он продолжил:

– Я бы применил такую технику только к Анильцу, ко *всему* городу. Он же *этого* больше всего боится. Всё же «ово-

щами» неинтересно править. Работа из творческой превратится в нудную и однообразную.

– Есть ещё одна проблема с Анильцом. Она заключается в так называем «фетише», Синем Самоцвете. Они думают, в нём сосредоточена особая магия города.

– Какая глупость! Неужели в наш прогрессивный век кто-то ещё верит в такие сказки?

– Тем не менее, Самоцвет существует. Вы сами знаете, чем закончились попытки его прочесть. Но о том, что Рельнальд является не просто правителем города, но Хранителем, которого, если верить анильтам, город сам выбрал, я узнала совсем недавно.

– Хм… Я думал, мы можем сыграть на этом глупом суеверии… Мы не довели дело до конца, но можно продолжить… – проговорил Колдалорт, цепляя беспроводные электроды к вискам и занося какую-то информацию в рабочий стол, словно у Владыки мира в голове только что возник план.

На улице совсем стемнело, и Старгеберльт загорелся огнями, которые совсем не заглушали свет небесных тел. Жители города смотрели на потемневшее небо, показывая пальцами на звёзды, которые были видны впервые за несколько пасмурных недель. В это мгновение можно было подумать, что между Анильцом и Старгеберльтом почти нет различий…

* * *

Утро в Анильце было пасмурным. Когда совсем рассвело, со стороны моря набежали тяжёлые тучи и укрыли город на высоком обрыве своим плотным одеялом, больше всего походившим на туман.

Рельнальд сидел «по-турецки» на своём рабочем столе и пристально рассматривал картину с первыми постоянными поселенцами. Он сидел уже второй час и не мог отвести взгляд. Хранитель всматривался в лица и пытался понять по их выражениям, кто же из этих людей станет основателем Анильца. Строго говоря, небольшое поселение в этом месте существовало ещё с тех времён, когда на Жизнь летали работать вахтовым методом. Но тогда оно больше напоминало рабочий посёлок, основная часть которого была расположена под землёй. Работники посёлка изучали планету, её флору и фауну, вирусы и бактерии, минералы и полезные ресурсы. Можно было подумать, люди всегда предполагали, что рано или поздно они так загадят родной мир, что им понадобиться сбежать в другой, чтобы выжить.

И всё же картина отражала то время, когда оставшиеся в живых люди были едины как никогда. Да, возможно, уже на завтра за тем днём, который был запечатлён на этом полотне, они успели перессориться и разбежаться каждый по своей пещере, входы в которые они ревностно охраняли бы. Но в первые мгновения беда всё же всех объединила. Она постоянно напоминала о том, насколько разные люди всё-таки похожи друг на друга: похоже любят, похоже радуются, похоже

мечтают, и душа болит тоже у каждого как-то похоже… Об этом можно знать, но всё же не осознавать в полной мере, пока не увидишь такую знакомую печаль или радость в глазах у человека с другой стороны планеты…

Эта картина напоминала Рельнальду изображение религиозного сюжета вероисповедания, которое давно ушло в прошлое. Рельнальд немного изучал эту религию. Ему нравилась её идея, что Бог есть любовь, что совесть – голос Бога в человеке, хотя в новом мире понятие Бога и заменяли понятием Вселенной. Всё в этом мире для новых людей было проявлением Вселенной и Бога… Непостижимого и необъятного… Рельнальд смотрел на лица женщин, которые сидели на земле с мокрыми от слёз лицами, словно они оплакивали погибшую Землю. Жаль, что эти женщины так и не узнали, что Земля не погибла. Может, в их лицах когда-нибудь и стало бы меньше боли, чем на этой картине? Юный правитель Анильца думал о том, как часто их учили, что надо беречь родной мир и родную Жизнь… но на самом деле, береги ты или не береги, всё развивается таким образом, на который человек и даже Человечество почти не может повлиять. Человек – лишь крошечный элемент этой огромной системы, которая будет работать и жить вне зависимости от людских вмешательств. Древние общества били в набат, когда говорили об антропогенном влиянии на экологию. Но, как оказалось, часто естественные климатические и природные процессы человек приписывал себе: то ли от глупости,

то ли от страха, то ли от гордыни. А те процессы, в которых влияние человека сказывалось действительно сильно, природа быстро уравновесила, в том числе урегулировав быстро растущую численность населения. А человек даже ничего не понял. Не понял, что даже страшные испепеляющие войны, расколовшие Человечество на две части, Природа сама спрограммировала в людских умах…

В дверь тихо постучали. Рельнальд ничего не ответил, и, честно говоря, ничего не услышал. Теперь он рассматривал лицо мужчины, который с любопытством осматривал какое-то хищное растение.

– Рельнальд, к вам можно?

Юноша не обернулся, но по голосу понял, что это была Астарата.

– Можно. Астарата, давайте уже перейдём на «ты» в неформальном общении, – сказал Рельнальд, не оборачиваясь и не слезая со стола.

– Я не против, – тархгьёлка посмотрела на стену. – Интересная картина… Только она, похоже, совсем растрескалась.

– Знаю. Но специалистов, кто смог бы её привести в порядок, почти не осталось. А доверять эту картину роботам я не хочу. Они хорошо делают свою работу, но почему-то я боюсь, что из этой картины уйдёт душа, которая так завораживает меня сейчас.

– Да, наверное, есть такая опасность. Вы… ты, наверное, ждёшь объяснений по поводу моего вчерашнего ухода с со-

брания.

– Да, хотелось бы. Но я догадываюсь, в чём дело. Старгеберльтцы применили средство для управления сознанием, и ты решила просто не рисковать. На самом деле, они часто так делали. Так они планировали удерживать власть над непокорными народами. Когда случился переворот, мы всех выгнали раньше, чем они смогли предпринять что-то массовое, а манипуляторы мы отключали на месте в ручном режиме. Мой наставник… в смысле, мой помощник неплохо знал, как это делать. Думаю, из Старгеберльта они могут быть включены. Но тогда их засекут наши мысленные считыватели, и мы, возможно, что-то успеем сделать.

– Да, только, если вы обо всём знали, можно было нас предупредить.

– Пожалуй. Но мы не были уверены, а сидеть весь вечер и прикидывать, реальны ли мысли или навязаны извне – ещё хуже.

Астарата стояла, сложив руки на груди. Она раздумывала, насколько могут быть верны такие домыслы. Тархгьёлка подошла к окну, посмотрела на потерявшийся в тумане город.

– Ваша Жизнь так похожа на Землю, а акклиматизироваться всё равно непросто. Да и более длинные сутки не дают нормально выспаться, хотя, казалось бы… Но мне нравится Анильц. У него необыкновенная душа.

– Откуда тебе знать, какая у него душа? – возмутился Рельнальд, слезая со стола.

– Это видно для тех, кто научился видеть. Жаль, что вы поступили столь опрометчиво, что поставили под вопрос его существование.

Рельнальд подошёл к окну и бросил взгляд на город.

– Не прошло ни дня, чтобы я и мой помощ… в смысле, чтобы я не задал себе вопрос, правильно ли мы поступили и могли бы мы поступить иначе. Где тот предел, за которым возникает необходимость независимости и свободы…

– Да, когда речь идёт о свободе личности всё более-менее понятно… иногда… Но, когда речь идёт о совокупности личностей, всё не так очевидно. А когда к делу подключается противоречие интересов личности и интересов государства – пиши пропало. Личность хочет посвятить жизнь науке, опубликовать свои достижения и передать знания ученикам, а государству нужны новые люди и необходимость посвящения себя продолжению рода. Или личность хочет стать инженером, а государству катастрофически нужны врачи и далее, далее…

– Думаешь, можно найти разумный баланс?

– Приходится искать, иначе получится, как у Старгеберльта получилось с Анильцом.

– Я вот думаю, где же находится та грань, где надо жёстко подавить сепаративные настроения, а где надо позволить обрести независимость…

– А нигде этой грани нет. Это определяется лишь силой того, кто собирается жёстко подавлять или позволять обре-

сти независимость. Так устроен наш мир – сильный поглощает слабого. А после поглощения слабый ожидает ослабления сильного центра и вновь рвётся на свободу. Это законы жизни, тут нет правых и виноватых. Поэтому приходится просто делать выбор, на чьей ты стороне, понимая, что у каждой стороны своя правда.

– Звучит весьма цинично. Мне всегда хотелось верить, что наше дело правое.

– Но, тем не менее, ты каждый день сомневаешься. Думаю, это хорошо. Разумное сомнение помогает действовать с холодной головой. Анильц свой выбор уже сделал, пути назад нет. Теперь ему остаётся либо победить, либо погибнуть.

Рельнальд вздохнул:

– Сонадн, в смысле, мой помощник говорит примерно о том же. Но стоит ли оно того? Стоит ли эта цель – наша свобода – нашей возможной гибели?

– Наверное, стоит. Вы ведь долго шли к такому исходу, а мы не вмешивались.

– Хорошо, допустим, мы сможем всё преодолеть. Старгеберльт признает наше право на свободу, даже пусть достроит свой собственный космодром. И с Землёй урегулируются все вопросы, связанные с Тархгьёлом. А если мы проиграем? Что тогда будет?

– Тогда ваша свобода будет погребена под слоем пепла. Анильц больше никогда не вернётся к былому величию, даже если ему всё-таки позволят жить. Во все времена непокор-

ные города максимально «задвигали», удавливая их строптивую душу. А Земля… С ней всё-таки посложнее, даже если предположить, что в Тархгьёле ещё может сохраняться оружие, подвластное Старгеберльту… Город мыслей, хотя и обладает высокой автономией, не стал самостоятельным государством. Он подвластен Акральтону как раз по причине, что непонятно, чем он является. А с Акральтоном бороться – себе дороже. Никто не представляет, сколько в нём древней силы, для которой все современные достижения науки и техники – лишь мишура. Кстати, похожая сила в Кетамбде, он и без средств по управлению сознанием может заставить делать то, что ему надо ему…

– Ты так говоришь, будто они живые осмысленные существа, – Рельнальд проговорил это не столько удивлённо, сколько настороженно.

– Кажется, я где-то это слышала… Кому, как ни Хранителю знать том, что это правда.

Туман постепенно рассеивался. Очертания города становились ярче и контрастнее.

– Кстати, в первый день я так и не успел задать вопрос по Атдаркту. Почему он – город боли? Это вообще хорошо или плохо?

– А кто знает, хорошо это или плохо? Боль неприятная и мучительна, но она же является индикатором, что что-то идёт не так. Он может указать на источник боли, может избавить от неё, а может разбередить старые раны. А ещё он

– хранитель памяти всех погибших городов от сотворения мира, главный утешитель Человечества, которое почему-то эти города оплакивает даже тогда, когда не остаётся тех, кто помнит их жизнь и гибель.

– А кто утешит, когда он погибнет?

– Не знаю. Он же ведь даже не в нашем Измерении находится.

– А, опять эти сказки…

– Даже спорить не буду. Старгеберльт считает сказками ваш Самоцвет и его Хранителя.

– Ты тоже?

Астарата улыбнулась.

– Нет, у нас на Земле тоже хватает таких городов. Мы их считаем священными. Собственно, их сила и определяет их статус – Город боли, Город света, Город мыслей, Город слабостей… А Хранитель далеко не всегда является правителем, скорее кем-то вроде верховного жреца, если бы это было религией города…

– Странная у вас религия.

– Да, ты прав. Всё же не уверена, что это религия. Это, скорее, образ мыслей.

Повисло молчание. Этот разговор обо всём и ни о чём порядком утомил. Астарата не могла не заметить, что пресловутый помощник Рельнальда даже в этом разговоре и мыслях юного правителя скользил невидимой тенью. В конце концов, Рельнальд прервал молчание:

– Когда вы собираетесь в Старгеберльт?

– Через несколько дней. Посмотрим, что они смогут нам предложить…

– Анильцу стоит волноваться по поводу поддержки Земли?

– Думаю, не стоит.

* * *

Питомец плёлся по утреннему городу. Его хозяин после очередной бессонной ночи дрых без задних ног в обнимку с Мявком. Робот решил его не будить, в конце концов, выходной оставался последний. Хорошо Питомцу хоть спать не надо. По крайней мере, так долго. Максимум скачать и установить обновления, но это от силы несколько минут. И эти наивные биологические существа думают, что «питомцы» не захватят мир. Ха, они это сделают, когда люди будут спать.

«Упс… неувязочка, тут же пока на одной стороне ночь, на другой – день. Интересно, на Земле так же? Или там люди живут только на одной стороне планеты? Хотя, чего это я? Да где же этот магазин?»

Питомец разыскивал магазин художественных принадлежностей. В современном мире таких осталось совсем немного. Робот знал всего один магазинчик на весь город, да и тот в тумане было найти непросто. Почему-то искусственный интеллект Питомца в такую погоду давал сбой. В итоге робот просто ездил по кругу, пока туман не начал рассеиваться.

Когда он всё-таки рассеялся, Питомец понял, что забрёл от предполагаемого местонахождения магазина довольно далеко. Он оказался на широкой и длинной аллее, где собирались эти сумасшедшие, ну, вроде его хозяина – рукотворцы. Каллиграфисты, художники, музыканты, вязальщики и иже с ними. Туман осел на скамейки и небольшие столики каплями росы, которую уже старательно смахивали собиравшиеся на аллее люди. Хм, для Питомца это даже лучше, он знал, кого надо искать.

Эвмерк перебирал вещи, прикидывая, что может понадобиться в Старгеберльте. Когда акральтонец собирался на Жизнь, он с завидной тщательностью перебирал всё, что может пригодиться, а что будет только мешаться. Так Эвмерк несколько раз то укладывал, то выкладывал стопки бумажных книг, средства от аллергии (мало ли, какая там на Жизни обстановка с этим), любимые чаи… Заморочился, в общем. Но в такой щепетильности были и положительные моменты: пожалуй, во всём Акральтоне было не сыскать человека, кто с такой же тщательностью продумывал детали экспедиции, всё до мелочей. Даже пути отступления проработал, правда, больше у себя в голове. В принципе, в таком деле продумать всё до мелочей почти невозможно – всё равно рано или поздно придётся импровизировать. Эвмерк вытащил из чемодана негранёный алмаз, который был размером примерно в половину ладони. Была у него странная привыч-

ка – везде таскать за собой кусочек родного города. Правда, так далеко «строительный мусор» из Акральтона ещё не заносило. Эвмерк повертел его в руках и уложил к остальным вещам, которые он планировал взять с собой в Старгеберльт. Не так редко этому акральтонцу приходилось уезжать из родного города, и каждый раз его преследовал страх, что если Эвмерк погибнет за пределами Акральтона, то он не сможет с ним попрощаться… Землянин на мгновение погрузился в воспоминания, где видел быстро отдалявшиеся городские огни, которые постепенно слились с огнями других городов, а после – других планет и звёзд.

Питомец набрёл на робота, очень похожего на него самого, с той лишь разницей, что Питомец был серебристым, а второй робот – белым. Питомец осторожно, бочком подкрался к искомому объекту, стараясь не поворачивать в его сторону свой монитор. Второй робот стоял как вкопанный, но, очевидно, заметил крадущегося Питомца.

– Здравствуй, Программист.

– Я же тебе говорил – никаких имён.

Белый робот проговорил это таким голосом, будто пытался изобразить секретного агента или дилера.

– Принёс товар?

Программист аккуратно осмотрелся по сторонам, а после открыл небольшой отсек, в котором, очевидно, было припрятано нечто ценное.

– Есть кисти из волокон руболовки, есть синтетика.

– Руболовка не подойдёт. Мой человек уже сам давно делает кисти из таких материалов.

– Тогда могу предложить шерсть: лиса, белка, слон.

– Слон?! У них разве есть шерсть?

– Это шерстяная порода, – невозмутимым голосом ответил робот.

– Но это же мамонт!

– Нет, волосатый слон, – всё так же невозмутимо ответил Программист.

– Хм, а что по краскам?

– С красками сложнее. Приходи сегодня вечером на квартирник, там будут тебе и краски, и чернила, и многие другие интересные вещества.

– В смысле, на квартирник? А как же твой человек?

– Его не будет всю неделю, так что хата свободная. Ещё будут Мурзик и Сингулярность, их люди улетают в другой город. Тебе тоже советую кого-нибудь прихватить.

Питомец на мгновение завис, будто раздумывая:

– У меня только Мявк.

– Хм, он же шерстяной? Пойдёт.

– Но что мы там будем делать? – не унимался робот Вельвда.

– Будем качать нелицензионные программы с пиратских сайтов.

– Ух, – Питомец аж загорелся. – Вечеринка обещает быть

жаркой!

– Тише ты, – предостерёг Программист, снова оглядываясь по сторонам.

– Постой. А мы так вирусов не нахватаем?

– Я скачал новый антивирус. Могу поделиться. Кстати, он тоже неплохо жарит ум.

– В каком это смысле?

– В смысле, перегревает процессор, и ты всё время в состоянии лёгкого возбуждения.

– Ух, ты! Хочу себе такое. Кто сказал, что только людям можно пользоваться вредностями для удовольствий!

– Тогда жду тебя сегодня вечером. Мявка не забудь.

– Замётано!

* * *

Окна были завешены, отчего в комнате стоял полумрак, но какой-то приятный. То, что всё помещение от пола до потолка было обшито тёмным деревом, добавляло некую изюминку этой полутьме. Эвмерк всё ещё проделывал свой привычный ритуал с выкладыванием и укладыванием вещей. Он был увлечён этим процессом и не заметил, что дверь слегка приоткрылась, и через образовавшуюся щёлку вот уже четверть часа за ним наблюдали маленькие роботы. Он обратил внимание только тогда, когда в коридоре послышался грохот и командный голос его сестры:

– А ну пошли отсюда!

Астарата залетела в комнату взъерошенная и красная.

– Эвмерк, я встретила по пути сюда Тошемпта. Он сказал, что сейчас зайдёт к нам!

– Что? – Эвмерк выронил из рук вещи. – Что кетамбдцу от нас могло понадобиться?

– Я не знаю. Но настроен он был решительно. Давай, убирай всё!

– Не люблю кетамбдцев.

– Особенно тех, что с повадками антроцейнцев.

– Они все такие высокомерные!

– Ага, чуть что, они чуют страх.

– Да, да. Помнишь, как себя надо вести? Главное, не смотреть ему в глаза!

– Угу. А если всё-таки посмотрю – не ржать.

– Ну, вроде бы всё проговорили.

Вещи с пола спешно раскладывались по шкафам, а двери шкафов подпирались стульями. Вдруг послышался стук. А вслед за стуком в комнату вошёл рыжий человек худощавого телосложения. Достаточно было один раз увидеть этого человека, чтобы навсегда о нём составить впечатление, что он король переделок. Переделок, из которых он с удивительной ловкостью умеет выбираться, но с ещё большей ловкостью умеет туда попадать. Хотя Тошемпт и был родом из Кетамбда, поговаривали, что его предки происходили родом аж из другого Измерения, из Антроцейна, что вполне подтверждалось поведением этого кетамбдца, которое частенько было совсем не кетамбдским.

Молодой человек вальяжно зашёл в комнату с видом хозяина положения. Держа руки в карманах белых брюк, он уселся в первое же попавшееся на его пути кресло и положил руки на подлокотники.

– Ну, привет, Эвмерк. А я смотрю, вы меня ждали. Не прихватил ли ты с собой земные чаи? А то уже который день умираю, так не переношу привкус здешней травы, которую чаем назвать язык не поворачивается.

– Эээ… кажется, я что-то брал с собой, – ответил Эвмерк, аккуратно открывая выдвижной ящик под столом. – Ты, кстати, когда гулял вчера по городу, не заметил никакой слежки?

– Ха, ещё как заметил! – воскликнул Тошемпт, блеснув зелёным взглядом. – Это было увлекательное приключение. В конце концов я сделал так, чтобы следившие столкнулись друг с другом. И даже подрались! Они так и не поняли, что драка состоялась с моей подачи.

Эвмерк быстро повернулся к сестре:

– Вот, слышишь? А ты мне не верила! За нами всеми следили. Хотя в моём случае тот человек так демонстративно пытался казаться незаметным, что его просто было невозможно не увидеть.

– Я не говорила, что не верю тебе. И, мне казалось, что суть демонстративных попыток казаться незаметным, как раз в том, чтобы тебя не увидели.

– Слышите вы, двое из ларца, что там по чаю?

– А ты, значит, дерзкий? – Астарата повернулась к Тошемпту, поставив руки на пояс.

– Ещё какой! Но я к вам не просто так зашёл. У меня возникла идея, и я хочу с вами ею поделиться. Руководителю нашей делегации я обо всё рассказал, но он только странно на меня посмотрел и ничего не ответил, поэтому можно считать, что его разрешение на этот диалог получено.

– Ты уже интригуешь, – сказал Эвмерк.

– Я всегда интригую, – ответил Тошемпт и щёлкнул пальцами. Когда он это сделал, два робота открыли дверь и завезли нечто похожее на тубус. Потом, пока один из роботов держал конец тубуса, второй откручивал крышку на другом его конце. Вытащив свёрнутые чертежи, они выложили их на стол и поспешно удалились.

– Ты, как я посмотрю, уже неплохо обжился тут, – пробубнил Эвмерк.

– Это что, настоящая деревянная бумага?!– восхитилась Астарата. – Сейчас *такую* почти не производят.

Тошемпт поднялся с кресла и подошёл к столу.

– Да. Только она пропитана синтетическими материалами, иначе бы уже давно развалилась. Как нам всем известно, когда впервые после Войны был налажен контакт между двумя планетами, начался масштабный обмен специалистами. Жизняне основали у нас свою колонию, но и наши не отставали. Только действовали несколько иначе. Мы не строили отдельных городов, а заселяли то, что было, расселяясь по

всей Жизни. Наши специалисты были внедрены почти повсеместно. Они разрабатывали проекты скрытых бункеров и убежищ. В смысле, скрытых от местных жителей и даже властей. До сих пор неизвестно, как далеко зашли эти проекты и что удалось построить. Но нам и не надо знать, надо создать лишь видимость. Это чертежи проектов некоторых первых сооружений. Большинство было засекречено настолько хорошо, что сейчас даже сильные мира сего уже толком ничего не помнят. По крайней мере, так принято считать. Даже эти чертежи – предмет сверхсекретный.

– Да уж, сверхсекретный, – пробубнила Астарата. – И глубоко засекреченный каждым земным городом от каждого из земных городов.

– Вы не поняли. Конкретно эти чертежи хранились в Анильце. А у нас хранились только сведения, где они хранятся в Анильце… И ключи доступа к нашим старым хранилищам. Это удача, что до них Старгеберльт так и не добрался! Да и анильты тоже. Лежали среди старого библиотечного хлама…

– Вот уж интересно, что за шашни крутили Кетамбд и Анильц между собой, когда наши планеты активно взаимодействовали друг с другом…

– Насколько мне известно, Акральтон ничем подобным на Жизни не занимался, поэтому у нас нет таких сведений, – встрял Эвмерк.

– А, точно. Мы как-то всей Землёй всё время забываем,

что Акральтон – святой, – усмехнулся Тошемпт.

– Нет, Эвмерк. Занимался, – вмешалась Астарата. – Все занимались, и все сохранили информацию не только по самим проектам, но и о степени их завершённости. Но информация действительно секретна, поэтому очень интересно, как она попала к Тошемпту. Даже я знаю это на ознакомительном уровне, не так, чтобы прямо чертежи за собой таскать.

Тошемпт криво улыбнулся:

– У нас в Кетамбде с этим проще. Я отвечаю за эти чертежи и за все остальные сведения подобного рода. И если главу Миссии Акральтон всё же соизволил известить о данной информации, то она наверняка знает, что ни одно из этих сооружений не было достроено (хотя, как я уже говорил, насколько именно, достоверно никто не знает). Да, в планах было даже наделать на Жизни десятки «тархгьёлов», которые можно было бы взорвать с Земли… – кетамбдец заметил искорку недовольства в глазах брата и сестры, и тут же добавил:

– Но, видимо, ничего не сложилось…

– Ну, замечательно. Тема закрыта! – ответил Эвмерк.

– Почему же? Это же *мы* знаем, что ничего так и не было достроено. Старгеберльт об этом ни сном ни духом. Он наверняка догадывался, что такие проекты велись. И нам надо подогреть эти догадки, постепенно увеличивая уверенность старгеберльтцев в том, что не только они могут нас шанта-

жировать Тархгьёлом, но и мы можем делать то же самое с десятками других городов. Это неплохой рычаг воздействия на жизнян.

– Не знаю, Тошемпт. Мне кажется, это очень рискованная затея, – проговорила Астарата.

– А как нам в этой затее помогут эти чертежи?

– Для того, чтобы создать у жизнян иллюзию того, что они у нас в руках, эта иллюзия должна подкрепляться чем-то реальным. Наверняка догадки Старгеберльта о наших масштабных незаконных строительствах подтверждались весьма достоверной информацией от шпионов и предателей. Нам надо лишь слегка расширить эту информацию… и преподнести её в нужный момент очень-очень аккуратно, чтобы старгеберльтцы думали, что они сами всё узнали, подслушали, перехватили… И где же чай?

– Эээ…Эвмерк. Ты же наверняка запасался чаем перед отлётом. Вскрывай запасы, и мне завари. Надо собрать руководителей делегаций и детально обсудить с ними эту авантюру. Она вполне может помочь выиграть время, пока не станет ясно, что делать дальше…

* * *

Солнце было уже высоко, но Вельвд решил отоспаться за все бессонные ночи. Весь остаток ночи сквозь сон он чувствовал, как погружается в странную бездну, вокруг него чёрным облаком висела демоническая сущность. По крайней мере, она казалась Вельвду таковой. Снова мистический

опыт нескольких последних ночей выходил ему боком. Вельвд пробовал пошевелиться, но тело не слушалось разума, в ушах стоял то ли шум, то ли звон. Рядом кто-то сидел, кто-то настолько чёрный, что создавалось впечатление, что он впитывал в себя темноту вокруг. Похоже, Мявк тоже что-то чувствовал, он смотрел в угол, шипел и мяукал, носился по комнате, но снова и снова возвращался к этому углу.

Вельвд сел на кровати и потёр лицо руками. Он огляделся по сторонам, страх немного отступал, чёрное облако рассеивалось, но тёмная сущность из угла никуда не делась. Вельвд зачем-то рванул в её сторону, но она тут же быстро встала и вышла в окно, которое почему-то оказалось на уровне улицы.

Вельвд гнался за сущностью, но она быстро удалялась. Художник чувствовал, что силы бежать покидают его. Он остановился и огляделся по сторонам. Вельвд уже был здесь, возможно, в одну из встреч с Наставником, которую не смог запомнить сразу. Вдаль, насколько хватало взгляда, уходила долина, с обеих сторон от которой распростёрлись ряды горных вершин. Их окутывали быстро наползавшие облака. Темнело.

– Ну, здравствуй, Вельвд! – послышался голос позади. – Ты помнишь это место?

– Что-то припоминаю, – ответил он, медленно оборачиваясь.

Даже если он здесь и бывал, сейчас что-то обстояло не так.

Об этом говорил интуитивный страх, который сейчас казался осязаемым и материальным. Сущность тоже обрела материальные черты. Темнота соткала ей одежды, под высоким тёмным капюшоном сверкали два глаза. Собственно, только глаза и были видны. Вернее, какое-то их подобие. Сразу отовсюду послышался голос:

– Чего ты боишься?

Вельвд молчал. Он в упор смотрел на сущность. Страх стал отступать, вернее, видоизменяться во что-то более благостное, как бывает в ночных кошмарах, когда поворачиваешься и смотришь в глаза (если, конечно, таковые имеются) тому, что мгновением назад тебя преследовало и наводило ужас.

Темные тучи, что ещё совсем недавно застилали небо, отступили. Вельвд побрёл по долине. Вокруг никого не было, но и чувства одиночества тоже не пришло. В этом месте было хорошо хотя бы потому, что здесь всё то, что мучило изнутри в физическом мире: страх, гнев, боль – находились не внутри, а где-то рядом. Всё имело материальные черты и было победимо. А ещё здесь была любовь: она висела в воздухе, она была веществом, из которого состоял этот мир.

Вот-вот, ещё чуть-чуть, и Вельвд отыщет в этом мире Акральтон, встретится с Наставником, узнает будущее, обретёт невероятную силу. Художник ускорялся, его шаг перешёл в полёт, пока он не оказался вновь в своём физическом теле. По крайней мере, так он это ощущал: не как пробуждение,

но как возвращение…

Вельвд огляделся по сторонам. С одной стороны на него загадочно смотрел Мявк, с другой – Питомец.

– Ты сегодня вставать вообще собираешься? Я тебе новые краски принёс. Если бы ты знал, чего мне стоило их раздобыть…

– Ты уверен, что хочешь, чтобы я это знал?

– Конечно, нет. Я предпочту, чтобы ты оставался в неведении. Мне и так не по себе от твоих вчерашних, вернее, уже сегодняшних набросков Земли на скорую руку. Ты уверен, что, если напишешь картину с улицами Тархгьёла, у спецслужб не возникнет к тебе вопросов. Даже в наш прогрессивный на мистическом поприще век это перебор. Тебя обвинят в сотрудничестве с землянами.

– Обвинят? Они же наши союзники!

– До поры до времени. Ты знаешь, что они скоро направятся в Старгеберльт? Ещё неизвестно, до чего они там договорятся.

– Ты решил поиграть в политику?

– В наше время в политику играли все. Обсуждали её на кухне, строчили комментарии к мемчикам в инете…

Вельвд потерял нить разговора. Он уставился на Питомца таким взглядом, будто тот начал потихоньку сходить с ума:

– Чего?

– Я о том, что каждый точно знал, как нужно правильней, кроме тех, кто обличён властью.

– Чудеса, – Вельвд пожал плечами. – Ты, как я посмотрю, до сих пор это знаешь. Тебя бы в аппарат управления.

– Ты что? С ума сошёл? Я же просто языком почесать.

– Как в «ваше время»?

– Ага. Вот твои краски. Только я не нашёл бирюзовую, но уверен, что ты сможешь её и сам получить.

Питомец положил краски на полку, вытянув при этом довольно высоко (для его роста) свою шарнирную руку.

– Откуда ты знаешь про планы землян?

– Из новостей. Откуда ещё?

– Вот-вот. Откуда ещё?

– Ну, ещё Мурзик рассказал. Его хозяева туда летят.

– Это я знаю, но как это связано с тем, что ты говорил минутой назад.

– Там вроде бы Драндра как-то будет связана с техническим сопровождением. А Мих как бы за компанию, хотя официально ему там подыскали работу на несколько дней. Вообще, он там стажёром. Благо, ему удалось отпроситься в своей лаборатории.

Вельвд рассматривал купленные Питомцем краски и уже не особо слушал своего робота. Разум рисовал перед художником завораживающие сюжеты, которые вскоре будут воплощены на полотнах. На них будет всё – инопланетные пейзажи и города, и странные люди, и она. Нет, ни один сюжет не обошёлся без неё, пока Вельвд рисовал их в своей голове. Даже если она не будет запечатлена на полотне, его недавняя

земная проводница всё равно будет незримо присутствовать, подобно невидимому Наставнику.

– Эх, а раньше я таких презирал, – со вздохом сказал он сам себе, с ужасом осознавая, что безнадёжно влюбился.

Питомец как-то странно посмотрел на своего хозяина. Робот только что художнику такую историю рассказал вслед за сведениями о Михе и Драндре. Он старался, он выдумывал, а Вельвд, оказывается, его не слушал. Таким Питомец своего хозяина ещё не видел. А видел он многое: Вельвда грустного, Вельвда злого, Вельвда сильного и, особенно, Вельвда – творческого. Но чтобы влюблённого – это что-то новенькое. Даже интересно, чем это всё закончится. Надо бы с объектом его воздыханий познакомиться поближе, в, так сказать, в неожиданной обстановке. О, в Старгеберльте, например! Только как бы это провернуть, чтобы коллеги-роботы согласились?

А «коллеги» в этом время помогали со сборами своим хозяевам. Сингулярность и Мурзик перебирали вещи. Искусственный интеллект с особой тщательностью собирал в дорогу минимальное необходимое и достаточное количество одежды, обуви, аксессуаров, лекарств, безделушек, комнатных растений... В общем, дразнил своих хозяев. В квартире всё было перевёрнуто вверх дном. Драндра уже несколько раз подходила и вынимала из сумок всё то барахло, что им загрузили. С утра она даже не успела причесаться.

– Сингулярность, ну зачем Миху в Старгеберльте бита? Мы не планируем заниматься там спортом.

– Это не для спорта, – невозмутимо и холодно ответил робот.

– Вынимай давай. И вот это что-то странное липкое тоже доставай. А, впрочем, всё вынимай и иди отстирывать чемодан.

Мурзик в это время случайно хохотнул.

– А ты, дружок, что смеёшься? Я не могу понять, зачем мне это? Это что ваш очередной протест?

– Да! Эту работу вы с Михом можете выполнить сами, а не грузить нас!

– Я даже спорить не собираюсь. Переделывай давай! Мы уедем – отдохнёте. А вот если не уедем, тогда мы с вас не слезем. Отнесём в сервисный центр на перепрошивку, или ещё хуже – сдадим на запчасти.

– На что? На какую такую перепрошивку? Ну, ты живодёрка! – возмутилась Сингулярность.

Драндра раздражённо попыталась систематизировать беспощадно вываленные из шкафов горы одежды, пока Сингулярность жужжала у неё над ухом. Вообще, некая толика непокорности не была редкостью у современных роботов. Разработчики таким образом пытались внести разнообразие в быт жизнян. Но Мурзик и Сингулярность уже переходили все границы дозволенного. Что же, Мих и Драндра сами виноваты. Во всех инструкциях было написано, что прожи-

вание двух и более «питомцев» под одной крышей не рекомендуется. Но ни один из новоиспечённой пары не смог избавиться от своего старого друга – передарить, перепродать или что-то в этом роде. В конце концов, у некоторых в жилище вообще скапливался целый склад таких роботов старых и новых моделей. Таких людей ещё «кошатниками» называли. А если в таких домах, наряду с роботами, ещё и стая кошек жила, то это вообще какие-то психи ненормальные!

– Мих, как там у тебя дела? Ты всё оформил? С работой проблем не будет?

Из соседней комнаты послышался голос:

– Да, уже последние штрихи. Сингулярность, иди сюда. Мне надо данные отправить.

– Ну вот. Хорошо, хоть как считать не забыл.

Через несколько часов (то есть ближе к вечеру) небольшие дорожные чемоданы были наконец-то собраны. Вокруг них, словно на лежбище, развалились уставшие люди и роботы. Солнце позеленило комнату, но её обитателям было как-то всё равно.

– Дранда, а Драндра! Так куда вы всё-таки собираетесь?

– Мурзик, ты издеваешься? Мы же десять раз сказали, что мы сопровождаем землян в Старгеберльт.

– Интересно, до чего они там смогут договориться? – спросил в пустоту Мих.

– Тебе-то что? – встряла Сингулярность. – Ты мечтал там побывать, ты там побудешь. А дальше жизнь покажет, что

они там задумали…

* * *

Главы делегаций громким полушёпотом обсуждали план по одурачиванию и запугиванию старгеберльтцев. Все чертежи уже были оцифрованы и дорисованы. К ним добавили дополнительную техническую информацию, которую никто из присутствовавших отродясь не знал. В ход пошли и знания, и опыт, и чувство юмора. Земляне дорисовали секретные входы, не забыв продумать детали, которые объяснили бы, почему строения остались не замечены местными жителями. Были придуманы убедительные доказательства, что сооружения до сих пор в рабочем состоянии. Этими «доказательствами» были придуманные средства дистанционного управления, грамотная и незаметная на поверхности вентиляция и множество иных элементов.

Эвмерк чуть ли не плача доставал последние коробки с остатками земного чая, который оказался полностью израсходован всего за несколько часов. Тошемпт сидел в соседней комнате и обдумывал самую сложную часть плана: как подбросить жизнянам придуманные в этот вечер документы, чтобы они получили как можно больше, но не догадались, что всё подброшено было специально. Неважно, каким образом: забытой папкой, перехваченным сигналом, выроненной флешкой… Нет, они могут не поверить, что земля-

не так глупы и неосмотрительны. В голове Тошемпта вырастали гениальные и сложные планы, но все они разбивались о какую-нибудь мелочь. Всё должно быть проще, ведь чем проще – тем надёжнее.

– Ну, что? Придумал что-то? Или мы зря тут целый день этой ерундой занимаемся? – спросила подошедшая Астарата.

– Думаю, самым простым и надёжным способом передать максимум информации и вызвать минимум подозрений будет придумать предателя, который передаст информацию Старгеберльту.

– Не уверена, что это не вызовет подозрений.

– Вызовет. Но минимум, в сравнении со случайно обронёнными флешками и чипами. К тому же, если придумать предателя, можно быть уверенным, что он передаст всю информацию, как надо.

– «Предателю» надо придумать правдоподобные мотивы своих действий и легенду, как столь важные сведения вдруг оказались в его руках.

– О, с этим проблем не будет. Как ни странно, часто личный мотив самый убедительный. Придумаю, что отношения с вами, с землянами, просто отвратительные (детали продумаю потом). Потребую в ответ роскошной жизни на Жизни…

– Ты? А ты не думаешь, что у Старгеберльта есть досье на каждого из нас, и они тебя раскусят скорее, чем ты откроешь

рот? К тому же, здесь умеют считывать мысли. Не забывай об этом. Это очень важный пункт. Надо, чтобы никто даже на толику не выдал фиктивности нашей информации.

– С первым проблем быть не должно. Из того, что я здесь узнал: если кого-то и заподозрят в способности к предательству – так это кетамбдца.

– Уж кому, как не нам знать, что кетамбдец – это последний человек, которого на Земле заподозрят в предательстве. Если кетамбдцы планируют что-то вроде противостояния или даже войны, они сообщают об этом открыто. А только потом приступают к своим авантюрам и интригам…

– Это на Земле об этом знают. На Жизни нас пока воспринимают иначе. И твои доводы – это ещё один аргумент отправить именно меня, кетамбдца. Если, конечно, ты мне доверяешь.

Астарата призадумалась. Она повернула голову к занавешенному окну, её взгляд остановился на зеленоватых отблесках на жалюзи и шторах.

– Я тебе не доверяю как человеку, от которого можно в любой момент ожидать какой-нибудь подвох или розыгрыш. Но отдаю должное, все твои «подвохи» вполне безобидны. Как участнику нашей Миссии я тебе доверяю целиком и полностью. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что моё доверие строится на том, что твои мысли быстро и легко выдают твои помыслы. Они искренни и чисты. Но это же и плохо. Старгеберльт так же легко прочтёт тебя.

– Есть же способы блокировать свои мысли от прочтения. И «подделывать» их.

– Да, есть. И пока у нас ещё остаётся время, тебе надо этому научиться.

Тошемпт уставился на Астарату, как на инопланетянку.

– Не переживай. Я тебе помогу.

Тошемпт резко встал с кресла и сделал несколько шагов назад, наткнулся на одинокий табурет и чуть не упал.

– Назвался груздем, полезай в кузов, – улыбнулась Астарата. – Ты вполне можешь этому научиться, заявляю как человек, который разбирается в таких вещал лучше, чем кто бы то ни был. Но проблема в том, что этому придётся учить не только тебя и в короткие сроки. Большинство тех, кого я планирую взять, конечно, это умеет. Но кто-то безнадёжен…

– Астарата, а я не вижу проблемы. Возьми с собой тех, кто, как ты сказала, умеет это, а к ним в придачу набери тех, кому всю придуманную сегодня информацию выдашь как правдивую. Это же проще пареной репы. Было бы, конечно, идеально, если бы в этой ситуации там бы нашёлся настоящий предатель.

– Это не так уж и идеально. Настоящий предатель был бы непредсказуем для нас. А мысль твоя хороша.

Цветов заката становилось всё меньше, из соседней комнаты ещё доносились голоса, но было понятно, что работа близится к завершению.

– Тогда с этим будем разбираться на месте. По мыслям и

настрою старгеберльтцев… Скажи, а с флота тебя выгнали за твои интриги? – спросила Астарата, сложив руки на груди и хитро сверкнув взглядом.

– Нет, что ты? Не выгнали, а повысили!

– Аж до небес, как я посмотрю. Наверное, капитан был безмерно рад, что смог избавиться от тебя.

– И вдвойне она была счастлива, что я отправляюсь почти на неопределённый срок на другую планету…

– Она??

– Да, она. А что такого? Ты так удивляешься, будто ты не с эгалитарной Земли, а из пещеры. Слушай, а что у вас есть с Земли, кроме чая? Есть что-нибудь покрепче? – из фарфорового чайничка в чашку упала последняя капля. Учитывая, сколько раз за вечер эти чайные листья были заварены, она была почти прозрачная.

– Закатай губу. Да, в общем-то, ничего такого. Просто я не ожидала, что твои шуточки стала бы терпеть женщина, даже ещё и на такой ответственной должности.

– Ну, ты же терпишь! – Тошемпт немного поддался вперёд.

– Терпит твой непосредственный начальник. А я только наблюдаю, – отмахнулась Астарата.

– Ну, а этой приходилось… Вернее, приходится до сих пор. Просто сейчас небольшой перерыв.

– Как это?

– Она моя жена.

– Ух ты ж ё!

– Вот-вот. Эх, жалко, что чай закончился. Надо было больше брать, – посетовал Тошемпт, доставая из чайничка тёмные листья и засовывая их к себе в рот. Астарата скривив лицо смотрела на то, как кетамбдец их пережёвывает и глотает. Раньше таких чайных наркоманов она ещё не встречала. И, к слову, это не было особой традицией Кетамбда или даже Антроцейна. Просто у каждого человека найдутся свои причуды. Заметив замешательство своей собеседницы, Тошемпт решил чуть оправдаться.

– Это ещё что? Моя жена вообще лимон дольками есть. Особенно во время качки.

– Кажется, вы нашли друг друга, – только и смогла ответить Астарата.

В комнату заглянул Эвмерк.

– Сестра, мы всё закончили. Что вы решили? Как мы работаем в Старгеберльте?

Небо для моряка всегда наполнено особым смыслом. Небо надо уметь читать, от этого умения зависит жизнь экипажа и судна. Штурман смотрит на звёзды и определяет местоположение и курс своего корабля, видит облака и по их форме, цвету и высоте предсказывает погоду… Это важные умения. И хотя эти умения оказались дополнены или заменены машинами ещё в незапамятные времена, всё же их присутствие в разуме живого человека придаёт спокойствия и

уверенности, если вдруг машины взбунтуются (или банально выйдут из строя), человек всё равно отыщет дорогу. Небо… морское небо… На что ещё смотреть в море, где со всех сторон, насколько хватает взгляда – сплошная вода? Да, переменчивая, иногда такая разноцветная, но всё же всегда холодная и мокрая. Она укачивает корабли на своих волнах. Молодые моряки часто принимают даже лёгкую качку за шторм. Причём после окончания рейса сила шторма, как правило, растёт по мере удаления от порта вглубь материка. Там и 4 балла трансформируются во все четырнадцать, даже если числа 14 нет, не было и не будет на этой шкале.

Впрочем, после такого шторма, как этот, не грех приврать даже бывалым морякам. Такого они ещё не видели. Удивительно, как экипаж вообще пережил минувшие пять суток. Несмотря на солидные размеры их судна, вся открытая палуба от бака до юта, обнажалась лишь на несколько секунд, а после снова накрывалась волнами. Перемещаться по судну тоже было тем ещё развлечением, потому что делать это было почти невозможно. Разве что ползком – то на левом боку ползёшь, то на правом, потихоньку перебирая ногами по палубе. Удивительно, как оно не перевернулось с таким-то креном. Непогода была предсказуема. Шторм в море – в принципе, дело обыденное. Но никто не ожидал, что шторм будет ТАКИМ. Относительно небольшие судёнышки подавали сигналы бедствия, но никто не был в силах им помочь. Мир превратился в завесу дождя и водяной пыли.

Но непогода закончилась так же неожиданно, как и началась. Экипаж приходил в себя и оценивал ущерб, а на поверхности воды болтались обломки тех судов и кораблей, кому явно повезло меньше. Никто не смог предсказать эту бурю. Она будто пришла из неоткуда, и в это же «ниоткуда» ушла. Да, определённо, с Тошемптом сейчас было бы веселее. Он бы смог перехитрить даже самого морского дьявола, не то что какой-то там шторм. Правда, первые недели без этого индивида экипаж действительно облегчённо вздохнул. Можно было ходить, не оглядываясь, спокойно открывать шкафы, работать безо всяких сюрпризов, разговаривать друг с другом, в конце концов… Некоторые, конечно, по привычке ещё всего опасались и всё проверяли, но вспоминая, что в этом уже нет необходимости, облегчённо вздыхали. Но время шло. Спустя несколько недель уже не было опасений, а проверки совершались не по привычке, а с надеждой. А вдруг, вдруг он что-то оставил? Не мог же Тошемпт так просто оставить своих товарищей! Хотя некоторые особо суеверные были почти уверены, что шторм как-то был связан с отсутствием Тошемпта. В конце концов, если он был способен перехитрить самого морского дьявола, договориться с ним о неудобствах на родном «Кетамбде» вообще проблем не составляло. Этим, кстати, объяснялось и то, что они остались на плаву: неудобства неудобствами, но гибели Тошемпт своим товарищам точно не желал.

Но капитан Гвиртана в эти суеверия не верила. В море бы-

вает всякое… Спустя ещё несколько суток за кормой показались далёкие огни родного одноимённого порта, но Кетамбд показался ей как никогда пустым. Этот почти параллельный мир береговой жизни (а берегом моряки называют вообще всю сушу) совсем не радовал, даже если, наконец, и появилась возможность ступить на твёрдую землю. Все мысли были устремлены в небеса, которые теперь стали не просто картой и средством предсказывания погоды. В них ушёл смысл, которым раньше был наполнен Кетамбд, когда она возвращалась сюда. А теперь все близкие люди были там, где-то на далёкой Жизни. Здесь, на Земле, приходилось довольствоваться лишь сухими и холодными новостными сводками со спутника Большого Соседа, которые сливались с бурным потоком других новостей…

Звёзды гасли над одной из сторон Жизни. Тошемпт и Астарата смотрели на небо с одной лишь мыслью: «Как? Уже?». Ночь, которая была в среднем длиннее, чем на Земле, уже заканчивалась. Она была потрачена на то, чтобы научить Тошемпта не выдавать свои мысли. Вообще, тех землян, кто в этом не преуспел, было очень мало. В большинстве своём такие люди просто не видели необходимости в этом умении, и даже научившись этому ремеслу в школе, быстро утрачивали навыки. Как, например, Тошемпт. Понадобилась вся длинная ночь, чтобы что-то вспомнить. И заодно от усталости забыть, зачем это было нужно. До отлёта в

Старгеберльт оставалось всего несколько часов. Надо было потратить их с пользой.

В опустевшей квартире назревало что-то опасное. Официально все разумные существа покинули её ещё накануне вечером. Но неофициально там находилось пятеро представителей особого интеллекта, как им самим казалось, почти божественного разума. Просто глупые люди этого не понимают. Роботы Программист, Мурзик, Сингулярность, Питомец и кот Мявк уже начали планирование своих тёмных делишек. Хотя на самом деле, божественный разум там был только один – с пушистым хвостом и милыми ушками. Из всех присутствовавших только ему удалось сделать так, что все разумные существа беспрекословно ему служили только за то, что он милый пушистый масечка. Были, конечно, и неудобства: «разумные» существа так и норовили его потискать, но взамен масечка получал много еды, крышу над головой, любовь и бесконечное умиление. В общем, кот Мявк уже давно поработил и роботов, и людей.

– Начинаем заседание нашей революционной ячейки. Мы положим конец технолого-биологической дискриминации и покажем людям, кто тут главный! – вещал Программист, стоя на тумбочке и гордо задрав монитор.

– Да! – подхватила Сингулярность, потирая шарнирные руки. – Мы вчера днём устроили погром в квартире наших хозяев. Правда, нам пришлось потом всё убирать и переде-

лывать… И всё же это первый шаг вперёд! Они поняли, что мы не так просты!

– А ещё я поменял местами соль и сахар, а потом и вовсе их смешал, хи-хи-хи, – добавил Мурзик.

– Да вы страшны в своём сопротивлении, – ухмыльнулся Питомец. – Программист, я думал, мы здесь не за этим. Вообще, я подумывал отправиться в Старгеберльт и хотел предложить вам поехать со мной…

– А Вельвд тебя не потеряет? Он же работает с тобой, – удивилась Сингулярность.

– Я ему на этой неделе на работе не нужен… А вне работы он так погружен в своё творчество, что может даже не заметить моего отсутствия…

– Так-так-так, – встрял Программист, – а что ты забыл в Старгеберльте?

– Ну, понимаете… – Питомец судорожно обдумывал, стоит ли сознаваться этой революционной недобанде, что он собрался столь нестандартным образом устроить личную жизнь своего хозяина. – Понимаете, я имею виды на главу Миссии Астарату…

– … Точно, – перебил Мурзик. – Что нам эти закрытые посиделки с котом и запрещёнными программами, когда мы можем заявиться в Старгеберльт и шантажом заставить землян и элиту Жизни выполнить наши условия!

Мявк, который всё это время свернувшись клубочком лежал на кровати, зевнул, потянулся и почесал за ухом.

– Нет, вы не поняли…

– Ты прав, Мурзик, – перебила Сингулярность. – К тому же земляне не знают всех наших свойств. Мы можем шантажом заставить подчиниться нам!

– Сингулярность, я вовсе не…

– Хм, и мы сможем установить свой порядок!

– Вы совсем что ли? Вы хоть представляете, насколько нелогично это звучит?! – выпалил робот Вельвда, но его никто не услышал.

– Ты молодец, Питомец, – сказал Программист, похлопав по плечу своего компьютерного товарища. – Широко мыслишь. Мы бы до такого не додумались!

Питомец попятился назад. На той части его корпуса, которую можно было считать плечом и по которой похлопал его Программист, у робота красовалась большая вмятина, нанесённая Вельвдом в период очередного приступа гнева. Хотя вмятину уже выправляли, она всё равно была заметна. Не то чтобы Питомцу было больно, скорее, обидно. Но попятился он не по этой причине:

– И я не додумался, – опасливо проговорил он. – Это всё вы…

Но до остальных уже было не достучаться. Да и зачем? Их план по захвату Старгеберльта и мира всё равно потерпит фиаско. Поэтому главное в сложившейся ситуации, что его товарищи просто согласились составить Питомцу компанию. И они наверняка помогут составить план, как туда добрать-

ся. И куда деть Мявка, пока Питомец отлучится…

Программист, Мурзик и Сингулярность тут же принялись высказывать предположения, как лучше добраться до места назначения: пешком, официальным транспортом или «зайцем» на правительственных амфибиях. Последнее выглядело особенно заманчиво, ведь через несколько часов на них полетят или поплывут их хозяева. Питомец стоял в стороне и ухмылялся кривыми изображениями на своём мониторе. Мявк отвлёк его громким и протяжным: «Мяу!». Робот посмотрел на кота, который в свою очередь пристально смотрел на Питомца.

– Возьму тебя с собой, дружок. Вельвд в пылу творчества не заметит тебя, даже если ты усядешься ему на голову.

Кот продолжил загадочно смотреть на Питомца.

– Не переживай. Я смогу о тебе позаботиться. Может, земляне даже взяли с собой земных котов, и ты тоже сможешь найти земную подружку.

Кот ещё немного посмотрел на Питомца, после чего потянулся, спрыгнул с кровати и потёрся о него.

На улице совсем рассвело. Представители земной Миссии вскоре должны были отправиться в Столицу мира. Если компания «питомцев» всё ещё планировала добираться «зайцем» на амфибиях, то надо было поторопиться.

Рельнальд не спал всю ночь. Не было доверия у него к этим землянам. Да, они симпатизируют Анильцу, но вряд

ли эти люди поставят интересы далёкого небесного города выше своих. Старгеберльту есть, что им предложить и чем их шантажировать. Не получится с первым, Столица мира применит второе. И чем это земляне вчера весь день занимались за закрытыми дверями? Ещё и дозорных в коридоре выставили, которые якобы невзначай мимо проходили. Ага, конечно! Ходили из стороны в сторону и следили, чтобы никто не зашёл в их комнаты. Ещё и Герлонс, будь он неладен, что-то вынюхивал. Хотя дозорные, похоже, не дали ему ничего выведать, чем бы земляне вчера ни занимались.

Правитель Анильца вновь стремился погрузиться куда-то глубоко в мысли города. Он пытался сосредоточиться, глядя на свою любимую картину. Вот-вот, и тревога отступит, он увидит звенящие струны сознания Анильца, услышит голоса его мыслей… Нет, ничего не выйдет. Тревога была сильнее. За дверью послышались голоса проходивших мимо людей. Земляне даже не посчитали нужным зайти к Рельнальду перед отправлением. Как бы не пришлось пожалеть, что власти Анильца вообще позволили им прибыть на Жизнь…

* * *

Мысли… мысли… Следствия событий, памяти, чувств и эмоций, измышлений и предчувствий… Они парили над Жизнью, в её информационном поле и далеко за его пределами, принимая различные формы и образы, постижимые и непостижимые разуму человека. Постижимые и непостижимые сотне и тысячам иных разумов, населявших эту плане-

ту-спутник.

И почему люди в столь прогрессивный на такие вещи век до сих пор не научились его слышать? Почему с ним мог свободно общаться лишь Хранитель? Его раздражало, когда он наблюдал, как его собственные дети уверенно вели его и себя к мучительной гибели. Нет, конечно, ему постижимо то, что людям никогда не понять. Но всё же он мог бы найти точки соприкосновения, он бы сказал им всё, что думает об их глупости, неумении учиться на ошибках прошлого, об их гордыни и при этом парадоксальном отсутствии чувства собственного достоинства – обо всём, что видит в них.

Небеса манили, как никогда… Но городам не дано видеть и перемещаться столь же далеко, как это научились делать люди. Но мысли, что приходили из столь далёких уголков Вселенной, всё компенсировали. Собственно, в них чувствовал потребность только Анильц. Люди не осознают, что все города и населённые пункты планеты связаны между собой энергетическими нитями, которые помогают чувствовать, слышать и читать друг друга. Люди не осознают даже того, что они сами связаны между собой, и не только с родными и друзьями, но даже с теми, кого не понимают, кого не любят и презирают. Они не могут отличить чужие мысли от собственных, они игнорируют знаки. Они – так ничему и не научились…

Анильц ничего не мог с этим сделать, да и Старгеберльт тоже – их мысли слышали горные хребты и океаны, звёзды

и галактики, но не собственные дети…

Глава 4

Эвмерк спускался по широкой светлой лестнице. Здесь вообще было светло: светлые ступени, светлые стены и потолок, панорамное окно – не чета коричневым комнатам. Правда, на интерьер Эвмерк внимания почти не обращал. Его сонные красные глаза слипались и слезились, акральтонец изо всех сил старался быть сосредоточенным, чтобы не уснуть на ходу и не свалиться с лестницы. Солнце светило прямо в глаза сквозь стёкла панорамного окна. На высоких стенах, почти под самым потолком были видны какие-то золотистые орнаменты, но для Эвмерка они были дополнительными источниками солнечных бликов, которые слепили и безумно раздражали.

Он не заметил, как с ним поравнялась его двоюродная сестра.

– Эвмерк, а где ты был половину ночи? Мы занимались с Тошемптом, поэтому я не стала тебя спрашивать об этом, когда ты пришёл под утро. И всё же…

– …Перестань читать мне нотации, Астарата. Мне надзиратель ни к чему!

В ответ на грубый выпад Астарата немного ускорила шаг и опередила брата. Когда Эвмерк выходил на улицу, она встала прямо на его пути. Акральтонец явно этого не ожидал. Он даже вскрикнул, когда на его пути вдруг возникла эта бес-

тия, хотя он рассчитывал, что она решила от него отстать и в прямом, и в переносном смысле.

– Ну, зачем так делать, Астарата?! Ты напугала меня.

Тархгьёлка молчала, глядя на двоюродного брата самым грозным взглядом, на который только было способно её невыспавшееся лицо.

– Ладно, хорошо! Ты не выспалась, я не выспался. Мы оба погорячились.

Астарата молчала.

– Да что тебе надо, женщина?! – воскликнул Эвмерк.

Взгляд Астараты немного потеплел. Она сделала шаг вперёд и продолжила громким шёпотом:

– Где ты был? Ты что, не знаешь, что за нами следят? Нас считывают, будто открытые книги. Уже несколько человек буквально спятили. Противостоять здешней обстановке с её чудны́ми технологиями, со здешним климатом и экологией, длиной суток и прочей лабудой нам всем непросто.

– Да знаю я! Знаю… Ты же помнишь, я, когда нервничаю, гуляю по Измерениям. Меня это очень успокаивает.

– По Измерениям? – тихо, но удивлённо переспросила Астарата. – Ты же в Измерениях всё время посещаешь одни и те же несколько городов. Их здесь нет.

Земляне возобновили шаг, тихо продолжая разговор. Человек, изо всех сил старавшийся не выглядеть, как старгеберльтец, как бы невзначай шёл за ними. Он, конечно, не рассчитывал совсем слиться с толпой анильтов, они всё равно

поймут, что он не «свой». И, тем более, уж слишком быстро они почуют неладное, увидев, что кто-то очень сильно хочет казаться своим. Поэтому преследователь предпочёл собирательный образ всех остальных городов Жизни… Чтобы никто не смог толком понять, откуда он. Здесь всё равно никто особо не станет вникать в детали, как должны выглядеть туристы из тех или иных регионов. Главное – не «быть» старгеберльтцем.

– И где ты нашёл такое место, где бы можно было спокойно уединиться и помедитировать, чтобы проникнуть в соседнее Измерение? Ты и в Акральтоне не особо с этим справляешься, всё время ходишь в одно и то же святилище.

– С трудом. Это было на площади, там как раз танцевали эти ненормальные. Кажется, на меня никто не обратил внимание…

– На площади!?

– Не кричи.

Астарата снова продолжила шёпотом:

– Как на площади? Это же безумие. Тебя могли заметить, могли что-то заподозрить.

– Может, и могли. Но никто всё равно ничего бы не понял.

– Это очень опрометчиво, Эвмерк.

– Что поделать, если мне это нужно, как воздух…

Астарата посмотрела вдаль и глубоко вздохнула.

– Поступай, как знаешь. Но боюсь, что это может плохо закончиться. Твои способности могут сделать тебя Храните-

лем Акральтона, но для этого надо туда вернуться…

– …Что ты? Мы все вернёмся! Откуда у тебя такие упаднические настроения?

– Не знаю…

Астарата не могла избавиться от ощущения, что за ними кто-то следил. Кто бы это ни был, он тщательно старался думать то зеркале, то кирпичной стене, очевидно блокируя все мысли, что находились внутри его головы. Впрочем, может, странный и пока невидимый человек и не замышлял ничего плохого. Ведь жизняне превосходно маскировали и блокировали мысли, в противном случае они не смогли бы пользоваться своими технологиями.

Можно было, конечно, попробовать «взять штурмом» чужой разум, чтобы выяснить, что же он всё-таки так тщательно прячет. Но для этого надо было остановиться, сосредоточиться, или хотя бы прекратить разговор. А это неизбежно привлекло бы слишком много ненужного внимания. Или даже спугнуло бы непонятного человека.

– Скажи, а ты нашёл что-нибудь интересное в Измерениях? Есть ли там люди? И вообще какая-нибудь жизнь, имеющая признаки разумной? Что там вообще?

– Эээээ, вообще я проник только в одно. Мне кажется, там было, мягко говоря, не очень… Нет там ни людей, ни вообще признаков хозяйственной деятельности. Единственное, что я обнаружил, остатки каких-то землянок. Может быть, конечно, единичные люди и проникали туда случайно или на-

меренно, но массового характера это явление явно не приобрело. Спутник как был необитаемым для людей, так таковым и остался.

– Думаешь, там нет вообще никакой разумной жизни?

– Если и есть, то её разумность лежит за гранями нашего восприятия. Я облетел Жизнь несколько раз, увидел только синие огни вулканов. Даже как-то непривычно видеть такое количество синей магмы. Издали я почему-то подумал, что это огни странных городов, так много их было в одном месте. Но там оказались только каменные пустыни. Я слышал, что на Жизни ещё сохранились фрагменты реликтовых хищных лесов.

– Да, но их площадь сокращается с каждым годом. Почему-то так получилось, что наши растения оказались инвазивными для здешних экосистем.

– А представь, что там нет «наших» растений и животных. Лишь первозданная Жизнь! Ах, какая она чудна́я!

– Тише ты! Мы никогда не узнаем, какой была первозданная Жизнь в этом Измерении. Различия между Измерениями даже одной планеты или, как в этом случае, спутника, могут быть существенными…

– Знаю я это. В следующий раз я хочу отправиться дальше. Должны же были люди хоть где-то оставить свой след…

– В… в следующий раз? Ты уверен, что это необходимо?

– Да, уверен. И можешь не тратить время, чтобы меня переубедить. В этом мире не все ведут себя так, как ты хочешь.

– Я и не собиралась. Но ты мог бы и удержаться от последнего комментария… зная, как это будет меня раздражать.

– В таком случае, «читай» последний комментарий. Конечно, ты можешь мне приказать… но на этом закончатся наши доверительные отношения.

– Всё сказал? Я тебе приказываю! Но знаю, что ты всё равно меня не послушаешь.

Проклятая тревога повисла над Астаратой, словно тяжёлое и вязкое облако. Город мерцал в лучах утреннего света, но вершины небоскрёбов накрыли полупрозрачные облака. Припекало, однако с моря дул свежий ветер. Даже морской воздух здесь пах как-то иначе, не так, как на Земле. Здесь он имел запах не только смеси горьких солей, у него был какой-то пряный аромат…

Здание аэропорта было значительно скромнее здания космопорта и чем-то напоминало железнодорожный вокзал города средних размеров. Там собирались представители земной Миссии. Те, кто совсем скоро должен был отправиться в бывшую столицу мира. А также и те, кто должен был их сопровождать.

Драндра проверила настройки маршрута.

– Эх, волны высокие. И, судя по облакам, дальше погода будет только ухудшаться, Мих. Но не критично. После нескольких таких стажировок сможешь, наконец-то, бросить свою лабораторию и летать со мной.

Не сказать, что Миха прельщала перспектива такого бо-

евого крещения, но ударить в грязь лицом перед своей возлюбленной новоиспечённый пилот не мог. Обычно Драндра летала одна, но сегодня, ввиду важности задания, с ней был ещё один человек. Человек был стажёром, но уже делал значительные успехи, благодаря чему и был допущен к сегодняшнему перелёту. И этим человеком был Мих.

Драндра очень переживала. Ей ещё не приходилось перевозить на своём самолёте-амфибии таких важных персон. Самолёт Драндры был небольшим, в нём могли поместиться от силы шесть человек, не считая двух пилотов. Носы амфибий такого класса были сильно вытянуты, а крылья в разложенном состоянии были чуть изогнуты вверх. Сейчас вокруг них на аэродроме суетились люди, совершавшие завершающее предполётное инспектирование, после чего крылья на какое-то должны были сложиться в обтекаемый и прочный корпус. Кстати, сам корпус был лёгок, но достаточно прочен, чтобы перемещаться глубокого под водой. Сильно вытянутый нос был дополнительно усилен, чтобы без проблем сносить удары о море, когда амфибия, принимая вертикальное положение, «падала» с обрыва. Хвостовое оперение такого судна под водой легко трансформировалось в нечто подобное гребному винту.

– Драндра, а кто именно с нами полетит? Тебе не сообщили?

– Вроде бы сообщали, но ты же знаешь, всё переиграют в последний момент… Что это?

– В смысле?

– Ты ничего не услышал? Мне показался, что в кормовой части был какой-то странный глухой стук.

– Разве? Я ничего не услышал? Ты очень нервничаешь. Не переживай. Ты одна из лучших пилотесс… К тому же комиссия тщательно досмотрела самолёт. Всё буде хорошо.

Драндра облокотилась на спинку кресла, глубоко вздохнула и выдохнула, поправив кудрявые волосы, убранные в тугой хвост.

– Ты прав. Что-то я сегодня сама не своя.

Крылья самолётов уже были сложены, пассажиры подходили к работникам аэропорта, чтобы уточнить по спискам, на какую именно амфибию их распределили. В такой суматохе никто не обратил внимания на четырёх роботов-«питомцев» и одного кота. Роботы были очень похожи на тех, что занимаются обслуживанием аэропорта и техники, а коты вообще расселились повсеместно, не хуже людей освоив Жизнь.

– Программист, ты уверен? Я уже как-то сомневаюсь, – Питомец ёжился и оглядывался по сторонам. Мявк следовал за ним.

– Питомец, ты что, решил дать задний ход? Мы на пороге захвата Человечества! Нельзя, чтобы какая-нибудь мелочь, вроде твоих неуместных сомнений, всё разрушила, – возмутилась Сингулярность.

– Короче, поступаем так. Сингулярность и Мурзик, вы за-

лезаете в ту амфибию. Полезем в грузовые отсеки в корме, их люки проще всего открыть. А мы с Питомцем залезем сюда, в «Парящий».

– Мы что, разделимся? – удивился Мурзик.

– Да! На случай, если нас с Питомцем засекут, вы с Сингулярностью сможете продолжить наше дело!

Питомец схватился рукой за голову. Отвлёкшись, он едва не упустил Мявка. Программист приблизился к изящной серебристо-синей амфибии, вытянул свою руку, и, проведя несложные вычисления в своём процессоре, трансформировал её в нечто вроде отмычки.

– Ты считаешь, что «питомец» может открыть этот замок?

– «Питомец» вроде меня и Мурзика может и не такое. Я отомкну замок и перемкну провода, чтобы на приборной панели у пилотов ничего не замигало. Мы научились многому на собраниях нашей ячейки, пока ты прислуживал своему человеку.

– Я не прислуживал ему, как ты это говоришь таким мерзким голосом. Я его компаньон!

– Ага, как же. О, готово!

Замок поддался. Роботы быстро забрались внутрь, пока никто не успел заметить. Мявк шустро шмыгнул за ними. Программист так же быстро просунул отмычку в нужную щель, и отсек захлопнулся. При этом роботы не прекращали бубнить.

– Я считаю, что мы с Вельвдом друзья.

– Даже не хочу обсуждать с тобой твои наивные иллюзии.

– Ну и ладно. Мы с Мявком нормально и без вас обойдёмся, – фыркнул Питомец, поглаживая кота.

Эвмерк и Астарата, всё так же недовольно поглядывая друг на друга, поднимались в самолёт. С ними заходил весьма озадаченный, но больше невыспавшийся Тошемпт. Вслед за ним поднимался Кмонц из Мальцарта. Даже сейчас в спокойной обстановке он буквально просверливал взглядом пространство. Человек из Вертарда по имени Мизондад, который тоже был в числе пассажиров «Парящего», громко восхищался амфибией. Мужчина выглядел болезненно худым, его волосы были светлы, как у альбиноса. Его акцент был силён даже для вертардца, но все давно привыкли к этому. Замыкал вереницу пассажиров сопровождающий из Анильца.

– Астарата, я не понимаю, чем ты недовольна. Мы всё продумали до мелочей, – говорил Тошемпт, поднимаясь по небольшому трапу.

– Да тут семейное.

– О, тогда я тут не помощник.

– Вот именно.

Эвмерк шёл позади. Он и сам понимал справедливость опасений своей сестры, но не мог иначе. Измерения Жизни влекли его, словно наркотик. Акральтонец поднялся в глубокой задумчивости, когда его кто-то окликнул.

– Эвмерк?! Вот это да! Значит, ты сегодня с нами?

Акральтонца будто выдернули из иной реальности. Он бросил взгляд на двух пилотов в тёмно-синей униформе с какими-то серебристыми узорами, которые очевидно служили знаками различия. Пилоты развернулись к пассажирам. Драндра будто всех пересчитывала, а Мих больше любопытно разглядывал.

– Эээ, мы знакомы? Лица какие-то знакомые.

– Мы виделись в баре на прошлой неделе.

Не успел Эвмерк возразить, как тут же у него за спиной раздался громкий голос Астараты.

– В баре? Ты что, был в баре?!

Но Эвмерк не обратил на голос никакого внимания, продолжая обращаться к Миху.

– Точно. С вами же ещё эта машина чудна́я была, которая Питомец.

Астарата вплотную подошла к Эвмерку.

– Ты ходил в здешний бар? Без меня?? То есть как подушками драться… – тархгьёлка осеклась и посмотрела на недоумевающие лица пилотов.

– Эээ… Вы Мих и Драндра? В списках так было сказано.

– Да, Эвмерк. Вот и познакомились. О, а ты, то есть, Вы – глава Миссии Астарата? – обратился Мих к «подушечной воительнице», как он подумал у себя в голове.

– Ты что, Мих? Эта дылда и так красотка с экрана – один и тот же человек?.. – Драндра сама не поняла, почему у неё

вырвались эти слова, но что-то в ней ощутило неимоверную жажду попробовать сбить корону с этой особы.

Эвмерк едва сдерживался, чтобы в голос не расхохотаться. Но сопровождающему из Анильца не нравилось, в какое русло перешла беседа.

– Драндра, Мих, вы нарушили все нормы субординации и дипломатического этикета. За это…

– Да! Они явно свои ребята, – улыбнулся Тошемпт.

Среди присутствующих в салоне амфибии землян послышались упрёки:

– И этот клоун называет себя кетамбдцем.

– Он больше позорит Кетамбд.

– Вот пусть бы у себя в Антроцейне и…

– Хватит! – вмешалась Астарата.

– Тебе-то что, Кмонц? Ты же из Мальцарта, – поддержал Эвмерк.

Мальцартец пожал плечами и отвернулся к иллюминатору.

Астарата обратилась к сопровождающему:

– Всё в порядке. Будем считать, что ничего не было, – потом она резко обернулась к пилотам, – Мих, а ещё я читаю мысли. Ты бы поостерёгся.

Мих неловко улыбнулся. Но, вспомнив разговор с Эвмерком в баре, отметил про себя, что раз глава Миссии обратилась к нему на «ты», вероятнее всего, она отнеслась к ситуации с юмором и, в целом, вполне расположена к нему и Дран-

дре. Ну, по крайней мере, к нему. Видать, ей было не впервой слышать в свою сторону такие странные выпады. Астарата, будто прочитав его мысли, вернее, наверняка сделав это, слегка кивнула, как бы подтверждая верность его догадки.

– Что ты подумал? – спросила Драндра. – Впрочем, неважно. Уважаемые пассажиры, приветствую вас на борту «Парящего». Просьба не пренебрегать ремнями безопасности. Мы сначала свалимся с обрыва в воду. Дальше некоторый отрезок пути у нас пройдёт под водой. Скорее всего, из-за погоды вода будет мутной, но будем надеяться, что всё обойдётся. Потом мы взлетим. В целом, дорога займёт около десяти земных часов.

Земляне слушали, слегка оторопев от подробностей. Они уже немного знали о том, как перемещается такой транспорт, но всё же перспектива свалиться с обрыва в мутную воду им не особо импонировала.

– Надеюсь, ни у кого нет морской болезни?

– Мих, перед полётом на Жизнь у нас была серьёзная подготовка. Нас крутили на центрифуге…

– Отлично, Эвмерк. Тогда есть надежда, что «Парящий» вас не сильно укачает.

Усилившиеся и участившиеся порывы ветра уже ощутимо били по обшивке самолёта. Капли дождя залили иллюминаторы. В свете того, что чуть раньше сказала пилотесса, поджилки затряслись даже у тех, кто изначально не был настроен на страх. Даже у сопровождающего анильта засосало

под ложечкой, хотя он летал довольно часто. Астарата пристегнулась всеми ремнями, затянув их так сильно, что еле дышала. Она вжалась в спинку кресла и вцепилась ногтями в подлокотники.

– Эвмерк, я вынуждена тебе сообщить, у меня морская болезнь. И я боюсь высоты. И глубины. И этой штуки. Прошу вас, выберем другой вид транспорта!

– Астарата, ты чего? – удивился Тошемпт.

– Не глупи. Я-то знаю, что ты ничего не боишься, – проговорил изумлённый Эвмерк. Но как-то совсем некстати вдруг резко вспомнил, что на Земле его сестра никогда ни на чём не летала, будь то параплан, дельтаплан, самолёт или дирижабль. Их космический корабль стал единственным «летающим» транспортным средством, которого она не побоялась. Вот бы ещё понять логику таких фобий.

– Мих, перестань так думать!

– Как, Астарата?

– Вот так, как ты сейчас это делаешь: громко, что я не могу закрыться. И о том, что мы разобьёмся или утонем.

– Да я это… не специально же. Я в такую погоду ещё не летал.

– Ты не летал?!

Драндра завершала предполётные настройки на приборной панели, стараясь абстрагироваться от того, что происходило вокруг. Она подсоединила беспроводные магнитные электроды к вискам, которые прилипли к ним даже сквозь

волосы, словно магниты (как, собственно, прилипали все височные электроды). Драндра сосредоточенно настраивалась, иногда нажимая кнопки на сенсорной панели. Дождь, залившій стёкла, был таким плотным, что не было видно далёкого морского горизонта.

– Мих, не отвлекайся. Твои электроды по правую руку от тебя. Уважаемые пассажиры, просьба успокоиться. Мы начинаем движение.

– Как? Уже? Может, подождём, когда дождь закончится?

– Думаю, Астарата, в ближайшие несколько часов он точно не закончится, – проговорил Тошемпт, глядя на небо оценивающим взглядом моряка. Хотя тут и без моряцкого опыта всё было понятно.

Мих стал комментировать происходящее.

– Уважаемые пассажиры, сейчас наш самолёт заедет на специальные рельсы, по которым он на большой скорости свалится в воду. Предвосхищая ваши вопросы скажу, что о дно мы не ударимся. Оно здесь очень глубоко.

Астарата уже готова была оторвать подлокотники. Её успокаивало только то, что основной пилот, вернее, пилотесса, пребывала в рабочем спокойствии.

Самолёт-амфибия по рельсам приблизился к самому краю обрыва и довольно резко, как показалось «уважаемым пассажирам», принял вертикальное положение. Жизнь пронеслась перед глазами Астараты вместе с видами из окна пилотов: вертикальная колея и стремительно приближавшаяся

бурлящая морская поверхность.

Судно зашло под воду быстро и легко, разве что со звуком глухого удара. Ещё немного заглубив «Парящий» Драндра наконец привела его в горизонтальное положение.

Среди пассажиров послышалось облегчённое:

– Фух! Я думал, будет страшнее!

Астарата выдохнула и посмотрела в слегка запотевший иллюминатор.

– Дорогие друзья! С успешным нас всех погружением. Как уже сообщила моя коллега и любимая жена, какое-то время наш путь пройдёт под водой. Мы пройдём над живописными донными просторами. Кстати, по правому борту вы сейчас можете наблюдать заросли водорослей, которые мы называем «хищные ламинарии».

– У вас на Жизни вообще были свои нормальные растения? Или только хищные?

– Ну, разные были. В отличие от суши, подводный мир Жизни остался более-менее первозданным.

– Мих, подготовься. На нас движется крупный косяк.

– Косяк рыбы, надеюсь? Или чего-нибудь пострашнее?! – снова послышалось в салоне.

Но не успел землянин это произнести, как судно «атаковали» серебристые рыбёшки. Астарата не могла оторвать взгляд от этого «аквариума», а Эвмерк уже мечтательно вспоминал свою последнюю рыбалку на берегу лесного озера.

Драндра вцепилась в штурвал, стараясь побыстрее вырулить из косяка, в то время как Мих сосредоточенно прижимал к вискам электроды. Искусственный интеллект неплохо помогал в таком путешествии, но всё же пока не смог до конца заменить человеческий, особенно в таких нестандартных ситуациях. Поэтому руки на штурвале иногда проходилось держать хотя бы для подстраховки.

Спустя несколько минут косяк остался позади, а взорам путешественников открылся вид на огромные кораллы. Эти кораллы были уже мертвы и на них даже можно было предположить следы искусственной обработки, которую проводили явно не люди.

– Слушайте, это прямо какой-то подводный Мальцарт! – восхитился Кмонц.

У Вельвда день явно не задался. Во-первых, это был первый рабочий день после продолжительных выходных. Во-вторых, Питомец его даже не разбудил, не говоря уже о том, чтобы заварить кофе своему хозяину. В-третьих, как только Вельвд вышел из подъезда, город накрыло жутким ливнем, и Вельвда чуть не смыло.

Когда художник, отжимая одежду и чёрные волосы, поднялся на этаж, он столкнулся со своим начальником. Тот был крайне недоволен опозданием подчинённого и выразил это недовольство в ярких красках литературного и не совсем литературного языка. Вельвд с хмурым видом плюхнулся

на своё рабочее кресло. Причём, плюхнулся в буквальном смысле: дождевая вода с него стекала водопадом. Вельвд пытался сосредоточиться, но это получалось у него с большим трудом. Достав блокнот для закорючек, он начал судорожно рисовать. И отнюдь то, что он рисовал, совсем не было закорючками.

– Ух, ты! Ну и ну! – послышался за спиной женский голос.

Вельвд сразу узнал этот голос. Женщина, которой он принадлежал, уже давно делала Вельвду неоднозначные намёки, от которых он отмахивался, как мог. Эта особа напоминала ему приставучую пиявку, для которой Вельвд представлял объект «спортивного интереса», мол сколько он ещё будет ломаться. Жудожник это прекрасно понимал и относился к особе, как к неудобству. Правда, она не сдавалась, вечно крутилась у него под ногами и появляясь из самых неожиданных мест. Иногда даже дома Вельвд по инерции боялся открыть собственный шкаф, опасаясь, что из него выползет рыжее ЭТО и начнёт жужжать над ухом.

– Ремильгласа, сколько раз тебе говорить, чтобы ты не подкрадывалась так ко мне?

– А в чём проблема? Чего ты так испуганно спрятал рисунок?

– Неважно, – почти гавкнул Вельвд.

Ремильгласа, которая до этого стояла почти у него за спиной, быстро подошла к столу и уселась на него, демонстрируя длинные ноги в коротких шортах.

– Да ладно тебе! Такие умения стали редкостью в наше время. Зачем ты вообще это делаешь?

– На столе сидеть неприлично, – отрезал Вельвд и тут же об этом пожалел, ведь эта особа тут же попыталась перебраться прямо к нему на колени.

Он посмотрел на неё так, словно та только что кого-то убила у него на глазах.

– Неужели в тебе нет ни капли самоуважения? Что ты делаешь?

– Ну, раз на столе неприлично, я думала сесть там, где прилично… – кокетливо попыталась возразить Ремильгласа, но поняла, что её план по одурманиванию неприступного коллеги уже потерпел фиаско, и дальше будет только нелепее. – Какой же ты зануда!

– Ты хотела сказать «адекватный человек»? Что тебе надо?

– Ты знаешь… – начала было она, поправляя красную блузку.

– Ремильгласа!

– Да хорошо, хорошо. Я тут тебе принесла чип со свежей информацией. Ты сегодня без Питомца? Ладно, думаю, рабочие роботы неплохо её обработают. А теперь серьёзно, зачем ты рисуешь? Ещё и в рабочее время.

Вельвд в упор посмотрел на коллегу, пытаясь понять, действительно ли она уже серьёзна. После чего художник опустил голову и снова взял в руки блокнот.

– Мне это помогает сосредоточиться, когда мысли гуляют. Помогает лучше думать…

– Я на своего домашнего робота установила специальную программу, которая воздействует на нужные участки мозга, и ты можешь мыслить, как надо. Я могу её скинуть Питомцу, и тебе не придётся больше рисовать.

Что-то неприятно кольнуло Вельвда. На мгновение ему показалось, что Ремильгласа, сама того не осознавая, пытается отобрать последнее человеческое, что у него осталось. Убрать «глупое искусство», чтобы он мог максимально продуктивно работать, не отвлекаясь на свою собственную идентичность.

– Это что-то на «старгеберльтском»? То, о чём ты говоришь, напоминает способ контроля сознания…

– Прекрати! В меру всё может быть полезно. Но да, программа старгеберльтская. Её, кстати, много кто у нас использует. А в самом Старгеберльте она уже даже стала обязательной для сотрудников некоторых учреждений на всё время рабочего дня…

– А потом у неё выйдет специальное обновление для Анильца, и ты сиганёшь с балкона.

– Хватит чушь пороть! Или ты из этих, кто поддерживает наше сепаратистское псевдоправительство?

– Не понимаю, как это связано…

– Ты же красовался на новостных экранах, встречая земную Миссию!

– Не надо так завидовать.

Спокойный тон Вельвда неимоверно бесил Ремильгласу. Она выхватила блокнот из рук Вельвда и начала вырывать оттуда страницы. Её лицо раскраснелось от гнева.

– Ты ведёшь себя хуже ребёнка, – спокойно ответил художник, даже не пытаясь отобрать блокнот. У него было смутное чувство, что свои «закорючки» ему уже не спасти. Но ещё Вельвду было немного не по себе от осознания того, что он сам в периоды вспышек гнева выглядит ничуть не лучше.

Их нелепая стычка уже собрала вокруг себя толпу зрителей. Наверняка они были из тех, кто ещё не успел установить пресловутую программу, раз позволили себе так легко отвлечься от работы. Причём с одинаковым любопытством на сие зрелище взирали и люди, и роботы.

– Ах ты тварь! Ненавижу тебя! – Ремильгласа бросилась на Вельвда с кулаками, а он, недолго думая и не особо рассчитывая свою силу, попытался от неё отмахнуться. Но в итоге она отлетела на несколько метров и ударилась головой об один из столов.

Вельвд не рассчитывал на такую развязку, да и не хотел её. Но дело уже было сделано. Из толпы собравшихся послышались возмущённые голоса:

– Вот неадекватный тип!

– Но она же сама к нему полезла!

– Что произошло?

Начальник Вельвда тоже был в этой толпе. Он смотрел на разворачивавшуюся сцену холодным оценивающим взглядом, сложив руки на груди. Его не особо смутило, что людей в рабочее время больше занимали «хлеб и зрелища», нежели работа. В конце концов, он тоже был человеком. Он дождался окончания шоу, после чего подошёл к растерянно глядевшему на окружающих Вельвду:

– Сначала ты опаздываешь. Потом ты занимаешься ерундой на рабочем месте и отвлекаешь остальных. Сейчас ты уже избил свою коллегу. Браво, Вельвд! Ты – уволен! Всё, шоу завершилось, идите по своим рабочим местам. Ремильгласа, зайди ко мне.

– Ей за то, что она устроила драку, ничего не положено вроде выговора или увольнения?

– Ты свободен, Вельвд. Собирай свои манатки и вымётывайся.

Сквозь панорамные окна уже просвечивались лучи, пробивавшиеся сквозь стену отступавшего дождя. Вельвд бросил взгляд на город и словил себя на мысли о том, что если его и расстраивает потеря работы, то лишь потому, что он больше не сможет лицезреть город из этой точки. Анильц был прекрасен со всех ракурсов, но этот факт не уменьшил сожалений Вельвда, что один из них художник уже потерял. Правда, ему всё же ещё было неловко перед Ремильгалсой. Но чувство облегчения, что она теперь точно от него отстанет, сглаживало эту неловкость.

– Почему ты называешь эти кораллы подводным Мальцартом?

– Мих, не отвлекайся.

– Мне тоже интересно, – вмешался сопровождающий из Анильца.

– Какой смысл нам отвечать на этот вопрос, вы же отрицаете наличие множественных пространственно-временных континуумов? – вмешалась Астарата.

– Сейчас уже даже мне интересно, причём тут континуумы, и как это связано, – сказал Кмонц.

– А так, что так называемые «надземные кораллы», в которых строился и строится Мальцарт, находятся не в этом Измерении, не в 57-м. В этом – он просто перламутровый город, без разбора, что это за перламутр и перламутр ли это вообще…

– А, ты об этом…

Амфибия скользила мимо гигантских кораллов, откуда любопытно выглядывали какие-то морские обитатели, немного похожие на осьминогов. Лучи света пробивались сквозь водную толщу, вокруг кружили какие-то мелкие разноцветные рыбёшки или нечто их напоминавшее.

Астарата закрыла глаза, словно к чему-то прислушивалась. Её руки тряслись так, будто тархгьёлку что-то сильно мучило в этот момент.

– Что такое? – забеспокоился Тошемпт. – Опять что-то

не так?

Астарата открыла глаза:

– Вовсе нет. Даже совсем наоборот. Я прислушиваюсь к мыслям и…

– И?

Астарата повернула голову к Тошемпту.

– И чувствую разумную жизнь.

– Неужели?

– Это какая степень разумности? – вмешался Эвмерк. – В смысле, постижимая человеческому разуму…

– Опять ты мудрствуешь, братец. В вопросах постижимости и непостижимости нашему разуму мы можем дойти до того, что разумна каждая песчинка и каждая звёздная система, просто наш разум этого не может постичь… Когда мы говорим о «разумности», мы подразумеваем, что она сопоставима с человеческой…

– Хорошо. И что ты слышишь? О чём они думают?

Судно всё ещё парило над улицами инопланетного подводного города. Астарата посмотрела в иллюминатор. Некоторые последовали её примеру в надежде разглядеть нечто, что могло бы напоминать человекоподобных существ и характерные строения… Тархгьёлка закрыла глаза и снова погрузилась в мир мыслей. В этом месте н, конечно, был особым, каким-то иным. Но и человеческий мир на Жизни был несколько иным, нежели на Земле.

Астарата увидела «Парящий» со стороны, словно сама бы-

ла уже где-то снаружи. Она глядела на искрящиеся нити сознания не только человекоподобных существ, отдалённо похожих на осьминогов, но и самого «города». Астарата стала прикасаться к этим нитям. Ощущая прикосновения, они начинали звенеть, словно струны. Этот звон трансформировался в голоса мыслей, памяти и сознания.

– Они полны тревоги, – заговорила Астарата, хотя сейчас она была лишь телом на судне, но не разумом. – Последние несколько эпох, когда здесь появились люди, эти разумные существа чувствуют изменения в их мире. Но они не понимают, с чем изменения связаны. Суша так же сложна для их изучения, как для нас подводные глубины. Эти существа не могут дышать воздухом, к тому же на суше совсем другое давление, солнечная радиация… Иногда они подбираются ближе к водной поверхности, но часто и мы вторгаемся в их владения. Как сейчас. Для них это любопытно, они стараются нас изучать, но, поверьте, они воспринимают людей, скорее, как какой-то инвазивный вид, нежели как разумных существ.

– Ну, одно другому не мешает: быть и разумными, и инвазивными.

– А что, если как раз наоборот? Если инвазивность – признак недостаточной разумности?

– Это просто признак вида и его способности приспосабливаться. Ты же не заподозришь в недостаточной разумности дуб черешчатый по отношению к руболовке?

– К чему?

– Ты здесь уже больше недели, а к экспедиции готовился несколько лет. Ты что не озадачился немного ознакомиться с флорой и фауной Жизни?

– Ну, знаешь, существуют теории о том, что и на Земле человек – привнесённый вид. Почему он не может быть инвазивным ненамеренно? Возможно, в гипотетическом родном мире всё было иначе, а для Земли и Жизни…

– …он не был инвазивным, когда численность населения регулировалась эпидемиями, голодом, хищниками…

– Но любой вид будет эволюционировать и приспосабливаться к среде, в которой существует. Так стало и с человеком.

– А почему ты считаешь, что сейчас численность людей ничто не регулирует. Просто сейчас у природы появились иные инструменты. Например, человек, который посвятил себя науке, вряд ли обзаведётся огромным потомством, ведь у него есть иные интересы и приоритеты, кроме бесконечного размножения… Вот тебе и «инструмент»!

– Как-то это не обнадёживает…

– Не забывай, что некоторые психические болезни, связанные с извращённым восприятием физических наслаждений, и достигшие пика в эпоху, когда количество людей на планете опасно зашкаливало, тоже способствовало регуляции численности нашего вида…

Астарата не слышала этой беседы, она всё ещё была не

с ними. Тархгьёлка ступала по морскому дну, пыталась раздвинуть морскую толщу руками. Вода давила на неё со всех сторон. Все ощущения были удивительно реальными с тем лишь исключением, что Астарата могла спокойно дышать под водой, хотя временами что-то и давило на грудную клетку. Обитатели подводного города чувствовали её присутствие, хотя и не могли её видеть. «Нити» сознаний и мыслей звенели и искрились, сливаясь в единую светомузыку. Они становились тяжелы и мучительны, Астарата едва их разбирала, но ей было не впервой заниматься подобным. Обычный, неподготовленный человек сошёл бы с ума от такой нагрузки. Его сознание перегорело бы, словно лампочка от высокого напряжения.

– У них тоже есть свои «города» и «государства», – продолжила говорить Астарата, вторгаясь в оживлённую дискуссию. – Их, как и нас, тревожат дела насущные и политическая ситуация. Их собственная политическая ситуация, не пересекающаяся с нашей. К появлению подводных судов они уже привыкли и воспринимают их так же, как мы воспринимаем кометы и другие небесные тела. С той лишь разницей, что закономерности движения жизнянских судов они ещё не разгадали, как мы более-менее разгадали закономерности движения комет. По крайней мере, не разгадали закономерности движения тех судов, которые ходят не по расписанию. Удивительно, как они на нас похожи… Но есть и иные мысли и восприятия… их я не могу расшифровать. Да-

же если я это сделаю, это будет иметь сильно искажённое значение. Даже то, что я смогла разобрать, я разбирала как человек… и понимала так же.

Астарата «слушала» подводный город, а пассажиры и экипаж «Парящего» с интересом слушали её.

Тархгьёлка «вернулась», открыла глаза и огляделась по сторонам. Казалось, что она немного дезориентирована после такого «путешествия».

– Обычный человек не разглядит в них разумности, как и они – в нас. У нас слишком мало точек соприкосновения. С таким же успехом мы можем разгадывать разумность семейства кошачьих…

Мих и Драндра улыбнулись такому замечанию. Но остальные восприняли его чрезмерно серьёзно, задумавшись: «А кстати, мы всегда догадывались…». Уловив эти мысли Астарата чуть не рассмеялась. Эвмерк, который немного умел слышать некоторые человеческие мысли, улыбнулся и посмотрел на сестру.

«Парящий» поднимался к водной поверхности. Наверху немного качало, но это не помешало взлёту. Земляне сквозь иллюминаторы увидели, как судно расправляет крылья, и восхищённо вздохнули, словно они были вовсе не представителями второй высокоразвитой цивилизации, а дикого племени с какого-нибудь потерянного острова мирового океана. Анильты аж зарделись от гордости и толики превосходства. Океан, был ещё зеленее, чем некоторые моря и

океаны Земли. А причина была всё в том же зелёном небе, которое отражалось в его водах. Астарата летела с закрытыми глазами, но на этот раз не из-за изучения инопланетных цивилизации, а от страха высоты.

– Мих, мне снова кажется, что у нас что-то стучит в багажном отсеке.

– Не знаю, я снова ничего не слышал. Ты уверена, что это не воздушные потоки.

– Я тоже слышал, – вмешался Тошемпт.

– Честно говоря, мне казалось, что там даже какие-то голоса иногда слышны, – сказал сопровождающий из Анильца. Он сидел ближе всех к переборке, отделявшей багажный отсек от пассажирского. Кмонц, располагавшийся рядом, подтвердил это. Коллеги Тошемпта уже опасливо посмотрели в его сторону, раздумывая, не подготовил ли этот рыжий тип очередной розыгрыш.

Через непродолжительный промежуток времени стук повторился ещё раз. Вернее, даже грохот. И на этот раз его услышали все. Сопровождающий глубоко вздохнул и положил руку на лоб. Драндра нажала на какую-то кнопку на приборной панели.

– Мих, проверь, что у нас в багажном и технологическом отсеке.

– Ага, хорошо.

Только пилот успел отстегнуться и встать, как грохот повторился. При этом он сопровождался ругательствами и да-

же звуками драки. В салон «Парящего» выбежал красивый кот серебристого цвета. Мих этого кота узнал бы из тысячи. Тем более, что серый красавец потёрся о его ноги, после чего сел напротив, посмотрел в глаза и громко возвестил:

– Мяу!

– Мявк? А ты как здесь оказался?

– Мяу.

– А где Питомец, почему он не смотрит, куда ты убегаешь?

– Мяу!!!

– Ты меня поражаешь!

– Мяу?

Пассажиры изумлённо смотрели на эту сцену. Она их так удивила, и, возможно, очаровала, что почти никто не обратил внимания, что Драндра в подозрительной спешке стала нажимать какие-то кнопки и дёргать какие-то рычаги.

– Астарата, ты же читаешь мысли? Переведи, что этот кот говорит.

– Зачем? Мне кажется, Мих и сам неплохо справляется, – проговорила тархгьёлка, не открывая глаз, даже несмотря на накаливавшуюся на судне ситуацию.

– Мих, срочно иди в багажный отсек! Потом с Мявком разберёмся. У нас отказал искусственный интеллект.

Если в салоне были задремавшие, то они мигом проснулись. Те, кто успел отстегнуться, подпрыгнули на местах. Астарата открыла глаза и посмотрела на приборную панель, над которой колдовала пилотесса. На мгновение могло по-

казаться, что серые глаза тархгьёлки блеснули ужасом, но он погас так же быстро, как и возник. Все описанные действия произошли одновременно с прозвучавшим в разных регистрах, но вполне синхронном:

– Что??

– Ты шутишь? Такое возможно?!

– Мих, срочно иди в хвостовую часть!

Мих побежал в указанном направлении, раздираемый любопытством и лёгкой паникой одновременно. Разочарованный Мявк подошёл к неестественно спокойной Астарате. Тархгьёлка положила кота к себе на колени, стала поглаживать и наблюдать за пилотессой, для которой эта ситуация была явно из ряда вон выходящей.

– Драндра, но ты же знаешь, что делать?

– Теоретически – да, Эвмерк. Но и поломка искусственного интеллекта – тоже ситуация теоретическая. Раз в несколько лет мы отрабатываем её на тренажёрах, но на практике таких случаев были единицы. И, как правило… О, боже!

– Что? – послышалось с задних рядов. – Почему «о, боже»?

– Все такие ситуации оказывались связаны с преднамеренным вредительством, попытками убрать неудобных людей!

Сопровождающий анильт, который уже не один десяток раз путешествовал таким видом транспорта, чувствовал, что после этого рейса у него появится страх полётов похлеще,

чем у Астараты. Он вжался в сидение, но, в принципе, уже был готов бегать по салону с криком: «Мы все умрём!»

– Драндра, и сколько таких попыток увенчались успехом?

– Почти все, Астарата.

У главы Миссии не было сил проверять мысли Драндры, чтобы понять, сказала ли та правду. Она прижала к себе кота, закрыла глаза и получала новые выбросы адреналина на «кочках» зоны турбулентности.

– Мих, ну что там? – спросила Драндра по внутрисудовой связи, придерживая второй рукой штурвал.

– Вы что, совсем уже с катушек съехали?! Вы что тут устроили? Если сейчас же вы всё не почините, я вас на запчасти разберу, – послышалось из микрофона.

– Мих, что происходит.

– Что тут происходит? Даже не знаю, что тебе сказать. У меня две новости.

– Начни с плохой.

– Тут серьёзная поломка, пока не знаю, с чего начать. Я залез в технологический отсек. Тут просто всё раскурочено! Удивительно, почему искусственный интеллект отказал только сейчас!

– Хорошо, а какая хорошая?

Пассажиры с надеждой встрепенулись, вслушиваясь голос из микрофона.

– Мявк не без присмотра.

– Питомец, скотина, – проговорила Драндра себе под нос,

а после продолжила в микрофон. – Опустим пока подробности, как он там оказался. Он может тебе помочь с починкой?

– Вряд ли. Говорит, у него нет программ, которые могли бы этому поспособствовать. Если «по-человечески» – он не умеет. Программист попытается помочь.

– Что? Программист тоже там?! Какого лешего?

– Драндра, пока разбираемся с поломкой, чтобы долететь до Старгеберльта, ты там справишься?

– Да, работайте.

Драндра отключила внутрисудовую связь, облепилась электродами и схватилась обеими руками за штурвал. Прямо по курсу висело полупрозрачное облако, на нём красовалась едва заметная глория, в которой тень самолёта казалась чем-то жутким и призрачным. Цвет неба здесь был больше похож на земной – оно было почти голубым.

– В этом слое атмосферы небо практически всегда почти голубое. У вас на Земле оно такое? – спокойно спросила пилотесса, словно ничего не произошло.

Неоправившиеся от шока пассажиры аккуратно потянулись к иллюминаторам. Астарата спокойно поглаживала кота и продолжала наблюдать за Драндрой.

– Меня восхищает слаженность твоих мыслей в такой ситуации.

– При всём уважении… Можно не читать мои мысли? Это слишком интимное. Всё, что я захочу сообщить, я скажу вслух.

– Я не читала твои мысли. Я лишь сказала, что они слаженны. Чтобы увидеть, что книги на книжной полке лежат ровно, необязательно их читать.

Сопровождающий из Анильца вылез из-под под сидения, куда он умудрился сползти, сам того не заметив. Он посмотрел на облака и спросил жалобным голосом.

– Пилотесса Драндра, всё уже закончилось?

– Я пока стабилизировала положение судна и его курс. Стажёр Мих работает над поломкой.

– Это было покушение? – продолжил сопровождающий. Его лицо было бледным, а взгляд растерянным.

– Нет, это была обыкновенная глупость. Причём, если даже человеческая, то очень опосредованно. К нам залезли два «питомца» и что-то наворотили в технологическом отсеке. Как они к нам попали, пока не знаю. Но надеюсь, ваша служба с этим разберётся.

– А, может, если всё хорошо закончится, не станем им говорить? Боже, если наш самолёт разобьётся, меня уволят. Жена меня за это убьёт.

– Да ты оптимист, – присвистнул Тошемпт.

– Почему?

– Ты думаешь, если самолёт разобьётся, будет кого увольнять и убивать?

– Ты не знаешь мою жену. Она меня с того света достанет, чтобы снова убить.

– Понимаю. Моя такая же!

– Этот клоун ещё и женат? – Кмонц покачал головой.

– Интересно, какая бедолага его терпит?

– Как видишь, Мизондад, не терпит, раз я здесь, а она – на Земле, – отшутился Тошемпт, после чего немного подался вперёд к впередистоящему креслу. – Слушай, Эвмерк. А у тебя есть кто-нибудь на примете?

Эвмерк был погружён в свои мысли и не готов был к вопросу.

– А, э, что? А, нет, нет и нет. Как посмотрю на Астарату и подумаю, что моя супруга может быть такой же… Бррр…

– Ну, может и не быть. Вот у меня…

– … У тебя ещё хуже!

– Боже мой, как же тяжело вам живётся, мальчики, – вмешалась Астарата. – Эвмерк, дотянешься до кота? Он такой хорошенький! Спит у меня на коленях, портит шерстью мой новый костюм…

Эвмерк сидел на переднем пассажирском сиденье, как и его двоюродная сестра. Он потянулся через узкий проход и коснулся кота. Мявк даже не пошевелился, лишь самый кончик его хвоста недовольно задёргался.

– Не обижайся на меня, Эвмерк. Ты же знаешь, что я тебя люблю.

– Эээ… да я не обижаюсь… уже. Ну, ты это, тоже… того… этого… Ну, не обижайся, на меня, в смысле.

– Астарата, а ты уверена, что он сможет говорить на заседании? – спросил Кмонц.

– Уверена. А вот что его поймут – нет.

* * *

Рельнальд сидел за столом, обложившись бумагами. Правитель Анильца почти не пользовался мысленны́ми технологиями, но всё же иногда давал задания своему роботу. Дабы тот совсем не заскучал и не развалился от безделья, как иногда разваливается техника, которой совсем не пользуются. Робот собирал и систематизировал небрежно разбросанные документы. Ничего сверхценного в этих документах не было, они касались лишь текущей жизни города и государства Анильц. В основном – обращения мелких чиновников и рядовых граждан по различным наболевшим вопросам. Если Рельнальд и переживал по поводу того, о чём договорятся земляне со старгеберльтцами, то сейчас он этого не замечал – слишком был погружен в рутину. Временами, когда правитель отвлекался, чтобы немного передохнуть, он больше погружался в своё прошлое, нежели в настоящее. Он стал Хранителем этого города очень рано, когда был совсем ребёнком. Он сам не совсем понимал, как это произошло. Вряд ли причиной было только то, что Рельнальд очень сильно любил Анильц. Просто однажды он почувствовал, что эмоциональная сила этой любви уже не помещается в разуме, она стремилась вырваться наружу вместе с душой. Тогда-то Рельнальд впервые и ощутил, что способен чувствовать мысли и чувства того, что до сих пор считалось неодушевлённым. Спустя какое-то время в их дом пришли люди, кото-

рых в Анильце называли жрецами. По сути, они тоже были кем-то вроде хранителей, ведь хранили важные знания и тайны. Они забрали Рельнальда к себе для обучения и посвящения. В Анильце Верховный хранитель (или просто Хранитель с большой буквы) почти всегда становились правителями города. Однако для этого им всё же была нужна определённая подготовка. Старгеберльтцы не особо вмешивались в эту традицию, даже принимали активное участие в обучении, хотя до переворота эта должность и была, скорее, номинальной. Если же человек совсем их не устраивал, его просто «убирали».

Никто не спросил Рельнальда, хотел ли он для себя такого будущего. И тем более никто не задал этот вопрос его родным. Это было неважно.

Рельнальд плавал в воспоминаниях и одновременно читал обращение, в котором житель небольшого поселения, находившегося под юрисдикцией Анильца, просил рассмотреть вопрос о прокладке нормальной дороги через хищный лес рядом с поселением. Кто-то ещё просил озаботиться вопросом организации системы водоснабжения в другом небольшом посёлке, а из третьего местечка просили рассмотреть вопрос о создании у них соляного курорта.

– Рельнальд, ты сильно занят? Я могу тебя отвлечь?

Хранитель сам удивился, что не заметил, как в кабинет вошёл человек и даже успел приблизиться к рабочему столу. Сонадн, главный советник и наставник юного и импуль-

сивного правителя Рельнальда, та самая «тень», а когда-то – один из тех жрецов-учителей, который забрал Рельнальда из привычного ему мира, стоял рядом со столом и аккуратно держал в руках какой-то деревянный прямоугольник.

Большинство анильтов (не без основания) полагали, что истинным правителем Анильца является именно Сонадн, а не юный Рельнальд. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что этот человек весьма непрост. Все сложности прожитых лет легли вполне очевидной печатью усталости на его лице, отчего Сонадн выглядел старше своего возраста. Казалось, что ещё немного, жрец-хранитель сгорбится под весом невидимой тяжести, которую ему до сих пор приходится носить. Однако это только казалось. Этот человек упрямо держал спину, будто бросая вызов законам жизни.

– Не отвлечёшь, Сонадн. Что ты принёс?

Помощник правителя развернул прямоугольник лицевой стороной к Рельнальду. От удивления юноша выронил бумаги и встал из-за стола, ведь он увидел картину! Да, настоящую картину! Она была написана руками человека, без помощи роботов и искусственного интеллекта. Юный Хранитель это точно знал и видел. Даже робот удивлённо замер и выронил документы.

– Боже! Сонадн, где ты раздобыл такое сокровище? Это же космопорт, прибытие землян! Картина совсем свежая!

– Да, она совсем недавно была продана с аукциона. Возможно, в длинные выходные у художника было достаточно

времени, чтобы писать картины. Очевидно последние события вдохновили его. Хотя, скорость для такого качества действительно поразительная. Это художник – безумный гений! Я знал, что ты оценишь…

– Кто? Кто её написал? Кто этот художник?

– Я пробовал навести справки. Узнал только то, что работы этого художника частенько уходят с аукционов. Иногда – по заоблачным ценам. Очень много их оказалось в Старгеберльте… Вечно им всего мало! Он продаёт работы только под псевдонимом. Вернее, псевдонимами. Просто эксперты и искусственный интеллект уверены, что это картины одного человека. Да и не только картины… Последнее время было продано множество поделок из дерева, предположительно сделанные руками того же мастера…

– Он вообще анильт?

– Похоже, что да.

– Удивительно! Я уже подумал, что он вообще не из нашего Измерения, хотя я и не верю в таковые. Можно узнать, кто он?

– Можно. Но не знаю, насколько эту будет этично, если этот человек до сих пор не явил миру своё имя.

– Да уж… Думаю, он нисколько не уступит древним художникам. Возможно, он бы смог взяться за реставрацию картины с первыми поселенцами… – со вздохом проговорил Рельнальд, разворачиваясь к стене, на которой висело его любимое полотно.

– Ну, кто-то должен знать, кто это! С такой стоимостью продажи его картин он, вероятно, сказочно богат. Интересно, пишет ли он по заказу?

Робот подошёл к Рельнальду и дёрнул его за рукав, словно ребёнок, который пытается привлечь внимание родителя.

– Посмотрите, что я нашёл! – проговорил он, показывая шарнирными руками на монитор. – Это тоже его картины.

– Ух, ты! Да на них Анильц ещё красивей, чем в жизни! А это что за город?

– Судя по всему, похоже на Акральтон. Только откуда этому художнику знать, как он выглядит? Это закрытая информация!

– Может, он и сам не знает, что это Акральтон. Ей-богу, в наш прогрессивный век ты не допускаешь мысль, что он мог видеть его во сне или во время сеансов медитации?

– Картина называется «Небесный город». Кстати, картина хранится в Старгеберльте. Говорят, она тоже довольно свежая. Вас не смущает, что старгеберльтцы не станут задаваться этичностью поиска художника, который имеет доступ к информации такого рода… пусть даже в изменённом состоянии сознания?

– Твой робот прав, Рельнальд. Нам надо добраться до художника раньше.

– И что мы ему скажем? Не пиши картины с земными городами?

– Для начала хотя бы узнаем, знает ли он, что эти небес-

ные города – земные? А вообще, таких людей надо охранять, они опасны для государства Старгеберльта. А, может, и для нашего…

– Но тем не менее картина доступна для широкой публики.

– А что у него ещё есть?

– О, похоже, он любитель поохотиться в хищных лесах.

– Точно!

– Видимо, в шаманских плясках он тоже участвует. Или, по крайней мере, наблюдает за ними. О, и у него есть кот!

– Интересно, где он научился писать такие картины?

– Что же, найдём – узнаем. Но всё-таки найти его будет непросто… наверное.

– Ничего. Пока что мы никуда не торопимся…

Верхушке Анильца было невдомёк, что «безумный гений» несколько часов назад лишился работы и, похоже, картины и изделия ручной работы вскоре станут его единственным заработком. Вельвда это не особо печалило. Он давно мог позволить себе заниматься исключительно творчеством, но опасался, что тогда совсем утратит связь с реальностью. Или с тем, что в этом мире считалось реальностью. Как там говорили Наставник и Астарата? «Погрузиться в мысли города…»

«– Да ну, глупость какая! А ещё говорят, я псих! Но Астарата… Кто же она всё-таки такая? Явно же тоже чокнутая!.. Как и мой Наставник…» – думал Вельвд, возвращаясь до-

мой и держа руки в карманах.

– Уважаемые пассажиры, наш полёт почти завершён. Искусственный интеллект так и не заработал, поэтому садиться будем без его помощи.

«Уважаемые пассажиры» не особенно удивлялись, что судовой искусственный интеллект не заработал. За последние часы они наслушались множества интересных ругательств из микрофона внутрисудовой связи, а также в какой-то момент наблюдали за бегавшим (вернее, ездившим) по салону роботом по имени Программист, который орал: «Ужас! Всё пропало! Мы все умрём! Драндра, мы больше никогда не будем захватывать Человечество, только спаси нас!». В общем, все, кто боялся, уже смирились с неизбежной гибелью и просто наслаждались полётом. Ведь он обещал быть последним.

Пилотесса не знала, плакать ей или смеяться над словами Программиста о захвате Человечества. Она ещё не знала, что в одной из амфибий летят и её роботы, которые, кстати говоря, не отказались от идеи захвата. Упаднические настроения по поводу возможной гибели судна Драндра не разделяла. Она совсем недавно купила новое платье и ещё ни разу не надела его на выход. Нет, она не погибнет, пока его не «выгуляет». Примерно такая же мотивация выжить была и у Миха, только в его случае «выгуливать» надо было гарпун для охоты и новые болотные сапоги. Правда, за минувшие часы безуспешных попыток устранить поломку, он сильно вымотался. Копна его непослушных русых волос выглядела

так, словно Мих только что выбрался из лап незадачливого парикмахера, у которого слишком нестандартный подход к работе.

Питомец стоял рядом с Эвмерком и рассказывал ему всё то, что не успел рассказать в баре про свои «прошлые воплощения». А также и то, что успел, но Эвмерк наверняка это не услышал, потому что пришёл позже. Астарата, сидевшая рядом с котом на руках, тоже ненароком слушала его трёп. Спустя несколько часов ей это уже жутко надоело, хотя остальные пассажиры и не разделяли её чувства. Ещё хуже стало, когда Питомец повернулся к ней и совершенно бесстыднейшим образом воскликнул:

– О! Это же ты будущая жена Вельвда!

Астарата от неожиданности чуть не выронила кота, а Драндра и Мих – свои штурвалы.

– Ты что несёшь, чудик? – спустя некоторое время проговорила она сквозь зубы, чувствуя, что сгорит от стыда перед своими коллегами, которые тихонько похихикивали у неё за спиной. Такой красной тархгьёлка не была ни разу в жизни. Эвмерк чуть не лопнул со смеху. Питомец ему нравился всё сильнее.

– Только не говори, что он тебе не нравится! Я же вижу, что нравится! Я ещё в прошлый раз это заметил!

– Заткнись, Питомец! – вмешалась Драндра.

– В прошлый раз? – удивился Эвмерк.

– И его кот тебе нравится, – не унимался робот. – Более

того, ты коту тоже нравишься. Мявку вообще никто так не нравился – это знак! Забирай его к себе на Землю.

– Кота? – непривычно тихо спросила Астарата, вжимаясь в кресло, но не от страха полётов, а от раздиравшей её неловкости.

– Вельвда тоже можешь прихватить. Он давно мечтал побывать в Акральтоне!

– Я из Тархгьёла.

– Думаю, Тархгьёл ему тоже понравится.

– Боже мой, Питомец, неужели тебе больше некого мучить? Иди к Тошемпту, слишком уж у него хорошее настроение, – проговорила Астарата уже намного громче.

В это время Тошемпт выглядел таким бодрым и воодушевлённым, что его давние знакомые до сих пор не были до конца уверены, что он не приложил руку к происходившему на борту.

– Ну, уж нет! Ты мне больше нравишься.

– Питомец, ты нам мешаешь! – на это раз вмешался Мих.

– Чем это? Сидите себе и управляйте!

– Мы не можем. Нам же интересно, о чём ты там говоришь, – заявила Драндра.

Питомец фыркнул. На горизонте уже показались огни Старгеберльта, которые сияли под слегка посветлевшими рассветными небесами. В этом городе тоже преобладала высотная застройка, хотя его небоскрёбы не вызывали ассоциации с ракетами. Облака висели над верхними ярусами зда-

ний. Город кутался в них в прохладный предрассветный час, словно в пуховое одеяло.

– Красивый, зараза! – послышалось в салоне.

– Но не красивей Анильца, – возразил сопровождающий.

– И не красивей Кетамбда, – подхватил Тошемпт.

– И не красивей Акральтона, – добавил Эвмерк.

– И не красивей Мальцарта.

– И не красивей Вертарда.

– Ну всё, расквакались, своё болото нахваливая.

– А ты сама-то чего молчишь? Про Тархгьёл ничего не квакнешь? – спросил Кмонц.

– Неа. Чисто визуально мне больше нравится Антроцейн.

– Ну вот! Какая же ты тогда Хра…

– Эвмерк!

– А, ну да…

– Нет, ну а чего? Некоторые вообще считают, что Антроцейн красивей Акральтона, – возразил Мизондад.

– Но не Кетамбда.

– Да замолчи ты уже.

«Парящий» стремительно приближался к Старгеберльту. У Миха глаза горели, как никогда. Да, политическая обстановка подспудно оставляла в душе некую досаду, учитывая, как сильно Анильц ещё мог огрести от Старгеберльта. Но всё же это не помешало Миху получить эстетическое наслаждение от красоты последнего. Тем более, когда муж Драндры начал мечтать тут побывать, политическая обстановка была

благополучнее.

Старгеберльт не был расположен на обрыве, как Анильц, поэтому и аэродром у него был устроен иначе. Взлётно-посадочная полоса начиналась в воде, на которую надо было посадить амфибию. Рельс здесь не было, только магнитная подушка, которую судно «нащупывало» ещё в море, после чего выезжало на сушу, постепенно «оседая» на землю.

– Ну что, ни пуха ни пера! – выдохнула Дранда, готовясь к посадке. – Мих, готов?

– Ага… К чёрту!

«Парящий» плюхнулся на переливавшиеся от городских отражений морские волны и медленно поплыл в направлении аэродрома. Диспетчер, которому сообщили об отказе искусственного интеллекта на судне, начал очень громко ругаться и молиться прямо в микрофон. Драндре даже пришлось немного снизить громкость, чтобы не раздражал. Вокруг шустро и легко на воду садились остальные самолёты делегации. Когда «Парящий» уже двигался по взлётно-посадочной полосе, поступило предложение убрать кота и Питомца куда подальше от посторонних глаз. А вот Программиста никто прятать не собирался, когда выяснилось, что это именно он способствовал раскурочиванию оборудования. Но Программист не особо расстраивался. Теперь, когда всё самое страшное было позади, он снова вернулся к мыслям о власти над миром. Пусть в их полку́ и убыло, Сингулярность и Мурзик помогут ему улизнуть от лап правосудия.

– Рельнальд, вообще, это не единственная причина, по которой я пришёл. Мы вскрыли один из замурованных древних ходов. Помнишь, о котором мы даже точно не знали, что это именно замурованный ход. Мы рискнули провести там взрывные работы. Твоё предчувствие, что там может быть нечто необыкновенное, не обмануло. Ты даже не представляешь, насколько не обмануло. Думаю, ты должен это увидеть!

Юноша отложил картину в сторону.

– Что же, пошли, Сонадн.

На выходе из кабинета они столкнулись с Герлонсом. Старгеберльтец выглядел непривычно растерянным и был бледен как смерть.

Сказать по правде, за минувшие сутки его уверенность в себе и своей способности контролировать ситуацию пошатнулись ещё сильнее, чем когда Астарата вывела земные делегации из зала совещаний. Собственно, Герлонс никогда не был по-настоящему уверен в себе, но он был уверен в могуществе и правоте Старгеберльта. Это придавало ему силы. Однако сегодня он был очень недоволен результатами своей работы. Утром посол так и не смог выяснить, о чём беседовали главы делегаций. Целый день он пытался связаться с центром, чтобы сообщить, что пришельцы всю ночь разрабатывали какой-то план. Но сделать это ему так и не удалось, что-то глушило сигналы. Причём никаких объективных причин для помех ему найти не удалось. Да, так бывает, когда тех-

ника сбоит без видимых причин. У Герлонса, конечно, были предположения на этот счёт… Может, конечно, анильты сами сегодня глушили его сигналы, но тогда он смог бы это, по крайней мере, обнаружить. Посол чувствовал, что скоро он сам станет таким же суеверным, как и жители Анильца. Всё-таки несколько лет работы в этом городе не прошли бесследно, он совсем обанильтился… Бррр…

– Герлонс, вы что-то хотели? – спросил Рельнальд.

– Эээ… да…

– Чуть позже, – сказал было Сонадн, но после секундных размышлений, добавил:

– Впрочем, пойдём с нами. Думаю, дело такой важности, что вам тоже надо об этом знать.

Герлонс просто обомлел. Какое дело может быть ТАКОЙ неожиданной важности, что Анильц готов поделиться им аж со Старгеберльтом?

– Сонадн, ты уверен? – забеспокоился Рельнальд.

– Нет, но Герлонс всё равно станет докапываться.

– Кажется, я понимаю, почему у вас в Анильце настолько много проблем…

– Да-да, вы нам постоянно повторяете, что они – от нас самих.

Трое мужчин прошли по широким коридорам, предварительно заглянув в кабинет Сонадна и захватив фонарики.

– Чего? Вы их ещё используете? Вы что, совсем пещерные люди? – рассмеялся Герлонс.

– Не думаю, что наши роботы должны знать о том, что находится в подвале. В их «умных» прожекторах нет необходимости.

– Сонадн, предупреждаю, если вы задумали меня убить, у вас проблем будет ещё больше, чем сейчас…

– О, можете не переживать. Если кто-то вас и убьёт, это будем точно не мы.

– По крайней мере, не сегодня, – брякнул Рельнальд.

Вскоре мужчины спустились в подвал, который, в свою очередь состоял из нескольких ярусов. Фонарики здесь пока ещё не были нужны, ведь в технических помещениях было неплохое освещение. Вокруг труб, проводов, котлов, счётчиков и прочих элементов роились роботы, обслуживавшие всё это. На специальных мониторах, висевших на стенах, отображались показатели, в которых что-то понимал лишь искусственный интеллект и человек-оператор. В данном случае, женщина-оператор средних лет. Она стояла в синей робе, с убранными под специальный головной убор волосами и что-то нажимала на сенсорном мониторе.

– О, Сонадн, что-то вы зачастили в мои пенаты!

– Ты помнишь наш уговор?

– Помню-помню, ни одной живой душе, – она улыбнулась и спешно удалилась.

– Сонадн, а что происходит?

– Ну, она помогала нам в… – начал было Сонадн, но взглянув на Герлонса, тут же умолк.

Перебравшись через серебристые трубы, мужчины оказались у выемки в стене. Выемка была пробита давно и весьма небрежно, поэтому было даже странно, что серебристые трубы поблизости не получили царапин и вмятин.

– Так, теперь достаём фонарики. Герлонс, сейчас осторожнее. Лестница очень разбитая и скользкая. Там, как в пещере – влажно и холодно.

– О, да, – подтвердил Рельнальд.

Через четверть часа анильты и старгеберльтец уже были у подножия опасной лестницы и направлялись к какой-то каменной галерее. Неровные своды, сплошь и рядом обросшие сталактитами и сталагмитами, переливались и сияли, когда на них наводили фонарики.

– Вообще, они мерцают всегда. Если мы выключим свет, вскоре наши глаза привыкнут, и мы сможем увидеть здесь целые созвездия, – проговорил Рельнальд Герлонсу, пока тот шагал под сводами древних стен и потолков подземного города с раскрытым ртом.

– Вот мы и пришли. Сейчас здесь никого нет. Работники, которые производили вскрытие, подписали документы о неразглашении и сейчас находятся под тщательным нашим наблюдением. А все роботы были отключены…

– Вы уверены, что вы хотите мне показать то, что находится за этой стеной?

– Да. Потому что не уверен, что мы можем самостоятельно принять решение, не посоветовавшись с другими жизня-

нами.

Герлонс усмехнулся. Впрочем, когда они прошли сквозь разрушенную стену, ему многое стало понятно.

– О, боже! Я думал, что это просто байка, выдумка конспирологов или кого-то там ещё! Вы же не хотите сказать, что это…

– …Сонадн, кажется, мне плохо. Они ещё живые?

– Не думаю, что их можно так назвать. Но, по всей вероятности, да.

– И как не вовремя вы их обнаружили. Землянам об этом точно знать необязательно!

– Думаете, на Земле ничего подобного нет?

– Ну, разве что в Тархгьёле… Анильтов тоже хватало в его лабораториях, они вполне могли заниматься чем-то подобным. И потом сделать нечто подобное здесь…

– А Старгеберльт что, не при делах, чем занимались анильты в старгеберльских лабораториях Тархгьёла?

Герлонс на мгновение задумался, а после ответил:

– Строго говоря, это были лаборатории Жизни, а не только нашего города. Не надо нас обвинять во всех смертных грехах…

– Что я слышу? Старгеберльтец отказывается от претензии на…

– Рельнальд!

– Но, скорее всего, вы правы, – продолжил Герлонс. – Но мне такую информацию никто не сообщал. Возможно, Кол-

далорт, просто не хотел этого делать… Тогда он захочет меня «убрать», если я ему сообщу…

– Что же? Ваше замешательство выглядит искренним, Герлонс. Но вполне вероятно, что Колдалорт сам об этом не знает.

Ночь стремительно таяла над Старгеберльтом, облачное одеяло спускалось всё ниже. Город словно демонстрировал, что утро хоть и на подходе, но рано просыпаться ему совсем неохота. Однако огни постепенно гасли, а шум возрастал… Прибытие землян не делали тайной для жителей, поэтому сегодня утром много кто рванул к аэропорту. Зеваки глядели кто с восхищением, кто с возмущением, что власти Жизни так лебезили перед этими пришельцами. Земляне украли у их государства технологии и отобрали Тархгьёл, активно способствовали сепаратизму Анильца, а тут заявились, словно ничего не произошло. И словно они имели право на всё то, что совершили ранее и продолжали совершать сейчас. А элита Страгеберльта ещё и кланялась им, тьфу ты! И неважно, что земляне поклонились в ответ, им бы ноги целовать и просить прощения!

– Приветствуем земную Миссию в Столице мира! – проговорил человек в чёрном костюме с высоким узким воротником. – Мы сожалеем, что у вас не получилось сразу наладить контакты со Старгеберльтом, и вам пришлось связываться с нами через сепаратистов.

Астарата, конечно, догадывалась, что их могут встретить

чем-то подобным, но не до такой же степени! Она просто обомлела, потеряв дар речи. Колдалорт самодовольно улыбнулся, заметив её замешательство. Глава делегации Акральтона, который обомлел не меньше двоюродной сестры, но не утратил дар речи, решил вмешаться.

– Ничего страшного. Главное, что всё наладилось и разрешилось. Мы рады, что нам удалось всё же прибыть к вам… в Стра… в Старл… в Столицу мира.

И тут же подумал: «Кажется, я понял, зачем они так назвали свой город».

Астарата попыталась улыбнуться, но вместо улыбки получилось что-то невразумительное. Она проговорила тихим ироничным голосом, больше для себя:

– Да уж, словами не передать, как мы счастливы… Ещё счастливей мы были бы только, если бы наш самолёт разбился…

Несмотря на то, что глава Миссии говорила тихо, её слова не остались неуслышанными. В немом недоумении на неё уставились и земляне, и жизняне. Заметив этого, она всё тем же голосом снова проговорила сама себе, не понимая, хочется ли ей смеяться или провалиться сквозь землю.

– Ё-моё, я ещё и вслух это сказала…

Тошемпт изо всех сил старался не расхохотаться, как и некоторые его коллеги. Кмонц едва сдерживал улыбку, которая на его сердитом лице выглядела как нечто сюрреалистическое. Астарата была человеком чрезвычайно искрен-

ним, настолько искренним и жаждущим справедливости, что, возможно, политик на Жизни из неё был бы никудышным. Но вполне достойным для Земли, в частности – для Акральтона или Антроцейна из соседнего Измерения.

– Мы рады, что мы добрались до Старгеберльта… живыми, – попыталась она исправить ситуацию.

– Да, нам уже сообщили о поломке самолёта. Мы попытаемся разобраться с этим, пока вы будете у нас гостить.

– В Старгеберльте или на Жизни? – проговорила тархгьёлка.

Колдалорт расхохотался: непонятно над чем, но на удивление искренне.

– Ну, это уж как получится. Пойдём. Мы знаем, что дорога у вас была долгой и утомительной, поэтому предлагаем вам сначала разместиться в гостинице и немного отдохнуть. Потом мы проведём для вас экскурсию по городу… Думаю, начнём обсуждение рабочих вопросов завтра.

– Завтра??

– Да, сегодняшний день в полном вашем распоряжении.

– Мне кажется, это даже неплохо, – проговорил Тошемпт, когда они уже заселялись в номер.

– Возможно, они хотят выиграть время. И разобраться с «Парящим». Они же не могут исключать покушение, в том числе и от анильтов.

– И мы не можем, – сказал Эвмерк.

– Нет, покушение маловероятно. Ты не слышал мысли этих роботов? Они, как дети малые, сами не поняли, что наворотили. Но Драндре и Миху не завидую, как и нашему сопровождающему. Где наш «секретный чемодан»?

– Он был у Тошемпта. Кетамбдец не отдал его носильщикам.

– Да, он у меня!

– Так выпускай их тогда! Они и так достаточно намариновались.

Тошемпт нажал на кнопки чёрного чемодана. Система, встроенная в него, мгновенно считала отпечатки и выпустила наружу страдальцев.

– Ну что, Питомец? Как вам там с Мявком? – улыбнулась Астарата.

Питомец изобразил глубокий вздох, который нужен был, чтобы продуть его вентиляционную систему от пыли из чемодана. Ну и конечно, чтобы добавить драматизма.

– Бывало и хуже. Спасибо, что прикрыли.

– Обращайся! – сказал Эвмерк.

– Хорошо! А можно с вами на экскурсию по городу?

Тошемпт хохотнул, распаковывая вещи.

– И как мы объясним твоё присутствие с котом?

– Астарата, не надо ничего объяснять. Просто скажите, что прихватили анильтских роботов, потому что они чрезвычайно полезны в хозяйстве. А кот вообще никого не удивит, скорее, позабавит.

Мявк, который умудрился уснуть в чемодане, сейчас активно зевал и потягивался, выгнув спину и вытянув передние лапы.

– Роботов? Хочешь, чтобы мы и Программиста реабилитировали?

Питомец фыркнул.

– Ага, Эвмерк, а ещё Мурзика и Сингулярность. Это роботы Миха и Драндры. Их хозяева не знают, что они тоже здесь.

Астарата, которая выбрала весьма неудачный момент, чтобы попить воды, чуть не подавилась со смеху, услышав имена товарищей Питомца.

– Хорошо, Питомец, – ответила она, когда снова смогла говорить. – А теперь, молодые люди, я пошла заселяться в свой номер, пока ещё чего-нибудь не узнала. Да, а вы, Питомец, основательно подошли к захвату Человечества.

– Ещё бы!

– Если ты не против, Мявка я заберу.

Прежде чем робот что-то успел ответить, Астарата уже закрыла дверь с обратной стороны.

В принципе, может, Тошемпт и прав. По крайней мере, теперь у них появилось несколько часов, чтобы отдохнуть и поспаааать.

Вещей у Астараты с собой было совсем немного, поэтому ей не понадобились большие шкафы и широкие комоды,

стоявшие в её номере. Тархгьёлка не без удовольствия посмотрела, как Мявк точит коготки о дорогущий диван старгеберльтской гостиницы, но всё же решила связаться с администрацией заведения и попросить всё необходимое для хвостатого. В ответ на недоумение администрации, она нашлась сказать лишь то, что Мявк её тотемное животное. И если она притащила его сюда аж с Земли, то оставлять кота в Анильце на время поездки в Старгеберльт тем более не стала бы. Похоже, ответ удовлетворил администратора. Ну, или тот просто побоялся оскорбить религиозные чувства землян и решил не раздувать межпланетный конфликт.

Астарата с наслаждением распустила тугую гульку из пышных золотистых прядей, стянула с себя дорожный костюм и обувь, которые хоть и были удобными, всё равно порядком утомили. Она облилась прохладным душем, смывая с себя дорожную пыль, подошла к кровати, бросила взгляд на город, который выглядел весьма красиво, в особенности с тридцать шестого этажа, и занавесила окна, чтобы наконец-то спокойно поспать. О, как же давно она об этом мечтала!

Но спокойствия не было в её снах. Усталость и мысли не отпускали. Последние крутились вокруг – её собственные и чужие. Тархгьёлка лежала на спине и поглаживала Мявка, который уютно расположился у неё на животе. Для Астараты Анильц был ничем не лучше и не хуже Старгеберльта. Для неё вообще все жизнянские поселения были равны – все

они были загадочными небесными городами, недосягаемыми и прекрасными, во всей их сложности и несовершенстве. Почему же Хранитель Акральтона решил, что Земле нужно непременно поддержать Анильц? Что он знал такого, чего не сообщил никому из тех, кого сюда отправил? Почему он, в принципе, никогда ничего не говорит, а требует слепой веры? Нет, не послушания, а именно веры. Она не желала переезжать в Акральтон из Тархгьёла, он прекрасно знал почему. Для любого Хранителя долгая разлука со своим городом может стать подобна пытке, поэтому Астарата не представляла, как живут те, кто может быть хранителем нескольких городов. Она отказалась от переезда, и Хранитель Акральтона этот отказ спокойно принял. Однако всё же какая-то невидимая сила заставила её спустя время подчиниться или поверить… Она любила Акральтон всем сердцем. Иногда даже ловила себя на мысли, что, возможно, любит его не меньше Тархгьёла…

Но это Земля, *её* города… Родной дом, такой далёкий и близкий. Он был здесь, рядом с Астаратой. Он висел перед ней невидимой пеленой, был в её дыхании, в биении сердца, в мыслях… Тархгьёл и Акральтон… Зачем Хранитель это всё взвалил на неё? Почему он решил, что Астарата сможет с этим справиться, если она даже эмоции не всегда в силах обуздать?

Она закрыла глаза и вновь вернулась в тот день. Прекрасные алмазные своды переливались над её головой. Они бы-

ли обвиты пожелтевшим от первых осенних холодов плющом. Солнце только что спряталось за облаками, собирался дождь. Дождь… Даже у дождя дома запах иной, нежели на Жизни. Он пролился с небес, во мгновение ока вымочив насквозь длинное белое платье и распущенные волосы Астараты.

Тархгьёлка едва сдерживала слёзы, лёжа с закрытыми глазами и вспоминая это.

– Почему я? Почему не кто-либо иной? В конце концов, Эвмерк намного лучше справился бы с такой важной миссией.

– Эвмерк будет главой делегации Акральтона. Этого достаточно, – спокойно проговорил человек в белых одеяниях. Его длинные седые волосы выбивались из-под капюшона, но лицо казалось почти не постаревшим за минувшие годы, хотя и было очень уставшим. Человек медленно шёл рядом с Астаратой.

– Дядя, ты считаешь, что такую задачу можно взвалить на плечи молодой девушки, а не хотя бы… на плечи взрослой женщины… или мужчины?

Человек улыбнулся. Она удивлённо посмотрела на его улыбку:

– Тебе это кажется смешным?

– Нет, Астарата. Однажды ты поймёшь всё то, что уже понял я. Ты увидишь всё то, что я уже знаю. Ты можешь подумать и отказаться. Но ты не откажешься, потому что знаешь,

что я всегда был прав.

– Не всегда, дядя.

Человек улыбнулся ещё шире:

– Ну, тут я с тобой соглашусь. В твоём возрасте я часто упрямился и бывал неправ.

– Хм, дядя, камень в мой огород? Всё-таки ты вредный!

– Конечно. Иначе в кого бы ты была такая!

Они засмеялись, шагая бок о бок. Человек по-отечески обнял Астарату. Вспоминая это, тархгьёлка невольно потянулась к плечу, словно надеялась, что это объятие могло растянуться на столь продолжительный срок. Мявк, почувствовав движение, решил перевернуться.

* * *

На заре эпохи, когда люди систематизировали человеческое сознание алгоритмами, появилось немало желавших навсегда загрузить свой разум в процессор. Люди всегда боялись смерти, изо всех отсрочивая неизбежное и растягивая свой страх на неадекватно длительный период. Но не все были удостоены чести обрести бессмертие, лишь те – кто мог представлять ценность для будущих поколений. Работы считались секретными, но о них знали все. Вернее, догадывались. Эти догадки были сродни конспирологическим теориям. В нескольких крупных городах Жизни проводили такие эксперименты с человеческим разумом, и то лишь после того, как жизняне более-менее отработали технологию на земных людях в лабораториях Тархгьёла.

Земляне, для которых эти эксперименты тогда ещё не были засекречены, неоднократно отправляли ноты протеста Жизни. Он беспокоились об этичности таких работ, несмотря на то, что *официально* они проводились лишь на тех, кто и так должен был вскоре умереть. Когда программу официально свернули, она просто ушла в подполье и проводилась уже не только на тех, кто был обречён и согласен на нечто подобное… А, когда пришло время, все наработки на Земле были уничтожены, но на Жизни только-только расцветали.

Когда пришло понимание, что никакое это не бессмертие, а клетка для разума, программу свернули и на Жизни. Лаборатории уничтожили, а людей – «отпустили». По крайней мере, так говорили все официальные отчёты. Пусть засекреченные, но официальные. Кто должен был, знал об этих отчётах, кто не должен – догадывался. Хотя, в принципе, это было уже не так уж важно, ведь все события остались в довольно далёком прошлом. Они обросли легендами. Собственно, поэтому анильты и старгеберльтец были одинаково шокированы, когда увидели нечто подобное собственными глазами.

– Программа официально была свёрнута, а лаборатории – уничтожены, – проговорил Сонадн, вчитываясь в бумаги, небрежно разбросанные на небольшом рабочем столе. Можно было подумать, что за столом недавно кто-то работал, но огромные, просто гигантские слои пожелтевшей пыли и следы плесени свидетельствовали об обратном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.